

Владислав Колмаков

Битва за Британию



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

САМИЗДАТ

Является ли предательством бегство из своей страны? По общепринятым меркам морали, конечно же, да. Ну, а если ты — попаданец из другого мира, как тут быть? Главный герой книги Владислава Колмакова «Шанс для истребителя: Битва за Британию» над этим вопросом долго думать не стал, ведь он, в отличие от многих, предпочитает действовать.

Александр матросов просто был вынужден бежать из СССР. Только так он мог спасти любимую женщину от ареста. Вместе они отправились за Железный занавес. Невольный изгнанник, попаданец, советский лётчик-ас теперь старается найти убежище в Англии. Однако за всё в нашей жизни нужно платить. Это основной закон стран капитализма.

Матросову тоже придётся оплатить входной билет в мир Запада. В Великобритании профессия лётчика-истребителя сейчас очень востребована. Страна готовится ко Второй Мировой войне, которая её и СССР ещё не затронула. При этом боевые действия ведутся в Польше, Голландии, Бельгии, Норвегии и Франции. Скоро наступит очередь и Великобритании. Буквально через несколько дней начнётся великая «Битва за Британию», в которой немцы серьёзно намерены победить. Александру Матросову придётся принять в ней участие. Не вопрос! Да это и хорошо, ведь бить фашистов можно и на британском истребителе, раз жизнь так сложилась! *И* наш герой это тоже прекрасно понимает.

Владислав Колмаков

Битва за Британию

Глава 1

Новый старт

Мой истребитель, гудя мотором, стал выруливать на взлетную полосу аэродрома Хорнчерч. Добавляю газу и начинаю разгон. Вот «Спитфайр» отрывается от бетонной полосы и уходит в небо. Есть! Я снова в небе! Я снова в деле! Я лечу на перехват вражеских бомбардировщиков. Это не учебно-тренировочный вылет. Скоро я схлестнусь в бою с самыми лучшими пилотами Европы в небе над Британией. И признаюсь честно, что я очень этому рад. Мне нравится такая жизнь. Нравится драться не на жизнь, а на смерть с жестоким и умелым врагом. Нравится адреналин воздушного боя. Нравится ходить по кромке. Куда делся тот тихий и миролюбивый парнишка, которым я когда-то был? Куда? Он исчез и растворился в ходе всех этих войн, в которых мне пришлось поучаствовать в этой новой для меня реальности. Но стоп, стоп!!! А теперь все по порядку.

Я когда-то жил в далеком двадцать первом веке. Неплохо так жил. Занимался любимым делом. Я был пилотом малой авиации. Мне нравилось летать. И никакой другой работы я не хотел. Возможно, я бы так и прожил свою жизнь, занимаясь тем, что мне нравится. Тихо и мирно летал бы в небе. Возил людей и грузы. Возможно, открыл бы свою небольшую фирму авиационных перевозок. По крайней мере, о чем-то таком я тогда мечтал. Но все кончилось в один момент. Есть такое нехорошее слово «авиакатастрофа». Никто из пилотов его не любит. И это самое произошло со мной во время одного из моих полетов над южным морем. Там в двадцать первом веке мое существование закончилось. Но это был не конец.

Я очнулся в новом теле и в новой реальности. Угодил прямиком в 1935 год. А мое новое тело некогда принадлежало советскому летчику-истребителю, которого звали Александр Борисович Матросов. Не спрашивайте, как это произошло. Я не большой специалист в таких вопросах. Могу только догадываться. Скорее всего, настоящий лейтенант Матросов погиб, а его умирающее тело занял я. Мой дух, душа или психоматрица. Обзывайте, как хотите. Суть от этого не поменяется. Я хорошо помню, кем я был когда-то. И кто я такой на самом деле. А вот от настоящего хозяина моего нового тела ничего не осталось. Никакого раздвоения личности не произошло. Никто никого не изгонял и не вытеснял. Я занял уже опустевший сосуд. И мне пришлось с этим как-то жить дальше. Может быть я эгоист, но мне такое положение вещей нравится. Хорошо чувствовать себя живым. И здоровым. Мне досталось молодое и здоровое тело. Довольно сильное и тренированное. И еще мой реципиент был пилотом, как и я когда-то. Только военным. Впрочем, меня это не расстроило. Я ведь тоже в детстве хотел быть военным летчиком. Но суровая действительность внесла свои коррективы в мои мечты. Здоровье у меня не то было для реактивных самолетов. В ВВС Российской Федерации меня не взяли. И мне пришлось стать пилотом легкомоторной авиации. Это в прежней моей жизни.

А здесь в Советском Союзе образца 1935 года моя детская мечта осуществилась. Я стал военным летчиком. Летчиком-истребителем. Поначалу немного сомневался. А справлюсь ли я? Смогу ли быть боевым пилотом? Смог. Справился. Техника? Ее я освоил довольно легко. Самолеты здесь в 1935 году были не очень сложными. Не Бином Ньютона. Это вам не суперсовременный реактивный истребитель пятого поколения. Тут приборов в кабине не очень много. С подобными самолетами я был хорошо знаком. В общем, справился. Летать мне всегда нравилось. И вскоре я начал делать значительные успехи в пилотаже на

тренировочных полетах. Меня заметили. Мой командир заметил. Старший лейтенант Павел Рычагов. Он то меня и стал выделять из всех своих подчиненных. Не знаю, чем я его тогда зацепил? Возможно, своим рискованным и бесшабашным пилотажем, что я ему демонстрировал на тренировках? Пашка и сам был отличным пилотом. Смелым и инициативным. Его привлекало все новое. Он любил экспериментировать в полете. Придумывал новые фигуры высшего пилотажа. И отработывал их в воздухе. Я тоже любил такие эксперименты. Скоро мы стали друзьями. А потом нас послали на войну. В небе Испании все было по-взрослому. Там убивали по-настоящему. Там я из восторженного энтузиаста, любящего небо, превратился в опытного воздушного бойца. Я научился выживать в шумном военном небе. Научился побеждать в реальных воздушных схватках. Научился профессионально убивать таких же пилотов, носящих другую военную форму. Там я стал асом. Прошел сквозь пламя воздушной войны и закалился.

Потом эта война кончилась. Мы вернулись домой, где нас осыпали наградами и почестями. Советской власти нужны были герои. И мы ими стали. Мы стали расти в чинах. Очень быстро расти. Усатому вождю СССР нужны были те, кто должен был заменить старую гвардию. Мы стали его выдвиженцами. Молодыми генералами, подвинувшими старичков. Мой дальнейший путь был связан с Павлом Рычаговым. Мы с ним служили вместе. Побывали еще на нескольких войнах. Мелких и гибридных. Тех, что вел миролюбивый Советский Союз в своих интересах. Китай, Хасан, Финская война. Там мы отстаивали интересы нашей страны. Впрочем, все ведущие страны в этот период занимались тем же самым. То есть лезли в различные малые военные конфликты. Все готовились к Большой Войне и усиливали свои позиции на мировой арене.

После Зимней войны в Финляндии я получил чин генерал-майора ВВС РККА и отбыл командовать авиацией на Дальнем Востоке СССР. Затем меня перевели в Прибалтику. Она как раз к тому времени стала советской. И там надо было налаживать оборону. И мы ее налаживали. До Отечественной Войны было совсем недолго ждать. Ее дыхание уже чувствовалось. Мировая Война уже шла в Европе. Нацистская Германия к тому времени сожрала Польшу и победила Францию на поле боя. Британцам там тоже не слабо так доставалось от воинственных арийцев. Я также готовился, зная, что эта страшная война скоро докатится и до моей Родины.

Но в один миг все рухнуло. Кто-то там в верхах решил со мною поиграть. Решил проверить меня на вшивость. Сотрудники НКВД пришли арестовывать... мою жену. Моего самого любимого человека на этом свете. В общем, эту проверку лояльности к советской власти я не прошел. Провалил ее с треском и грохотом. Мою супругу Анну Марию, бывшую когда-то гражданкой Испании, я привез в Союз со своей первой войны. Это была любовь с первого взгляда. За свою жену я любого порву на британский флаг. А тут какие-то назгулы из НКВД ее пришли арестовывать. И еще учтите, что Анна Мария была к этому времени беременной. И как я мог ее отдать этим палачам? Конечно, «рюсские уря-пэтриоты» на меня бы завыли со страшной силой. Типа, я толераст и дерьмократ недобитый! Типа, мог бы и потерпеть! И отдать свою любимую женщину и нашего неродившегося ребенка в ласковые и добрые руки заботливых и чутких чекистов. Ню, ню! Они бы еще либеральным сказочником меня обозвали и клеймо «врага народа» не забыли прилепить на мою многострадальную морду. Вот только мне похрен на их взвизгивания. И это моя жизнь. И моя любимая супруга. А органы НКВД здесь и сейчас очень любят применять к задержанным физические методы дознания. И даже особо не скрывают это. Для особо одаренных поясню, если кто до сих пор

не понял. В застенках НКВД пытаются людей, чтобы выбить у них любые, даже самые бредовые показания. И это не мои придумки. Это факты. Мерзкие и противные. Но они есть. И будут ли эти назгулы пытаться Анну Марию Матросову или не будут? На этот вопрос я отвечать не хотел. Беременным женщинам такие жесткие испытания для психики и здоровья противопоказаны. В общем, умные меня поймут, а на дураков мне плевать с высокого минарета. Меня их мнение не интересует. От слова СОВСЕМ!!! Я поступил тогда так, как мне подсказало сердце. И ни о чем не жалею.

Не жалею, что пригрозил оружием тем самым энкавэдэшникам, что пришли арестовывать мою жену. Потом вырубил их и пристегнул наручниками к батарее. Затем посадил супругу в самолет и рванул на фиг из этого рассадника строящегося социализма. Конечно, никакой особой радости от этого я не испытывал. Я менял Родину на жизнь. Свою жизнь и жизнь своей жены и моего ребенка. Так мы с Анной Марией стали беглецами и эмигрантами из СССР. Невольными. Если бы не этот нелепый арест, то я и дальше бы продолжал служить на благо своей страны. Я то знал, какие суровые испытания ее ждут. Но мне не дали этого сделать. И кто в этом виноват? Сам товарищ Сталин? Или его соратники? Этого я выяснять не хочу на собственной шкуре. Мне наплевать на это. Дело уже сделано. Мне не простят то, что я совершил. Я же усомнился в непогрешимости советской власти. В непогрешимости усатого вождя. Я открыто выступил против системы. Такое там не прощают. Значит, в СССР мне вход закрыт.

После бегства из Советского Союза мы с женой перелетели в Швецию. Правда, там я долго оставаться не планировал. Хотелось оказаться подальше от СССР и загребущих лап товарища Сталина. Мы даже билеты на пароход взяли, идущий в Панаму. Но нас перехватили англичане. Разведка у них всегда работала замечательно. Уж чего у бриттов не отнять так это того, что шпионы у них всегда были лучшими в мире. В общем, пока мы с супругой ждали прибытия парохода из Панамы. Со мной на контакт вышел типичный Джеймс Бонд. Правда, имя он другое назвал. Но это сути не меняет. Наверняка, ведь вымышленное. Эти ребята под своими реальными именами не работают. Предложение, которое он мне сделал, было таким предсказуемым. Вот только этот английский шпион не на того нарвался. Он то думал, что я за него ухвачусь всеми своими конечностями. И сразу же начну активно Родину продавать за тридцать серебряных фунтов. Буду умолять его о помощи. Ага! Щас-с-с!!! Только трусы поглажу!!! Хрен ему, а не шпионские игры. Я в этом навозе плавать не хочу. Родина со мной, конечно, очень плохо поступила. Но я не предатель. И не враг своей страны. Я за нее кровь проливал. И не хочу наносить ей хоть какой-то вред. И под дудку спецслужб Ее Величества танцевать не буду.

О чем тут же и заявил вежливому бритту. А потом добавил, что я солдат, а не шпион. Я военный летчик. И не какая-то мелкая сошка, а довольно известный ас. И в других странах мое имя тоже знают. Власти СССР мои воздушные победы неслабо так пропиарили во всех европейских газетах. Тут я был не самым простым винтиком в пропагандистской машине Советского Союза. Эдакий зримый образ военных достижений советской власти. И сейчас это было мне на руку. Я теперь непростой и никому неизвестный пилот, а медийная фигура. Которую знает весь мир, между прочим. Я стал первым человеком в мире, одержавшим так много воздушных побед. Пока еще я был самым результативным боевым пилотом. В общем, я англичанам встречное предложение выкатил. Предложил им свои услуги в качестве боевого пилота. Заодно и мое имя поэксплуатируют в интересах британских ВВС. У них же сейчас дела на фронтах не очень хорошо идут. Давят их немцы со всех сторон. И именно на

это я и рассчитывал. Английским властям я подкинул идею. Пускай, сами решают. А я со своей стороны тут никакого предательства Родины не вижу. Я хочу воевать с немецкими фашистами и их приспешниками. Я и раньше это делал. И мне нравилось. Ненавижу этих долбанных арийцев. И пользу СССР я смогу принести даже в небе над Британией. Чем больше я здесь уничтожу немецких летчиков, тем меньше их потом припрется в Советский Союз, чтобы убивать советских людей. И я в меру своих сил буду сокращать численность гитлеровцев здесь на Западном фронте. Вот такой у меня хитрый план. Ведь врагов советской власти можно бить, не обязательно находясь в рядах советских ВВС.

К моему удивлению англичане думали не долго. И довольно быстро согласились с моим предложением. Видимо, дела у них там на острове шли не очень хорошо. Немцы же как раз начали против Британии операцию «Морской лев». Англичане ее назовут «Битвой за Британию». Пока я тут торговался с английскими властями, в небе над Англией шли ожесточенные бои. И британцам были нужны пилоты. Любые пилоты. Они от отчаяния собирали в свои Королевские ВВС всех, кого могли найти. Поляков, французов, югославов, чехов и прочих пилотов стран, проигравших Гитлеру. К ним даже из Бразилии и США летчики приезжали. Добровольцы, типа. И британцы всех брали. И тут же отправляли в бой. Вот и моей кандидатурой не побрезговали. И даже выполнили все мои требования. Дали австралийское гражданство, квартиру в пригороде Лондона, где поселилась моя супруга. И офицерский чин пожаловали. Не самый маленький чин, между прочим. Флайт-лейтенант Королевских ВВС. Это типа капитана ВВС РККА. Нормально, в общем. Я доволен. Меня такое воинское звание вполне устраивает. Флайт-лейтенант — это вам не генерал, протирающий штаны в штабе. Это нормальный боевой пилот. Который много летает и участвует в воздушных боях. Это как раз то, чего я и хотел. Я хочу летать, а не сидеть на земле и с умным видом стрелочки на карте рисовать. Правда, меня сначала смутило то, что мне британский офицерский чин присвоили. Я то хотел в австралийские ВВС войти. Хотел было поднять скандал по этому поводу, а потом разобрался что к чему. Сейчас то в 1940 году существует Британское Содружество Наций, в котором Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Африка, Ирландия, Ньюфаундленд имеют статус Доминионов. То есть колоний с широким статусом автономии. Формально там правит английский король Георг Шестой. Он является главой Британской Империи и Британского Содружества Наций. Но в реальности они являются независимыми странами со своими правительствами и парламентами.

А вот структура вооруженных сил у всех этих доминионов и колоний Британской империи является единой. И в той же Австралии все воинские звания аналогичны британским. И часто выходцы их доминионов служат в британских вооруженных силах. Тут в Англии хватает офицеров и солдат из Австралии, Новой Зеландии или Канады. И они служат в Королевских вооруженных силах наравне с британцами. Вот такой забавный винегрет получается. Правда, такое положение вещей относится лишь к белым жителям доминионов. А вот индусам, неграм, арабам или малайцам пробиться в Королевские вооруженные силы было гораздо труднее. Они обычно служили в колониальных армиях. Но меня то британцы к неграм не причислили и воткнули служить вместе с белыми людьми. Мда! И эти люди, придумавшие нацизм, сейчас пытаются прикрываться всей этой демократической ерундой и правами человека. Смешно, однако! Ведь британцы в 1940 году такие же нацисты, как и немцы. Они также презирают небелых людей, считая их неполноценными деградантами. Впрочем, мне на это наплевать. В этой войне англичане будут с СССР на одной стороне фронта. Будут вместе воевать против Гитлера и его

бешенной своры. И мне этого достаточно. Если они станут вместе со мной драться с немцами, то меня это устроит.

Кстати, наше появление в Англии вызвало большой фурор. Британские власти ничего скрывать не стали. И скоро все английские газеты уже описывали романтическую историю нашего бегства из СССР. Понятное дело, что кое-что приукрасили. Газетчики без этого не могут. Но в целом написали чистую правду. Я даже удивился, что советскую власть так сильно грязью при этом не поливали. Хотя по части сталинских репрессий все же прошлись. И про красную тиранию тоже вспомнили. Но как-то особо на этом внимание не заостряли. Главными то героями всех этих публикаций в прессе стали мы с женой. Типа, романтизм в полный рост. Любовь-морковь и счастливое избавление от опасности. Обыватели такие истории любят. Нет, некоторые журналюги пытались у меня брать интервью. И вопросы задавали с подковырками. Интересовались моими политическими взглядами и отношением к товарищу Сталину. Но я не поддался на их провокации, изобразив себя полным... солдафоном, которого никакая политика не интересует. Да, и про усатого вождя я старался ничего плохого не говорить. Отделался нейтральными фразами в его сторону. Вот зачем мне злить такого опасного человека, опуская его в британской прессе ниже плинтуса. Я больше акцентировал свое внимание на любви к Анне Марии. Мол, только из-за нее я и пошел на это безумство. А к Советскому Союзу я никаких претензий не имею. Не добившись от меня гневных обвинений красного террора, газетчики отстали.

Кстати, английское общество довольно благосклонно восприняло тот факт, что я буду служить в Королевских ВВС. Теперь у Британии появился «свой» самый знаменитый в мире воздушный ас, который будет защищать ее небо. И простых граждан Британской Империи такое положение очень радовало. Я подозреваю, что в мирное время все было бы по-другому. Но сейчас страшная опасность нависла над всей Англией. И ей нужны были защитники. Любые защитники. А такие профессионалы как я в особенности. Тут мои воздушные победы говорят сами за себя. Не зря же я на сегодняшний день пока считаюсь самым результативным летчиком-истребителем в мире. Сорок четыре сбитых вражеских самолета на моем счету уже имеется. Пока этот рекорд никто в мире не побил. Пока я лучший. Даже хваленые немецкие асы отстают от меня в этом соревновании. Однако, мое советское прошлое тоже сказывалось. Никаких больших должностей мне не предложили. Сейчас я был назначен командиром звена в 54-ю эскадрилью, которой командовал комэск Джеймс Эдвард Литхэрт с позывным «Лис». Проблем с моим новым командиром у меня не возникло. Этот англичанин был настоящим боевым пилотом, на счету которого было несколько сбитых немецких самолетов. И ему было наплевать на мое прошлое и политические взгляды. Главное, что я был опытным летчиком. Обстрелянным и бывалым. И меня не надо было долго и нудно обучать для ведения воздушного боя.

С новыми самолетами у меня тоже особых проблем не было. Эта английская эскадрилья была вооружена истребителями Супермарин «Спитфайр». Очень даже неплохие машинки. Мне они сразу понравились. Чем-то похожи на советские И-17. Такие же быстрые и маневренные. С пилотажем я разобрался довольно быстро. Очень приятный самолетик. Мне хватило одного тренировочного вылета, чтобы привыкнуть к этому британскому истребителю. По мои ощущениям «Спитфайр» может легко противостоять немецким «Мессершмиттам» Bf-109 серии «Е», которых еще британские пилоты называют «Эмиль» и которые сейчас стояли на вооружении в качестве основного истребителя Люфтваффе. Впрочем, реальный бой это покажет. Хорошо, что меня не воткнули служить в эскадрилью,

оснащенную устаревшими истребителями Хоукер «Харрикейн». Даже странно, что англичане до сих пор летают на таких вот летающих гробах. Вроде бы, передовая страна, а до сих пор эксплуатирует такое убогое старье. Ведь «Харрикейн» по своим техническим характеристикам уступал даже советским И-16. Которые в ВВС Красной Армии уже не используются. Сейчас советские пилоты всю летают на И-17. И я тоже к этому руку приложил. Понимаешь, поменял немного историю этого мира. Попаданец я или погулять вышел? Эх жаль, что я больше не смогу никак влиять на советские ВВС.

Уже 15 августа 1940 года по прибытии в расположение 54-й эскадрильи я представился командиру.

— А, сэр Матрософф? — произнес командир эскадрильи Литхэрт, выслушав мой доклад. — Я о тебе слышал и в газетах читал. Вот уж не думал, что встретимся в живую. Это ты сбил более сорока самолетов? И когда только успел это сделать?

— Да, сэр! — отвечаю я, улыбаясь в ответ. — Я их сбил. Все сорок четыре самолета. И для этого у меня было много времени. Я участвовал в нескольких войнах.

— В нескольких? — удивился Литхэрт.

— Да, сэр! — говорю я. — Испания, Китай и Финляндия. Я там воевал.

— Ого, помотало же тебя по свету Матрософф. — сказал мой комэск, покачивая головой. — И давай без этого официоза. Все эти «сэры». Все это для парадов и штабных крыс. Зови меня Лис или Командир. Мы боевые пилоты не должны опускаться до всей этой воинской мишуры.

— Согласен, Командир! — отвечаю я. — Зовите меня Александром.

— Александр, значит. Нет, слишком длинно. Будешь Алексом.

— Алекс, так Алекс.

— А какой у тебя позывной, Алекс?

— Хм! Там был Пятый.

— Пятый? Почему Пятый?

— Это мое счастливое число, Командир. Еще в Испании я летал на истребителе с бортовым номером пять.

— Понятно. Веришь в приметы, значит? А говорят, что «красные» ни во что такое потустороннее не верят.

— Ну, наверное, я какой-то не правильный «красный»? В бога я не верю, а вот в приметы и счастливые числа верю.

— Хорошо, с этим разобрались. А это правда, что ты был генералом в Советской России?

— Правда, Командир. Я быстро рос в чинах и званиях из-за моих воздушных побед.

— Ясно, ясно! А теперь каково тебе быть в чине флайт-лейтенанта, Алекс?

— В общем-то, нормально, Лис. Я пилот-истребитель и не люблю сидеть в штабе. А у генерала мало возможностей, чтобы участвовать в воздушных боях. Они, в основном, на земле воюют.

— Ха, ха, ха! Это ты верно подметил. У генералов жизнь не такая веселая как у нас действующих летчиков. Думаю, что мы с тобой сработаемся, Алекс. А пока принимай звено. Познакомься со своими ведомыми. Колином Греем и Ричардом Стаффом. Твоим самолетом будет вон тот «Спитфайр» в крайнем слева капонира. Можешь на нем нарисовать свою счастливую пятерку.

Вот и поговорили. Иду знакомиться с техникой и своими подчиненными. Встретился.

Поговорил. Вроде бы нормальные ребята. Колин из Новой Зеландии, а Ричард из Канады. Мда! Двое моих ведомых. Те, кто будет прикрывать мне хвост там в небе. Вот оно зримое доказательство моих слов о выходцах из доминионов. Наша 54-я эскадрилья в этом плане довольно интернациональная. Здесь коренных англичан служит не больше половины. И вроде бы все нормально. Никаких особых трений британцев и колонистов я не заметил. Ко мне тоже отнеслись довольно толерантно. Никто не лез в душу и не попрекал советским прошлым. Никакой яркой русофобии тут пока нет. И еще никакого высокомерия или знаменитой чопорности британцев я тоже тут не заметил. Нет, вот в высших слоях британского общества этого хватало. Я же перед своей легализацией в имперском обществе там немного покрутился. Пообщался с британской элитой. Вот там у министров и генералов что-то такое высокомерное проскальзывало в повадках. Но я такое же видел и в других странах. В Испании, СССР и Китае. Кстати, китайцы в этом плане гораздо чопорнее англичан. Они ко всем иностранцам не очень тепло относятся. Слишком высокомерно. Это я про элиту говорю, если кто не понял. Простые то люди везде одинаковы. Им нет дела до такой показушной дури. В общем, я еще раз убедился, что наши стереотипы об англичанах в большинстве своем врут. Коварных и чопорных придурков среди новых сослуживцев я тут мало встречал. Нормальные люди. По своим повадкам и поведению они мало чем отличались от советских людей. Только говорят на английском языке. А так очень похожие. В общем, прописался я на новом месте без особых проблем.

Меня даже живой талисман 54-й эскадрильи принял за своего. Это я говорю о молодой немецкой овчарке по кличке Крэш. К стати, имя данной собачки говорит о своеобразном юморе британских авиаторов. Крэш в переводе с английского на русский звучит как «авария». Нормально так они свой талисман обозвали. Авария. Между прочим, тут у многих эскадрилий есть такие вот живые талисманы в виде собак различных пород. Любят собак британцы. И делают из них живые талисманы. Типа, на удачу. Традиция в Королевских ВВС такая есть. Вот Крэш во время нашей первой встречи меня обнюхала и даже лизнула мне ладонь, которой я ее машинально погладил. Очень позитивная собачка. Мы с ней потом подружились. Собаки же любят попрошайничать. Вечно выпрашивают у вас всякие вкусняшки. Вот и я нашу Крэш потом баловал всякими вкусностями из летной столовой.

Мои воспоминания прервал голос командира эскадрильи, зазвучавший в наушниках моего шлемофона. Повинуясь его приказам, строй наших истребителей начал разворачиваться в сторону цели. Тут мне почему-то вспомнилась Испания. Помнится, нас тогда тоже вот также сразу в бой бросили. Сразу же по прибытии на место. Вот и теперь не прошло и двух часов, как я прибыл на аэродром Хорнчерч, где базировалась моя 54-я эскадрилья. Как поступил приказ взлетать. Всей нашей эскадрилье. И мне в том числе. «Битва за Британию» начинала набирать обороты. И мне предстояло в ней поучаствовать. Кстати, боевое построение в воздухе нашей эскадрильи меня неприятно так удивило. Я и раньше слышал, что британцы пока еще не перешли на парное построение. Так и летают в бою звеньями по три самолета. Советские то ВВС от такого давно отказались. Там уже вовсю практиковались полеты парами. Что давало летчикам большую маневренность в воздушном бою. Немцы, кстати, тоже на пары перешли. Еще после войны в Испании. А вот французы и британцы все еще не перестроились. Так и летали по старинке. По трое. Вон французики уже долетались, продув с разгромным счетом войну против Германии. А англичане все еще упорствуют в своем консерватизме. И мало того, что их истребители летают устаревшими звеньями, так они еще и плотными строями строятся при этом. И вот

сейчас 54-я эскадрилья плывет в небе, гудя моторами и построившись в плотный клин. Блин, как дикие гуси на юг. Ладно еще бомбардировщики. Этим надо плотными строями действовать. Так им от истребителей легче отбиваться. А вот истребителям в таком строю тесно и очень неудобно драться в маневренном воздушном бою. В общем, я об англичанах был лучшего мнения. СССР, немцы и итальянцы уже перестроились. Новую тактику воздушного боя вовсю применяют. Кстати, те же немцы в шутку называют плотные английские клинья истребителей «строем идиотов». И тут я с ними согласен. Нельзя так воевать.

А бриты все понятиями Первой Мировой войны живут. По старинке воюют. Неудивительно, что немецкие арийцы им напихали горячих огурцов во Франции. Это когда очень быстро разбили английский экспедиционный корпус, помогавший французам на континенте. Так, что англичане бежали без оглядки аж до самого Дюнкерка. В котором потом побросали всю свою технику и тяжелое вооружение. После чего трусливо смылись назад на свой остров, бросив французиков на произвол судьбы. А потом еще попытались потопить и захватить французские боевые корабли, стоявшие в Оране и Мерс-эль-Кебире. Типа, чтобы они не достались немцам. Неудивительно, что после такой подставы Франция очень быстро капитулировала и стала союзницей Германии. Я бы на месте французов тоже взбесился с такими то подлыми союзничками типа англичан.

Комэск Литхэрт сообщил, что нам приказали перехватить большую группу немецких бомбардировщиков, которые сейчас летят к Лондону с юго-востока. Нас будут наводить с земли. Англичане к 1940 году создали довольно эффективную систему ПВО своих островов. Сеть радарных станций окутывала все побережье Британии. Все данные о воздушном противнике довольно оперативно обрабатывались и передавались летчикам. Мы здесь воевали не в слепую. И могли быстро реагировать на любую угрозу. Могли малыми силами противостоять всему Люфтваффе. Самолетов и пилотов к ним у англичан к этому моменту было гораздо меньше чем у немцев. Но они могли их использовать более эффективно. Наши противники имели больше сил, но не имели той информации, что поступала к нам. Я как командир звена тоже имел выделенный канал в своей рации, по которому операторы наземных радарных станции наводили нас на цель. И знаете? Это было очень круто. Конечно, в советских ВВС мы пытались внедрять что-то похожее, там тоже имелись радары. Но пока там бардака хватало. А у англичан эта система ПВО уже сейчас очень хорошо работала.

Кстати, мне мое новое место службы уже нравится. Авиабазы Королевских ВВС Хорнчерч расположена вблизи Лондона к юго-востоку от Ромфорда в Эссексе. Во времена Первой Мировой войны в этом месте располагалась Ферма Саттона. И по сей день многие пилоты эту авиабазу так и называли Фермой Саттона. Наша эскадрилья прикрывала подходы к Лондону с юго-востока. Почему это для меня так важно? Так в Лондоне же сейчас проживает моя любимая супруга. Помните, я говорил, что нам британское правительство выделило квартиру на окраине Лондона. Вот сейчас меня греет мысль, что я не только защищаю каких-то там абстрактных жителей британской столицы. Но и Анну Марию Матросову. Это дает мне дополнительный стимул в бою.

Нас выводят на цель довольно точно. Вражеские бомберы под прикрытием истребителей идут на высоте в четыре тысячи метров. Клин нашей эскадрильи, нацеленный на них, успел подняться на четыре с половиной тысячи. Мы немного выше и будем атаковать на встречных курсах. Мне этот маневр очень не нравится. Нельзя так действовать. Нашими

противниками в этом бою будут «Юнкерсы» Ju-88. Двухмоторные немецкие бомбардировщики. Спереди у них имеется пулемет. Винтовочного калибра, но их же там сейчас до фига. У каждого «Юнкерса» по одному пулемету на носу. А в группе, что приближается к нам, этих бомбардировщиков штук пятьдесят. Не меньше. К ним сейчас сверху-спереди нельзя соваться. Такой строй лучше с других ракурсов атаковать. Пока я размышлял, стоит ли предупредить об этом командира. Тот сам все за меня решил. Из-за строя немецких бомберов вынырнули два десятка «Мессершмиттов» Vf-109E. И рванули в нашу сторону, набирая высоту.

— Пятый, атакуй истребители, а мы с бомбардировщиками разберемся! — приказал Литхэрт, разрешив все мои сомнения.

Вот и замечательно! Этим приказом он мне руки развязал. Уф! Двигать в лобовую атаку на поднимающиеся «Мессеры» я не спешу. Нафиг, нафиг нам такое счастье! У этих германских «Эмилей» сейчас стоит очень солидное вооружение. Две крыльевых пушки в 20-миллиметров и два пулемета винтовочного калибра. Если на них в лобовую переть, то можно очень неслабо так отхватить звездюлей. Поэтому мы пойдем другим путем. По пологой дуге вываливаюсь из плотного строя эскадрильи и ухожу вверх. Надо набрать высоту. Я сейчас и так выше, но ненамного. А высота в воздушном бою — это всегда преимущество. Краем глаза вижу, что мои ведомые последовали за мной. Молодцы, ребята. Дисциплинированные. Дурацких вопросов задавать не стали. Я ведущий, и они обязаны лететь за мной. Даже если другие английские пилоты ринулись напрямиком к «Мессершмиттам». А вы что думали? Наш комэск не только меня с моими ведомыми наперерез вражеским истребителям отправил. Он, вроде бы, не дурак? Соображает, что мы втроем против двух десятков долго не выстоим. Поэтому приказ атаковать «Мессеры» получило еще одно звено нашей эскадрильи. Эх, маловато нас! В английской эскадрилье всего то двенадцать самолетов. А немчуры вот сколько. Итак, шесть «Спитфайров» против двух десятков «сто девярых». Нормальный расклад. По моим нормам, конечно. Но из того британского звена, которое сейчас отправили вместе с нами в атаку на истребители, никто возражать тоже не стал. Молча выполнили приказ. Уважаю. Правда, на их месте я бы так глупо не стал кидаться в атаку на встречных курсах. Тупо это и непродуктивно. Немцев же в несколько раз больше. И стволов крупного калибра у них тоже больше чем у нас. А в лобовых атаках от мастерства пилота мало что зависит. Там даже неопытный новичок может легко убить аса. Там все решает случай. А я не люблю полагаться на случай. И может быть поэтому я все еще жив?

Набираю высоту, переходя на пологий вираж. Внизу звено «Спитфайров» уже схлестнулись с «Мессершмиттами». Вот зря они так. Ей богу, зря! На встречных курсах после короткой перестрелки проскакивают сквозь строй вражеских машин. М-да! Проскочить удалось не всем. Ведущий уже готов. Штопорит вниз без одного крыла, объятый пламенем. Из этого «Спитфайра» никто не выпрыгнул. Похоже, что пилота убило. Пушки — это пушки. В лобовую на них лучше не соваться. Зато два других британских истребителя пока целы. Ну, хоть кому-то повезло выжить в этой дурной атаке. Кстати, немцы тоже один «Мессершмитт» потеряли. Тот горит и падает беспорядочно как кленовый лист. И парашюта тоже не видать. Хотя, даже если бы немец и выпрыгнул, то далеко бы не ушел. Внизу то под нами британская территория. Только в плен. А для нас это большой моральный плюс. Даже если тебя собьют, то выпрыгнешь ты над своей землей. И никакой плен тебе не грозит. Это тоже много значит для людей, воюющих в небе. Внизу истребители разошлись ненадолго.

Вот уже закрутилась карусель воздушного боя. Я же не тороплюсь, выжидая и наблюдая за схваткой внизу. Нашим приходится не легко. Немцев больше. Но зато «Спитфайры» более шустрые на виражах. «Мессеры» никак за ними не могут угнаться. А вот в вертикальном маневре уже они быстрее. Но англичане это тоже знают и на вертикали не лезут. Кружатся на виражах. Не дают себя убить. А немцы их никак не могут подловить. Сразу видно, что там не новички дерутся. Это я наших англичан имею в виду. По манере пилотирования я могу сразу понять кто перед тобой. Ас или зеленый новичок. Судя по увиденному, там сейчас внизу показывают класс не самые слабые пилоты нашей эскадрильи. А командир то у нас молодец. Для атаки на вражеские истребители выбрал самых опытных пилотов, что у него были в распоряжении.

Вот, похоже, и нам пора вмешаться. Немцам надоело мотаться на виражах. Четверка «Мессеров» рванула вверх, чтобы оттуда больно ужалить наши «Спитфайры». Атаковать сверху арийцы любят. Как и я. Я тоже обожаю такие атаки. Не зря же я лез все это время наверх. Выгодную позицию для атаки я и мои ведомые уже заняли. И теперь валимся с переворотом вниз, заходя со стороны солнца. Погода сегодня отличная. Звезда по имени Солнце светит как прожектор. Аж глазам больно. Надеюсь, что и немцам на светило смотреть тоже не совсем комфортно. Вот ведущий, поднимающейся четверки «Эмилей» уже вошел в зону моего огня. И похоже, что он меня не видит. Он боем занят. Тем, что внизу кувырывается. Вон голову как вниз и влево повернул. Ох, зря ты так, фашистик! Смотреть надо по сторонам. Вдавливаю гашетки и прислушиваюсь к работе своих пушек. Кайфую я от таких звуков. Да, кстати! Мне с моим новым самолетом повезло дважды. Во-первых — это был «Спитфайр» первой модели. А во-вторых — мне досталась модель серии «Б». Вооруженная двумя авиационными двадцатимиллиметровыми пушками «Бритиш Испано» и двумя пулеметами «Браунинг» винтовочного калибра. У моих то ведущих тоже «Спитфайры» Mk.1, но серии «А». И эти из вооружения имеют только восемь 7,7-мм пулеметов. Что на мой взгляд довольно слабенько. Вон тот же «Юнкерс» Ju-88 ты такими маленькими стволами долго ковырять будешь. У него же какая-никакая, но броня имеется. И кстати! Пушечные «Спитфайры» особой любовью не пользуются среди британских летчиков. Меня авиатехники при приемке самолета честно предупредили, что пушки «Бритиш Испано» пока не очень надежные. Их часто клинит на больших высотах. Вроде бы, из-за замерзающего конденсата и смазки в барабанном механизме заряжания. На это поступали многочисленные жалобы от британских пилотов. Правда, с этими недостатками тоже активно борются. Вон отверстия для стволов в крыльях заклеивают специальной тканью. Ставят новую систему подогрева стволов. В общем, пытаются исправить этот недостаток. Впрочем, сейчас мои пушки работают как часы. Швейцарские. А сейчас в 1940 году они (часы, а не пушки) считаются самыми лучшими в мире. Ведущему немцу хватило короткой очереди из двух авиапушек и обоих пулеметов, чтобы вспухнуть в небе огненным шаром. Похоже, что в бензобак прилетело? На других врагов уже не успеваю довернуть. Скорость то я набрал приличную в пикировании. Проскакиваю мимо распадающегося на части «Мессершмитта» и краем глаза замечаю, как один из моих ведомых обливает своими многочисленными пулеметами еще одного немца. В принципе, с такой дистанции — это приговор. Восемь пулеметов даже винтовочного калибра в небронированный истребитель долбят очень мощно и кучно. С такой-то малой дистанции. Похоже, что и этот ариец уже отлетался.

Разогнавшись в пикировании, выхожу на пару «Эмилей», которые сейчас гонят один из

наших «Спитфайров». И ведут по нему непрерывный огонь. Вот только попасть никак не могут. Дымные пушечные трассы немецких автопушек проскакивают рядом с хвостом английского истребителя. Но никак не могут его зацепить. Летчик там сидит неплохой. Грамотно уклоняется от атак. Сейчас я ему помогу немного. Слегка доворачиваю и навожу прицел на ведущего немецкой пары. Запомните! Если у вас есть выбор, то в воздушном бою старайтесь в первую очередь убивать ведущих пилотов вражеских пар или звеньев. Это, как правило, самые опытные пилоты. Уничтожьте их, и их ведомые растеряются. И вы сможете их сбить со второго захода. Я заметил это давно. Еще в Испании. В случае гибели своих ведущих немецкие летчики очень редко стремились продолжать бой. Вместо этого они пытались удрать подальше. Выйти из боя. А если противник паникует или бежит, то и бить его легче. Открываю огонь с дистанции в двести метров. В принципе, далековато. Большинство пилотов в воздушном бою предпочитают для стрельбы более близкие дистанции. Но я стрелять умею. И даже на таком расстоянии часто попадаю в цель. Вот и сейчас рискнул, и не промазал. Есть контакт. Отчетливо наблюдаю как от «Мессершмитта» в разные стороны начинают отлетать кусочки обшивки. Вот из-под его капота выплескиваются языки пламени и клубы дыма. Попал! Зачем я так рисковал? Зачем бил издали, ведь можно было подойти поближе и ударить наверняка? А вот зачем! Слегка доворачиваю и загоняю в прицел истребитель немецкого ведомого, идущего в ста метрах от своего погибшего ведущего. Получи фашист гранату! Пушки в упор — это круто! Половина левого крыла «Эмиля» отлетает в сторону. В районе кабины наблюдаю всполохи от попаданий. Вижу, как немецкий пилот резко откидывается в бок. А на стекло его кабины плеснуло чем-то красным. С такой дистанции против 20 миллиметров никакая бронеспинка не спасает. Этот готов! Еще одна победа на моем счету.

Резкий вираж влево! И успеваю облить из всех стволов промелькнувшую мимо пару «Мессершмиттов». Эти тоже пытались догнать на вираже, но уже другой наш «Спитфайр». Особо не целюсь. На таких скоростях это невозможно. Стрелял только чтобы напугать. Сбить с атакующего курса. От-же-шь-ь-ь, блин! Похоже, что одной моей пушке каюк пришел? В этот раз она не стреляла. Работал только левый ствол. Блин! Как не вовремя-то ее заклинило! Слышу в наушниках радостный вопль моего ведомого. Колин Грей докладывает, что я таки попал в одного из тех проскочивших мимо меня «Мессеров». Быстро оглядываюсь и расплываюсь в улыбке. Действительно, попал. Задний вражеский истребитель уже провалился вниз. За ним тянется отчетливый дымный след. Хорошо я его задел. Повезло! Мне! А вот этому арийцу нет. Впрочем, он остался жив после моей атаки. Хоп! Вон уже колпак кабины отстрелил и выбросился из своего самолета. Внизу его уже ждут с распростертыми объятиями. Английские солдаты. Гы, гы, гы!

Внезапно слышу панический вопль одного моего ведомого. Ричард Стафф кричит, что ему нужна помощь. Быстро оглядываюсь по сторонам, выискивая его в небе. Вот он голубчик. Оторвался от коллектива, то есть от нашего звена. Не смог удержаться за хвостом моего истребителя. Слишком уж резко я маневрировал. Вот канадец и не успел среагировать. Вот именно об этом я и говорил, когда ругал все эти построения звеньями по три самолета. Уж очень они неповоротливые и негибкие. Ведь не я один тут такой недовольный. Вон сейчас многие наши звенья рассыпались и воюют поодиночке. Не зря же тут немцы гоняются за одиночными «Спитфайрами». Одиночек всегда легче убивать, чем хорошо слетанную пару. Эх, хорошо, что хоть Колин Грей смог за мной угнаться. А Ричард Стафф тем временем все не утихает, прося кого-нибудь снять с его хвоста надоедливых немцев. Хм!

А его, кстати, в данный момент пара «Мессеров» преследует. Уж не те ли ведомого которых я сбил самым первым в этом бою? Там как раз из четырех двое остались. Видимо, решили отомстить. Только догнать смогли не меня, а моего непутевого ведомого. Ну, что тут скажешь. Придется помогать нашему канадцу. Упс! Похоже в него попали. Только что. И он об этом уже успел сообщить всем желающим. Резко разворачиваю свой истребитель, с тревогой вглядываясь в силуэт «Спитфайра» Стаффа. Вроде бы не горит? Нет, не горит. И судя по воплям, Ричарда задело не очень сильно. Легкое ранение, скорее всего. Маневрирует то он очень даже энергично. Тяжело раненный так бы не смог летать. Эх, не успеваю! Далековато, однако. А делать что-то надо. Так! Тут до цели метров семьсот с копейками. Даже для такого снайпера как я далековато. Но надо стрелять отсюда. Я нутром чувствую, что еще немного, и Ричарда Стаффа завалят. Нельзя больше ждать. Резко задираю нос своего «Спитфайра» и выдаю в сторону противника длинную очередь из всех стволов. Блин! Из-за того, что сейчас стреляет только одна из крыльевых пушек моего истребителя, его начинает вести влево и вверх. Ощутимо так ведет. Все!!! Вторая пушка тоже умолкла. Может быть заела? А может боеприпасы закончились? Тут же всего по шестьдесят снарядов на один двадцатимиллиметровый ствол прилагается. И на мой взгляд это очень мало. У того же советского И-17 боезапас для авиапушек был побольше в три раза.

Хоть я ни в кого в этот раз не попал, но напугать мне их все же удалось. Видимо, не понравились немецким пилотам трассы моих пушек и пулеметов, пролетающие рядом. Поэтому свою добычу они бросили и резво отвернули в сторону, уходя вверх и выходя из боя. А моему непутевому ведомому на этот раз повезло. Не дал я немцам его добить. После этого эпизода воздушный бой как-то быстро закончился. Немцы стали поспешно выходить из боя, отрываясь на пикировании. Мы их не преследовали. Во-первых — патроны у многих из нас подошли к концу. У меня вон тоже пушки замолкли. А с двумя слабенькими пулеметиками я много не навоюю. Во-вторых — нас осталось мало. Из тех «Спитфайров», что вместе с нашим звеном воевали против «Мессеров», уцелел только один. Наше звено самое целое. Из моих ведущих никто не погиб. Вон только Ричарда Стаффа подранили немного. Но он вполне бодро заявил, что до аэродрома сможет дотянуть. И сейчас прыгать не станет. Хозяин-барин. Нет, так нет! Оглядываюсь по сторонам. Немецкие истребители уже далеко. Удирают домой. Наш командир эскадрильи тоже неплохо поработал. Он и его мальчишки неплохо так потрепали фашистские бомбардировщики. Сбили две штуки, еще несколько повредили. Но самое главное — заставили немцев сбросить бомбы не дойдя до цели. В общем, свою задачу мы выполнили. Можно возвращаться домой. На нашу авиабазу.

Глава 2

И вновь продолжается бой

Назад к аэродрому 54-я эскадрилья добралась без происшествий и столкновений с противником. Даже Ричард Стафф, раненный в этом бою, довел свой истребитель до взлетной полосы. И как-то умудрился посадить его почти без косяков. После чего потерял сознание. После этого мое мнение об англичанах и их союзниках немного поменялось. Оказывается, не все они тут хлюпики и трусы. Есть среди них и настоящие бойцы, которые могут вот так на одной силе воли с тяжелыми ранениями пилотировать самолет. Я такое уже видел ранее. Среди советских пилотов. Там тоже хватало вот таких же примеров мужества. Обыденных и незаметных.

Из-за этого инцидента мне пришлось ждать в небе своей очереди, чтобы сесть на аэродром. Нарезаю круги в воздухе, наблюдая за небом и посматривая по сторонам. Пока там внизу разобрались. Вытащили моего отрубившегося ведомого из его «Спитфайра». Погрузили в скорую помощь. Пока его самолет, раскорячившийся посреди взлетно-посадочной полосы, откатили в сторону. Прошло минут десять. И мне опять пришлось ждать. Тут у нас в небе очередь образовалась. Сначала сажались те, чьи самолеты получили в этом бою повреждения. А таких тут хватало. Немцы стреляют хорошо. Сбить не сбили, но потрепали нашу эскадрилью прилично. Хотя сбитых тоже хватало. Четыре крылатых машины с нашей стороны в этом бою как корова языком слизала. Правда, комэск нас успокоил тем, что погибших летчиков у нас при этом только двое было. В принципе, нормально. Я тоже всегда считал, что в ВВС самое главное — это пилоты. А техника уже на втором плане стоит. Подбитый самолет всегда заменить можно. А погибшего летчика ты не воскресишь. А вот в советских летных частях бытовало мнение, что летчик должен любой ценой беречь свой самолет. И даже с огромным риском для своей жизни не покидать его, а пытаться довести до своего аэродрома. Пафосно преодолевая, сохранять вверенную ему крылатую машину. Отчего советские пилоты часто и гибли по-глупому. До последнего не выпрыгивая из своих горящих самолетов. А высокое советское начальство такую дурость еще и поощряло. Я с этим боролся как мог, но не всегда мне это удавалось. Впрочем, те же англичане такой ерундой не страдают. И выпрыгивают без особых колебаний из своих сильно поврежденных самолетов. Поэтому сейчас передо мной садятся «Спитфайры» без фатальных повреждений. Те, кто смог дотянуть сюда и не гробануться при этом.

Наконец, мне тоже разрешают садиться. С моим то истребителем никаких проблем не возникает. Топливо еще имеется. Никаких повреждений нет. В меня в этом бою так ни разу и не попали. Вот что значит грамотно выбрать момент для атаки. Я конечно, обожаю все эти воздушные бои. Но и голову при этом не теряю. Нельзя в ходе воздушной схватки впадать в азарт. И переть напрямиком на вражеские пулеметы. Как это я увидел сегодня. Да, мои сослуживцы являются неплохими пилотами. Техничными и опытными пилотажниками. Вот только не хватает им боевого опыта. И это видно по их манере вести бой. Нельзя так прямолинейно действовать. Слишком уж рискованно и непрофессионально. Я же привык к другому стилю войны в воздухе. Сам его создал и отточил во множестве сражений в небе различных стран. И такой опыт быстро не приходит. А у тех же англичан его нет. Уж слишком мало они пока воюют. И это чувствуется. Я это вижу.

Вылезая из самолета, вижу техника, трущегося рядом. Зовут его Джон Макглас.

Шотландец, значит. Звание младший капрал. Это мой штатный техник, закрепленный за мной и моим «Спитфайром». Мне его сегодня перед вылетом представили. Выглядит довольно солидно. Квадратный дядечка лет тридцати пяти с небольшим пивным брюшком. Но не толстяк, а скорее боксер на пенсии. Вон у него костяшки пальцев какие сбитые. Видимо, чем-то таким рукомашным увлекался в юности мой техник. Да, и нос у него, переломанный в нескольких местах, на это прямо намекает. Скорее всего — бокс. Он у англичан очень популярен здесь.

— Как прошло, сэр? — спрашивает Джон Макглас, увидев мой кивок.

— Хуже, чем хотелось бы! — резко отвечаю я, нахмутив брови. — Пушки заклинило в бою. Ты там посмотри, что случилось. А то не смог я сегодня много немцев настрелять из-за этого.

— Есть, сэр! — вытягивается передо мною техник, отдавая честь, а потом осторожно интересуется. — А сколько удалось подстрелить, сэр?

— Ладно, не тянись тут как на параде! — говорю я с усмешкой, уж очень забавно он выглядит в этот момент. Прямо медведь, сгорающий от любопытства.

— Так скольких вы подстрелили, сэр? — не отстает шотландец.

— Рисуй четыре звездочки. Или что вы там обычно рисуете на фюзеляже по количеству сбитых самолетов противника? — отвечаю я с притворным зевком.

— Вы завалили четыре самолета «джерри»? — воскликнул Макглас, удивленно вскинув брови.

— «Джерри»? — не понял я. — Это еще кто?

— Э, так мы германцев называем, сэр! Значит, четыре? — отвечает шотландец тряхнув своими висячими усами.

— Да, четыре, а что тут такого? — говорю я, невольно поморщившись. — Ты что мне не веришь?

— О нет, сэр! Верю, конечно, верю! Как же офицеру не верить то! Просто, у нас тут такого не разу еще не было. Чтобы четыре самолета сбивали за раз! — начинает оправдываться мой техник.

— А теперь будет! — говорю я, двигаясь в сторону самолета нашего командира, который только что приземлился. — Ты там пушки хорошо проверь. Я очень не люблю, когда у меня в бою оружие клинит.

— Будет сделано, сэр! — радостно гаркает Макглас уже мне в спину. — Не извольте беспокоиться! Все сделаем в лучшем виде!

Махнув рукой на прощанье, иду доставать Литхэрта. То, что я увидел сегодня, мне совсем не понравилось. Нельзя так воевать. Много придется поменять, если мы хотим выжить и выиграть это сражение за Британию. Так и говорю прямо с ходу, подойдя к нашему командиру эскадрильи. Кстати, чтобы потом у вас не возникло ненужных вопросов, хочу прояснить один момент. Командир эскадрильи — это не только должность, но и воинское звание в Королевских ВВС. Структура воинских званий у англичан отличается от того, что я видел в советских военно-воздушных силах. Я же тут перед своим назначением не только фигней страдал, давал интервью и тусовался с британской элитой. Кроме этого еще и проштудировал устав Королевских ВВС Британской Империи. Чтобы, значит, быть в теме. А то какой же из меня тогда офицер английской авиации выйдет при этом? Без знания то уставов. Вот! Поэтому сейчас я кое-что соображаю в этом вопросе. Итак, в Королевских ВВС Великобритании офицерские звания делятся на три категории: младшие офицеры, старшие

офицеры и генералы. К младшим офицерам по восходящей относятся: пилот-офицер (соответствует лейтенанту ВВС РККА), летчик-офицер (соответствует старшему лейтенанту ВВС РККА), флайт-лейтенант (соответствует капитану ВВС РККА). К старшим офицерам относятся: командир эскадрильи (соответствует майору ВВС РККА), командир крыла (соответствует подполковнику ВВС РККА), капитан группы (соответствует полковнику ВВС РККА) и коммодор авиации (это промежуточное звание не генеральское, но близкое к нему). К генеральским чинам относятся: вице-маршал авиации (соответствует генерал-майору ВВС РККА), маршал авиации (соответствует генерал-лейтенанту ВВС РККА), главный маршал авиации (соответствует генерал-полковнику ВВС РККА) и маршал Королевских ВВС (соответствует генералу армии ВВС РККА). Вот и получается, что нашего командира название воинского звания и должности полностью совпадают. Командир эскадрильи. И там, и там. Вот такой забавный казус. Правда, англичане в этом ничего смешного не видят. Это для меня выходца из советских ВВС такое положение вещей выглядит странным. А британцы привыкли.

Впрочем, пускай, хоть как себя называют. Меня сейчас другие проблемы волнуют. Начинаю напористо и аргументировано выкладывать Литхэрту свою позицию. Первое, что попадает под каток моей критики — это полеты морально-устаревшими тройками. Плотному построению клином тоже от меня достается. Потом немного прохожусь по тактике воздушного боя, указывая на ошибки и недочеты. При этом я напирал на свой боевой опыт и не только свой. Уже все передовые воздушные державы мира перестроились, а британцы все прошлым живут. А в подтверждении моих слов выкладываю четыре своих воздушных победы в недавнем бою. От такого аргумента наш командир просто так отмахнуться не может. Многие видели сегодня, как я там воевал в небе. И заценили по самое не могу. Я же ему не только высказал свои претензии, но и наглядно показал, как надо правильно воевать в воздухе. Выкладывая все, что наболело, я внимательно отслеживаю реакцию своего собеседника. Хорошо, что рядом никого больше нет. Я же специально так подгадал с критикой. Чтобы не ронять авторитет нашего комэска перед его подчиненными. А то некоторые начальники очень не любят, когда их критикуют на глазах у подчиненных. Да, и вообще. Мне в ходе службы в ВВС РККА много раз встречались эдакие тупорылые командиры, которые любую конструктивную критику воспринимали в штыки. Типа, только их мнение может быть правильным, а все остальные — придурки и идиоты. Пришлось мне помучаться с такими вот наполеонами плюшевыми, готовыми угробить людей и любое хорошее дело из-за своих тупых амбиций.

И вот сейчас я внимательно наблюдаю за командиром эскадрильи Литхэртом. Как он реагирует на мои слова? Хм! В принципе, неплохо реагирует. Вполне вменяемо. Не лезет сразу же меряться со мной командирскими писюнами. Типа, чей длиннее и толще. Похоже, что мы с ним сработаемся. Этот неплохой пилот и боевой летчик и сам понимает мою правоту. Просто, англичан здесь никто не учил по-другому воевать. Вот и приходится им все постигать в процессе войны, которая уже пришла в их дома. И не надо думать, что британцы в этой Мировой войне мало страдают. Да, они рассчитывали отсидеться на своем острове подальше от войны, вспыхнувшей на континенте. Однако, все их хитропопые планы пошли прахом. И немецкая авиация сейчас развеивает их иллюзии о войне чужими руками. Сейчас и здесь английские города подвергаются жестоким бомбардировкам с воздуха. И британской столице тоже не хило так достается. Я сам видел разрушенные дома прямо в центре Лондона. Прямо Испанией пахнуло. Там тоже Мадрид бомбили без всякой пощады. Кстати,

те же самые немцы и бомбили, что сейчас пытаются прорваться к Лондону. Есть у них опыт в таких вот кровавых преступлениях. И они его не стесняясь применяют на Британских островах.

Похоже, что моего командира я смог уговорить. Он меня начал слушать. Не во всем, конечно, но к моим советам, вроде бы, прислушался. Пообещал разобраться с парами и более гибким построением эскадрильи в воздухе. Мы с ним потом надолго засели, рисуя разные схемы боя в блокнотах. Ну, и наглядно я ему тоже кое-что показывал. Руками показывал. Построение пар. Углы атаки и подхода к цели. Тактические варианты боев. Мы с ним потом еще не раз об этом беседовали. Тут Литхэрт своей любознательностью мне напомнил моего друга Павла Рычагова, оставшегося в СССР. Эх, как он там сейчас поживает? Я то улетел, а он остался. Как бы его из-за меня не арестовали. Очень боюсь об этом услышать. Подставил то я своего лучшего друга не по-детски. Вон вместе с Тухачевским почти всех его заместителей и знакомых арестовали. Только за то, что они были знакомы или вместе служили с опальным маршалом. В Советском Союзе сейчас с этим просто. Там по любому подозрению можно в кутузке оказаться. За слова, дела и невосторженный образ мысли. А Пашка был моим другом. Да, и служили мы вместе с ним тоже довольно долго. За такое его вполне могут и расстрелять. М-да! Но теперь то поздно кулаками махать. Все уже случилось. Просто, я очень сильно хочу, чтобы Павел Рычагов выжил и не попал в жернова НКВД по моей вине. Очень, очень, очень!

После разговора с командиром топаю в столовую. Что-то я жрать захотел от всех этих умных разговоров с Литхэртом. А там как раз сейчас начали кормить наших пилотов. Обед то мы пропустили из-за боевого вылета. Вот в данный момент народ и наворачивает упущенное. Обьедается вкусняшками. И я тоже что-то проголодался. А ничего так авиаторов в Британии кормят. Я бы сказал, что очень даже хорошо их тут кормят. Вкусно и очень питательно. Эх, только пива не хватает. Но сейчас нельзя. На мой шуточный вопрос: «А когда будет можно?» Официантка в летной столовой ответила, что вечером. После полетов. Оказывается, тут у них паб неподалеку есть, который по вечерам и открывается. Специально для военных. Точнее говоря, для офицеров. Рядовых и сержантов в тот бар не пускают. Очешуеть!!! Нормально они здесь воюют? С комфортом. С холодным пивом. М-да! Такая война мне уже начинает нравиться. И ведь на дисциплину это никак не влияет. Я уже заметил, что с этим делом у британцев все в полном порядке. А советским летунам попробуй вот так вот пиво дать хлестать после полетов. Что будет? Я даже невольно зажмурился и содрогнулся от такого. Бр-р-р!

Нет, я не критикую советских людей. На трезвую голову они очень вменяемые и умные товарищи, а вот хлебнув алкоголя, становятся совершенно другими. Их сразу же на подвиги начинает тянуть со страшной силой. Не всех, конечно, а отдельных индивидуумов. Однако, эти одиночки могут такого наворотить, что даже толпе пьяных англичан и в страшном сне не приснится. Вот почему англичане и другие европейцы могут себя сдерживать и пить алкоголь в пределах нормы? И обходятся при этом без экстремальных приключений. А русские люди не хотят себя ограничивать. И бухают как в последний раз. Почему так? Вот я бы никогда не разрешил советским пилотам ходить в такой паб и пить там пиво после полетов. Да еще и во время войны. Боюсь я такие эксперименты устраивать. Как командир боюсь. Так как знаю, чем это все может закончиться. Нафиг, нафиг такие эксперименты!

После вкусного обеда я хотел немного отдохнуть и вещи свои разобрать. А то как бросил свой баул с вещами на койку по прибытии, так и не прикасался к нему. Некогда было

это делать. Но и в этот раз мои планы перечеркнул приказ на вылет. К счастью мой авиатехник оказался настоящим профи. И успел устранить неполадки с авиапушками на моем истребителе. Кстати, заклиненной оказалась только одна пушка. Во второй просто закончился боезапас. Вот она и перестала стрелять тогда в бою. И это неудивительно. Я то привык к советскому И-17. Там снарядов на каждую автоматическую пушку ШВАК побольше будет. А тут не рассчитал немного, стреляя без экономии боезапаса. Придется привыкать. М-да! И эти люди считают себя более развитыми и цивилизованными чем Советский Союз. А пушки нормальные на свои истребители поставить не могут. Впрочем, придется воевать с тем, что есть. Будем пафосно превозмогать. В очередной раз матерю НКВД, товарища Берию, усатого вождя и всех, кто придумал эти долбанные репрессии в СССР. Ведь все же шло так хорошо. Я там прижился. Встроился в систему. И стал приносить своей стране ощутимую пользу. Хоть как-то, но стал влиять на эту историю. Вот кому же там наверху спокойно не сиделось? Какая гнида все испортила? Кто захотел арестовать мою супругу? Чтоб им всем икалось! Если бы не эта дурацкая тяга к поиску врагов народа в советском обществе. То я бы и дальше служил в ВВС Красной Армии. Командовал бы в данный момент ВВС Прибалтийского округа. А 22 июня 1941 года встретил бы немцев во всеоружии. С нормальными самолетами, вооруженными отличными автоматическими пушками. И с тренированными пилотами. Блин, сколько же у меня было планов на эту войну? Матерых и грандиозных. Как много я бы смог сделать для СССР? Но теперь ничего этого не будет. Попаданец из меня получился какой-то неправильный. И теперь я вынужден воевать за другую страну, используя для этого не самую лучшую технику и оружие. Утешает меня во всем этом только одно. Нет, два момента. Хоть что-то я все же успел сделать для советских ВВС. И убивая немцев здесь в небе над Британией сейчас, я хоть немного, но облегчу их натиск на Советский Союз потом. Хоть так, но помогу своей Родине. С такими невеселыми мыслями забираюсь в свой «Спитфайр» и взлетаю.

Когда наша эскадрилья, поредевшая в прошлом бою, подходит к цели, там уже идет воздушный бой. Большая группа немецких самолетов пытается прорваться к Лондону. Вижу в небе около восьми десятков вражеских бомбардировщиков и не менее пяти десятков «Мессершмиттов» Вf-109Е. Уже известные мне «Эмили». Знакомый противник. Эти германские истребители уже схлестнулись с британскими «Харрикейнами». Пока мы подходим к месту боя, я успеваю разглядеть, что английским самолетам приходится нелегко. Устаревшие «Харрикейны» не соперники новейшим «Мессершмиттам». Не хватает им скорости и маневренности. По всем параметрам они уступают немцам. Нет, для атаки на бомбардировщики «Харрикейны» еще сгодятся. Но кто же им даст это сделать? «Мессеры» их надежно связали боем и не подпускают к своим подопечным. Впрочем, вон там с севера на горизонте в небе виднеются точки. Это спешат сюда британские истребители, которых, как и нас наводят на цель с земли. Но до их подлета еще далеко. А мы вот они. Уже здесь. И атакуем. Литхэрт отдает мне уже привычную команду к атаке вражеских истребителей. Атакуют «Эмили» не только мое звено. Ой, поправка! Уже пара. Ведомый то у меня один остался. Колин Грей. А Ричарда Стаффа скорая отвезла в больничку. И судя по всему, мы его еще долго не увидим. Если он вообще выживет. Крови то наш канадец потерял много из-за ранения. Так вот! Вместе с нашей парой в атаку на «Мессершмитты» ринулись еще два «Спитфайра» 54-й эскадрильи. И в этой группе я главный. В этот раз наш комэск это особо подчеркнул, отдавая команду по радиации.

Вот и замечательно! Танцуем! Повинуясь моим командам, моя группа уходит повыше.

Ну, а что? Люблю я атаковать истребители противника сверху. Со стороны солнца. Это самый идеальный угол атаки в воздушном бою. Высота всегда в небе дает большое преимущество. Ты уже здесь наверху. Можешь наблюдать за противником, улучшая момент для атаки. А вот враг еще должен до тебя добраться. Должен набрать высоту. А это потеря скорости и маневренности. Немецкие «Мессершмитты» сейчас крутят карусель с британскими «Харрикейнами» ниже примерно на трех тысячах метров. Заходим на них с превышением в полторы тысячи. Вот за что мне нравятся британские пилоты, так это за их дисциплинированность. Сказал комэск Литхэрт, что я теперь командир группы. И никто из этой группы его приказ не оспорил. И все дисциплинированно выполняют мои приказы. Никто без приказа не воюет. Не бросается в атаку, наплевав на мои указания. Все послушно тянут за мной наверх. Хотя многим из этих британских летчиков сейчас очень хочется ринуться вниз. И побыстрее вступить в бой без всяких там хитрых маневров и осторожных заходов на цель. Но ведь слушают. Молодцы! А то вон те же испанцы или китайцы много раз на моей памяти плевали на любые приказы и вступали в бой, не слушая своих командиров. И превращали воздушное сражение в тупую и хаотичную свалку. Да, что там говорить. Среди советских пилотов тоже попадались недисциплинированные кадры. Которые из-за своего азарта и неопытности могли больших глупостей наделать. А вот у британцев я такого не видел пока ни разу. Может быть, им и не хватало боевого опыта и тактической грамотности? Зато дисциплина у них была на высоте.

Мои размышления прерывают две пары «Мессершмиттов» Vf-109E, которые сейчас на моих глазах смогли очень технично поджечь два «Харрикейна» и шустрыми птичками уходят на вертикаль. В принципе, я заметил, что у этих немецких истребителей вертикальные маневры получаются лучше, чем виражи. Скороподъемность у них замечательная. Вот немцы и пользуются этим при каждом удобном случае. Чуть что — уходят резко вверх, а потом бьют оттуда зазевавшегося противника. Не я один тут, оказывается, такой умный. Германские летчики тоже вон просекли, что атаки сверху более эффективны и безопасны для атакующего. Вот только на этот раз мы находимся гораздо выше немцев. И они нас пока не заметили. Если бы засекли нашу группу, то не полезли бы наверх прямо к нам в лапы. Но не увидели. Видимо, уж слишком увлеклись, сбивая неповоротливые «Харрикейны». И сейчас мы их за это будем наказывать.

Командую атаку и ухожу вниз с переворотом. Загоняю в прицел ближайший «Эмиль». Эх, далековато пока для стрельбы. Надо поближе подойти. Ближе, ближе, ближе. Оп! Похоже, нас эти нацистики все же заметили? Пытаются уйти из-под нашей атаки. Вот только скорость то они уже успели потерять, поднимаясь наверх. И разогнаться ну никак не успевают. А без скорости быстрый и маневренный «Мессершмитт» теряет все свои преимущества в воздушном бою и становится неповоротливой и медленной мишенью. Нет, ведущий первой немецкой пары что-то пытается изобразить такое хитрое. Что-то вроде бочки с уходом на вираж. Опытный кадр. Не растерялся. Упорно пытается выжить. Вот только это ему сейчас не поможет. Я то скорость уже приличную набрал в пикировании. И я уже близко. Как раз для моих пушек дистанция. Нажимаю гашетку, посылая в сторону противника двадцатимиллиметровую смерть. Дымные трассы впиваются в завалившийся на крыло германский истребитель. Есть контакт! Отчетливо вижу попадания пушечных снарядов. Вспышки на крыльях и носу. От «Мессера» ведущего отлетают в разные стороны куски обшивки. А мотор резко вспыхивает ярким пламенем. Этот уже отлетелся дракон фанерный. Проскакиваю мимо и успеваю заметить прилет еще по одному «Эмилю». Это не

я. Это кто-то из моей группы отличился. Может быть мой ведомый. Колин Грей ведь и в прошлом бою успел добрать вражеского ведомого, у которого я сбил ведущего. Молодец! Реакция у парня хорошая. И стрелять он тоже умеет неплохо. Думаю, что и без меня он бы тут стал очень неплохим асом. Если бы не погиб в процессе, конечно. Ну, а под моим чутким руководством он еще больше крестоносцев посбивает.

Пролетаю вниз, ухожу в левый вираж и пристраиваюсь в хвост одинокому «Мессершмитту», который пытается догнать такой же одинокий «Харрикейн». Точнее говоря, добить. «Харрикейну» то вон уже раньше неплохо так прилетело. Весь фюзеляж английского истребителя в сквозных дырах, через которые просвечивает небо. А из-под его капота тянется тонкая полоса дыма. Без моей помощи этот «Харрикейн» долго не продержится. Сейчас мы это дело исправим. Вот нельзя же так увлекаться расстрелом беззащитного противника. Смотреть надо же хоть изредка по сторонам. Ай, яй, яй! Какой непростительный косяк со стороны нацистского летчика сейчас я наблюдаю. Впрочем, у «Мессера» обзор сзади никакой. А я специально так зашел ему в хвост, чтобы он меня не видел. Пора заканчивать этот цирк. Мои пушки и на этот раз отработывают безупречно. Молодец Макглас! Хорошо их настроил. Пока у меня нареканий нет. Кстати, сейчас я и пулеметами тоже добавил немного. Немцу хватило. Вон как резко пошел вниз, разматывая по небу густую струю дыма. Наблюдал за ним несколько секунд. Но сброса фонаря не заметил. Похоже, что германского пилота я убил. В принципе, с такой дистанции никакая бронеспинка от снаряда в двадцать миллиметров не спасет. А вот если бы у меня вместо пушек были только пулеметики винтовочного калибра? Вот тогда бы у арийца еще был шанс выжить.

Твою дивизию!!! Тревожный крик ведомого спасает меня от больших неприятностей. Тело действует на одних рефлексах. Дымные трассы проносятся слева от моей кабины. Резкая бочка и боевой разворот выносят мой «Спитфайр» из-под вражеского обстрела. Засмотрелся, вашу Машу! Вот сам тут распинался только что про то, что надо чаще в небе смотреть по сторонам. А тут же отвлекся и чуть не схлопотал порцию горячих огурцов в задницу. Вовремя меня Колин предупредил. Загордился, понимаешь, ас хренов. Если бы мой ведомый вовремя не заметил пару вражеских истребителей, попытавшихся укусить меня за попу. И не предупредил бы меня криком по радиации. То я бы сейчас тоже падал вниз в неуправляемом полете. А прилететь мне могло не по-детски. Судя по дымным трассам, немцы чем-то солидным в меня стреляли. Очень похоже на мои 20-мм. авиапушки. У немцев то они тоже есть. Причем, на «Мессершмиттах» этой серии они тоже в крыльях стоят. Как у моего «Спитфайра». Это потом арийцы на более поздние модели «сто девярых» станут по одной автоматической пушке устанавливать на носу, стреляющей через втулку винта. Но сейчас то у них с авиапушками все в порядке. Залп из двух автоматических пушек — это круто. Уж я то знаю это хорошо. Надо будет потом не забыть моему ведомому пару пива поставить. Вечером в баре. Он меня сейчас реально спас. Нахрен, нахрен такой экстрим. Надо из этой собачьей свалки выбираться. А то ведь так и подстрелить могут ненароком. Не люблю я соваться в такие хаотичные бои на виражах. Здесь очень все нервно и непредсказуемо. Трудно отследить действия противника. Ненавижу такой ближний бой. Когда сразу так много самолетиков кружится в небе. А мы пойдем повыше. Чтобы без нервов и экстрима выбрать следующую цель и атаковать ее. А весь этот глупый героизм и пафосное превозмогание — это не для меня.

Отдаю команду своей группе и ухожу на вертикаль. Хорошо, что я перед этим успел

неплохо так разогнаться. Такая скорость мне позволит набрать высоту довольно быстро. Нет, все же «Спитфайр» очень хороший истребитель для своего времени. Очень неплохая машинка. Мне нравится. Оглядываюсь по сторонам и невольно морщусь. Перехвалил я английских пилотов. За мной из моей группы кроме самолета Колина Грея никто не последовал. Остальные остались там внизу в собачьей свалке. Увязли на виражах и не смогли выскочить. Или не захотели этого делать в азарте боя. Но бог им судья. Привыкли люди к такому стилю боя. Когда ровный и красивый строй истребителей при столкновении с противником моментально разваливается на отдельные группы. И дальше все начинают воевать как получится, а не как надо. В советских то ВВС я от такой самодеятельности уже успел отвыкнуть. Там при содействии Рычагова уже давно приняли новый боевой устав ВВС РККА. И тактическое взаимодействие советских летчиков в воздушном бою налаживали драконовскими методами. Кстати, Павла Рычагова в СССР уважают не только как боевого летчика и военачальника. Он там еще и не без моей скромной помощи считается одним из ведущих теоретиков воздушной войны. Мы же с ним вместе смогли выпустить в печать несколько довольно дельных книжек по тактике авиации. Только я свое соавторство старался особо не светить. И самое смешное, что имя Рычагова в этом мире стало таким же известным, как и имя того же Гудериана. Только немец прославился как теоретик и выдающийся тактик танковой войны. А вот книги Рычагова знали военные авиаторы всего мира. Его труды были переведены на несколько европейских языков и свободно продавались по всему миру.

Поднявшись на тысячу метров над свалкой, начинаю выискивать очередную жертву. А вот и она. То есть они. Три «Мессера» пытаются залезть повыше немного в стороне от нас. Странно. Почему их тут трое? Немчура же вроде бы, парами летает? Видимо, один из них из другой пары. Его напарника сбили. Вот он и присоседился к другой паре. В принципе, арийца этого понять можно. Одиночки в воздушном бою долго не живут. Толпой выживать проще. Куда претесь, коршуны резиновые? Место уже занято! Это наша поляна! Направляю свой истребитель в сторону этой наглой тройки. Сейчас будем их наказывать. Блин! Не хотят. Заметили нас и резво уходят вниз с переворотом. Поняли, что мы им забраться сюда наверх не дадим. Впрочем, можно попытаться их догнать. В пикировании наши «Спитфайры» могут уверенно потягаться со «сто девятыми». И мы пикировать начали первыми, неплохо так разогнавшись. А немцы только нырнули вниз и стали набирать скорость. До них метров восемьсот, и мы их уверенно нагоняем. И еще очень уж удачно они сейчас пытаются удрать от нас. Не в общую свалку ныряют, а чуть в стороне. В общем, не догоним, так согреемся. Если эти «Эмили» вдруг начнут отрываться от нас по скорости, то мы всегда сможем свернуть к общей схватке и клюнуть сверху кого-нибудь на виражах.

В воздушном бою никогда нельзя сказать заранее на чьей стороне будет перевес. И кто победит. Там все зависит не только от технических параметров самолетов. Хотя от них тоже зависит многое. Однако, от пилотов и их тактических решений зависит гораздо больше. Поэтому, говорить, что «Мессершмитт» Vf-109E лучше или хуже «Спитфайра» нельзя. И победа здесь индивидуальна. Все зависит от действий пилота и обстоятельств боя. Нет, тот же «Харрикейн» «Эмилю» не соперник. Тяжело ему с «Мессером» на равных драться. Однако, и нам нем английские летчики как-то умудряются противостоять «сто девятым». И в этот раз обстоятельства сложились в нашу пользу. Если бы не эта группа «Харрикейнов», то все было бы по-другому. По ходу боя сюда подтягивались и другие группы британских истребителей. Я это видел краем глаза, особо не отвлекаясь. А то изначально нас было

маловато на такую ораву врагов. Но на наше счастье с близлежащих аэродромов прилетало подкрепление. К нам прилетало. И вот сейчас одна такая группа из девяти «Харрикейнов», летевшая с севера, попыталась перехватить наших беглецов. Британские истребители атаковали ту самую тройку «сто девярых», что удирали от нас, набирая скорость в пологом пике. Они же как раз навстречу «Харрикейнам» летели. И те их, конечно же, заметили. И атаковали. Точнее говоря — попытались это сделать. Британские самолеты рванулись навстречу немцам. Но те вовремя заметили опасность и вильнули в сторону, просвистев мимо атакующих «Харрикейнов» метров в шести ста. Устаревшие «Харрикейны» ничего с этим поделать не могли. Скорости им не хватило, чтобы занять выгодную позицию для атаки. Но издалека они немцев все же обстреляли. Правда, ни в кого не попали. Зато заставили выполнить маневр уклонения и тем самым слегка изменить курс, и чуть-чуть снизить скорость. И это обстоятельство стало фатальным для немцев. Эти «Мессеры» уходили от «Харрикейнов» по дуге вправо. А мы рванули наперерез по прямой. И все же смогли их перехватить. Учите физику и геометрию, ребята и девчата. На этот раз они были на нашей стороне.

При расстреле головного «Мессершмитта» мои пушки опять показали свой вредный нрав. Выдав короткую очередь, они синхронно смолкли. Опять заклинили, заразы!!! Причем, сразу обе. Правда, немцу от этого легче не стало. Свою долю горячих печенюг он уже успел отхватить. Мотор вражеского истребителя встал. И дымящийся «сто девятый» начал резко терять высоту. Вот отлетел в сторону и вверх фонарь кабины, и из нее выпала темная фигурка немецкого летчика. Этому повезло. Мои снаряды и пули его миновали. Пока я лихорадочно пытался перезарядить пушки, то проскочил вперед, заметив перед этим, как еще один немецкий истребитель получили пулеметные попадания. Это уже мой ведомый постарался. Его «Мессершмитт», получив несколько попаданий, резко рванул в сторону и ушел вниз с переворотом. Не уйдешь зараза! Закладываю резвый вираж и ныряю вниз тоже с переворотом. Подранков надо добивать. Таков главный закон охоты. Пушки признаков жизни не подают. Пытаюсь стрелять по убегающему одиночке. А в ответ только стрекот двух моих пулеметов. Зараза! Пушки, похоже, опять переклинило? Матерю на все лады английских оружейников, сляпавших на коленке такую ненадежную авиапушку. И стараюсь загнать в прицел шустрого «сто девятого», который сейчас хаотично мечется и не дает мне его убить.

Внезапно приходит помощь, откуда не ждали. «Харрикейны», про которые мы все уже успели забыть, никуда не делись. Обстреляв тройку немцев, убегавшую от нас. Они заложили вираж и попытались догнать ускользящую добычу. И у них бы ничего не получилось из этой затеи. Если бы немецкие истребители и дальше продолжили лететь тем же курсом и с той же скоростью. «Харрикейны» бы их просто не догнали. Скорость не та у них. Но тут вмешались мы. Сбили одного «Эмиля», а другого погнали напрямик на «Харрикейны». И те не упустили такую возможность. Пулеметы на этих британских истребителях стоят слабенькие. Винтовочный калибр. Но их там реально много. По восемь штук на каждом «Харрикейне». А в этого «сто девятого» стреляли аж пять «Харрикейнов». Попали, конечно, же не все. Но немецкому истребителю хватило, чтобы взорваться огненным шаром. Мне при этом пришлось резко отворачивать в сторону и молиться, чтобы разлетающиеся осколки немецкого истребителя до моего «Спитфайра» не долетели. А то я уже видел такое в своей жизни. Когда один советский летчик погиб от осколков взорвавшегося вражеского самолета. Слишком уж близко в месте взрыва он в этот момент

находился. Не хочется вот так вот глупо погибнуть. Впрочем, даже по-умному я погибать тоже не хочу. Меня же дома жена ждет. Беременная, между прочим. Кстати, пока мы тут гоняли этого подранка нацистского, третий «Мессершмитт» успел удрать. Преследовать его я не стал. Бесплезно. Скорость этот немец набрал уже приличную.

Глава 3

О холодном пиве и не только

Сижу я, значит, спокойно. Никого не трогаю. До этого момента мне этот паб возле аэродрома нравился. Называется это достойное заведение «Веселый пилот». Уютный и не очень большой бар без всяких претензий на элитарность. Простой паб для простых людей. Я такие кабачки и в прошлой жизни любил. За атмосферу. После нашего возвращения на аэродром я, наконец-то, добрался до казармы и своих вещей. Кстати, офицеры обитали не в общей казарме вместе с рядовыми и сержантами. Нас расселили в отдельных комнатах уже другой казармы. По шесть человек в каждой комнате. В моей комнате кроме меня обитал, мой ведомый Колин Грей и Роджер Мун. Остальные постояльцы отсутствовали. Потери сегодня в нашей эскадрилье были ощутимыми. За этот день мы потеряли двоих пилотов убитыми и двоих ранеными. И три опустевших кровати как раз и принадлежали тем, кому сегодня не повезло. Бывает. Война она такая сучка резкая. Кстати, моя кровать тоже сегодня могла опустеть. После посадки мой авиатехник Джон Макглас насчитал три пробоины в левом крыле моего «Спитфайра». На этот раз пронесло. И немецкие пули не задели никаких жизненно важных частей моего истребителя. Но поблагодарить своего ведомого я был должен. Возможно, что его предупреждающий окрик по радиации спас мне тогда жизнь в воздушном бою?

Поэтому, я твердо решил пригласить его в тот самый паб, о котором мне днем рассказывала официантка в нашей аэродромной столовой. Да, и самому было интересно глянуть на это гнездо порока. И увидеть, как тут народ расслабляется после боевых вылетов. А повоевали мы сегодня от души. Между прочим, вчера таких интенсивных налетов вражеской авиации не было. Как и всю прошлую неделю. Нет, немцы, конечно, летали и пытались бомбить. Но не такими большими группами и не так часто. А вот сегодня как с цепи сорвались. Именно, сегодня 15 августа 1940 года налеты на Англию были более массированными и частыми чем накануне. И это мне еще повезло, что я с утра пораньше не прибыл в расположение 54-й эскадрильи. Рано утром эскадрилья участвовала еще в двух боевых вылетах. А потом были еще два, в которых мне и посчастливилось поучаствовать сегодня. Но сейчас уже никто летать не будет. Вечер на дворе. Солнце начинает быстро падать за горизонт. А ночью тут пока никто не воюет в воздухе. Немцы еще не додумались до ночных бомбардировок британских городов. Сейчас они уверены в своем превосходстве над Королевскими ВВС. Думают, что скоро завоюют превосходство в воздухе над Британией. И на это у них есть все основания. Я в штабе ВВС слышал, что у англичан сейчас здесь есть не более восьми сотен истребителей. А вот у Люфтваффе их в несколько раз больше. Плюс бомбардировщики, которых у Германии тоже не мало. Вот и выходит, что британским пилотам в этом грандиозном воздушном сражении за Британию приходится драться с многократно превосходящими силами противника. Малейший просчет и их сомнут. Массой задавят. Поэтому, немцы в данный момент не надо выдумывать какие-то там военные хитрости. И летать по ночам, чтобы снизить свои потери. Зачем? Сейчас то у них пока сил хватает для дневных налетов. Это потом, когда англичане смогут отбиться и хорошо так потрепать хваленые Люфтваффе. Вот тогда немцы перейдут к ночным налетам на Лондон и другие британские города. А сейчас они считают, что скоро и так победят.

После всех этих полетов и сражений в воздухе люди были основательно вымотаны. Ведь

каждый такой боевой вылет есть нехилая такая нагрузка на организм и нервную систему пилота. Даже если вы вхолостую слетали и не вступили в бой. То тоже устаете. А уж после воздушного боя и подавно вымотаетесь. Я тоже устал с непривычки к концу дня. Давно я так не летал. Отвык уже от такой боевой работы. Я же в Советском Союзе был большим начальником. А начальники там обычно в воздушных боях не участвуют. Они больше на земле сидят и руководят боем оттуда. Ничего. Я себя знаю. Несколько дней таких вылетов. И мое тело вспомнит и втянется в боевой ритм. По крайней мере, я на это надеюсь.

Немного отдохнув и наскоро перекусив в столовой для летного состава, топаю в бар. Надо заценить холодное пиво, о котором тут все рассказывают. Заодно, и с сослуживцами познакомлюсь получше. А то днем это сделать не удалось. Там же все время отвлекали. То какие-то дела, то боевые вылеты. И все это буквально на бегу. Некогда было остановиться и вдумчиво пообщаться с людьми, меня окружавшими. Но в этом пабе я был готов наверстать упущенное. Вот там я с народом и познакомлюсь. Тем более, что большинство наших пилотов уже были там вместе с нашим командиром. И меня там тоже ждали. Мне это в столовой подсказали. Намекнули, типа.

Захожу в паб и невольно морщусь от дружного рева. Это мои сослуживцы так вот бурно и весело приветствуют мой приход в «Веселый пилот». Приятно, черт возьми! Оказывается, для них я уже не незнакомец, а настоящий боевой соратник. Которого многие из пилотов 54-й эскадрильи уважают. А всему виной мой боевой рейтинг. Что это такое? Сейчас объясню. В отличие от советских пилотов, англичане предпочитали выставлять напоказ свои достижения и успехи в воздушном бою. А вот и наглядное тому подтверждение. Обычная классная доска. На таких, обычно, дети в школе задачки пишут. Все в школе учились? Все знают, что это такое? Вот и здесь в этом баре для британских летчиков на самом видном месте закреплен большой и черный прямоугольник классной доски. На нем мелом разлинована таблица с именами пилотов эскадрильи и количеством вражеских самолетов, которые они сбивали. Напротив моего имени красуется цифра семь. Нормальное число. Это мои воздушные трофеи за сегодняшний день. Хорошее число. Мне нравится. Давно я так не развлекался. Возможно, о чем-то таком я и мечтал, в тиши генеральского кабинета. Сегодня я хорошо повоевал. От души. Со всей пролетарской сознательностью.

Многие мои сослуживцы теперь на меня смотрят с каким-то мистическим удивлением. А кое-кто искренне радуется моим победам. Здесь вокруг меня собрались боевые пилоты. Которые прекрасно понимают цену этим победам. И для многих из них это сродни божественному вдохновению. Комэск Литхэрт, перекрикивая радостный гомон этой толпы, поздравляет меня с таким блестящим началом службы в доблестной 54-й эскадрилье, а потом сует мне в руку полную кружку пива. И предлагает выпить за такой потрясающий результат. Мол, он такое впервые в жизни видит. Чтоб вот так легко и быстро были сбиты аж семь немецких самолетов за два боевых вылета. Если бы ему кто о таком раньше рассказал, то он бы не поверил. Но факты упрямая вещь. Я ему сегодня показал настоящее чудо, сбив всех этих «джерри». И теперь он Джеймс Эдвард Литхэрт с этого момента начал верить в чудеса. Речь командира громкими криками поддерживают его подчиненные, вздымая кружки вверх. Хороший тост. Мне понравился. Тоже присоединяюсь к общему веселью, отхлебывая из своей кружки. Ум-м-м! Пиво, действительно оказалось холодным. И очень даже неплохим на вкус.

После такого бурного представления я стал уже своим парнем и соратником по общей борьбе. И никакой особой отчужденности со стороны своих новых сослуживцев не

наблюдаю. Я доказал свое право драться с этими людьми плечом к плечу. Теперь они на меня уже не смотрят с подозрением или настороженностью. Как на какого-то мутного русского, сбежавшего из Советской России. Теперь я свой. Я сегодня вместе с этими людьми уже кровь пролил. Вражескую. А это многого стоит. После такого люди начинают к тебе как-то по-особому относиться. И сейчас все эти молодые пилоты пьют пиво и радостно обсуждают яркие моменты сегодняшних воздушных боев. Люди радуются, что прожили еще один день. Что они остались живы. И уцелели. Невольно поддаюсь всеобщему настроению. Присаживаюсь у барной стойки и с наслаждением цежу холодненькое пиво из большой, стеклянной кружки. И радуюсь, что тоже остался жив. Кстати, вспомнил. Подзываю бармена. Солидный такой дядечка. Лет пятидесяти. Пивное пузо, пышные бакенбарды и пудовые кулаки. Все при нем. Нормальный типаж. Настоящий бармен. Заказываю у него еще одну кружку пива.

— За счет заведения, сынок! — громким басом говорит бармен, увидев, что я пытаюсь достать из кармана свой бумажник. — Я слышал, что сказал ваш командир, и согласен с ним. Сегодня вы совершили невозможное. Стольких этих летающих дьяволов отправили напрямик в их нацистский ад. Это настоящее чудо. Я своим внукам об этом буду рассказывать.

Благодарю мужика за стойкой, подхватывая вторую кружку с пивом, и оглядываясь по сторонам. А вот и ты, родной! Кивком подзываю к себе своего ведомого и передаю ему пиво, которое только что получил от бармена. На халяву! Предлагаю выпить за нашу победу и благодарю его за помощь в бою. Мол, если бы не Колин Грей, то меня сейчас бы уже черви грызли в неглубокой могиле.

— Спасибо, что вовремя заметил, грозившую мне опасность и предупредил меня тогда в воздушном бою! — говорю я своему ведомому. — И благодаря этому, я смог вывернуться из-под вражеской атаки.

— Я же твой ведомый. Я должен так поступать. Должен прикрывать твой хвост. Ты, Алекс, главное, и дальше так же воюй. Мне понравилось, как ты это делаешь. Я сегодня столько нового и интересного увидел! — усмехается в ответ Колин поднимая свою кружку.

— Держись меня, и ты еще и не такое увидишь! — отвечаю я, приподнимая в ответ свою кружку. Чокаемся и синхронно отхлебываем из своих кружек.

Постепенно разговор заходит о прошедших сегодня воздушных боях. Бурно обсуждаем, делимся впечатлениями. В общем, нормальный мужской разговор после трудного дня. К нам подтягиваются еще несколько пилотов. Также включаются в обсуждение моей тактики. Промываю им мозги, указывая на превосходство пары перед звеном из трех самолетов. Литхэрт не вмешивается. Молча одобряет мою речь. Все правильно. Времени у нас на тренировки нет. Придется учиться новой тактике в ходе боев. И людей к этому необходимо морально подготовить уже сейчас.

— А что тут делает эта русская сволочь? — слышу я внезапно громкий вопль на английском языке с жутким акцентом.

Медленно поворачиваюсь и встаю. Это что за покемон? Расталкивая моих собутыльников, ко мне нетвердой походкой приближается темноволосый молодой человек в английской военной форме с погонами пилот-офицера. Я отчетливо вижу, что этот персонаж уже успел хорошо так набраться.

— Что это за алкоголик тут выискался? — удивленно спрашиваю я у вскочившего Литхэрта. — Этот, вроде бы, не наш?

— Не наш, — подтверждает мой комэск, согласно кивая, а затем рывкает командирским голосом, обращаясь к напившемуся пилот-офицеру. — Вы кто такой? Представьтесь по форме!

— Станислав Скальский 501-я эскадрилья! — помявшись отвечает буян, приложив два пальца правой руки к виску и делая ими небрежную отмашку. Странно. Англичане воинский салют совсем по-другому отдают.

— У вас возникли какие-то претензии к сэру Алексу Матрософфу, пилот-офицер? — резко спрашивает Литхэрт, нахмутив брови.

— Возникли! — громко начинает кричать пьяный летчик, все больше распаляясь. — Этот русский недостойн здесь находиться! Ему тут не место. Красному варвару не место среди британских офицеров! После того, что Советская Россия сделала с моей Польшей!

— Поляк, что ли? — хмыкаю я, недобро усмехаясь.

— Да, я поляк! — орет мне в лицо Станислав Скальский. — И горжусь этим!

— Вот и гордись дальше! — говорю я, скорчив презрительную мину. — Вместо мозгов у вас поляков всегда была одна только гордость. Ничему вас убогих история не учит. Польша мне напоминает глупую и мелкую моську, которая постоянно лаяла на своих могучих соседей. И она это делала не от большого ума. Инстинкт самосохранения что совсем не работал? Нельзя было угадать, что этим все и закончится? Ведь было уже такое. Было! Не один раз вашу придурковатую Польшу соседи уже делили меж собой. Потому-что вы их достали! Вы же поляки со своим идиотским гонором всех окружающих можете здорово бесить. Но этот урок вам не пошел в прок. Как были тупыми и гордыми осликами, которые на своих ошибках не хотят учиться, так ими и остались. И сейчас опять нарвались на новый раздел Польши между СССР и Германией. И кто же в этом виноват? Вы сами и виноваты. Не тьякали бы на русского медведя и немецкого орла. Вели бы себя спокойно. И тогда. Возможно, бы ваша любимая Польша и уцелела. Не зря ее сам Черчилль гиеной Европы называет. Доигралась ваша гиена. Не на тех лапку задрала. В общем, вы сами подставились, так еще и англичан с французами в эту бойню втянули. И эти британские парни тут сейчас умирают по вашей вине. Если бы не Польша, то никакой войны Великобритании и Германии бы не было. И люди в Британии бы не гибли. И Франция тоже была бы цела.

— Ах, ты, красная свинья! — завопил разгневанный моей речью поляк, который все это время бесился не по-детски.

Да, вот такой я коварный тип! А вы что думали? Что я этого хамоватого поляка буду облизывать? Мне его соплеменники и в двадцать первом веке не нравились. Бесили они меня своей наглостью, подлостью и хамством. И непроходимой глупостью. Вот нельзя же так тупо дергать смерть за усы. Нельзя так нагло тьякать на Россию из своей европейской подворотни. Не знаю, как там в будущем у Польши дела пойдут. Но сейчас поляки уже доигрались. Опять они отгребли люлей. Немцы с Советским Союзом Польшу просто и быстро разделили между собой. И мне плевать на вопли всяких там либералов и демократов. Поляки сами нарвались. И свою участь заслужили сами. Вот могла же Польша в 1938 году договориться с СССР. Могла же не позволить Гитлеру аннексировать Чехословакию. Могла остановить Германию. Не дать ей усилиться. Но не захотела этого делать. А еще и под шумок сама откусила от многострадальной Чехословакии кусок пожирнее. А теперь поляки возмущаются, что русские решили пойти по их стопам. Решили действовать в интересах только своей страны. Ну, и кто тут тупой осел? Ответ, по-моему, очевиден? А еще помимо всех этих соображений, мне этот конкретный поляк уже не симпатичен. Как человек. Я же

его сейчас специально провоцирую на конфликт. Если бы он тихо и мирно сидел там в углу бара, откуда он только что вылез весь такой резкий. И тихо матерился про себя в мою сторону и в сторону СССР. То я бы не стал так обострять. Но ведь пан Скальский этого не сделал. А громко и отчетливо успел оскорбить меня перед такой толпой народа. И если я ему бы не ответил, то потерял бы лицо. Как офицер и мужчина. И отвечать надо так, чтобы у других людей даже и мысли не возникло, чтобы пенять потом на мое советское прошлое. Жестко и быстро.

Кстати, не думайте, что я согласен со всем, что тут сейчас нес перед толпой выпивших англичан. Нет, про Польшу и ее поведение идиотское я все верно сказал. А вот про то, что Германия напала на Великобританию и Францию из-за Польши. Тут я сильно сомневаюсь. Гитлер бы и без Польши с ними рубиться начал. Их столкновение было неизбежно. Просто, так все совпало. Но надо же было мне оправдать мои дальнейшие действия в глазах моих сослуживцев. Я же теперь на их стороне воюю. Теперь то они полякам точно сочувствовать не должны были после моих слов. Потому и подправил совсем немного общественное мнение в свою пользу. Это типа Польша во всем происходящем виновата.

Ну, вот. Я все правильно рассчитал. Пьяный поляк уже дошел до кондиции и ринулся на меня с кулаками. Ой дурак! Ой дурак! Он же еле на ногах стоит. И куда полез, болезный! Придется проучить! Я не джентльмен или рыцарь. Технично уклоняюсь и пробиваю поляку с ноги пониже пояса. Целюсь в то самое место. В пах. Что? Не честно? А в пьяной кабацкой драке все средства хороши. Эх! Помню еще. Не забыл, как кунг-фу то изучал в своей прошлой жизни. Не как профессионал, а скорее, как любитель. Тогда вся российская молодежь этим увлекалась. Всякими там экзотическими боевыми искусствами. Ну, и меня это поветрие тоже не минуло. Пару лет я ходил на секцию. И вот теперь пригодилось. А хорошо попал. Прямо по бубенцам. Ой, душевно пану Скальскому сейчас прилетело. Со всей пролетарской сознательностью. Это тебе за красную свинью, гамадрил пьяный! Пока он сгибается от боли, добавляю ему еще и правой рукой по морде. Поляк отлетает к барной стойке. Сносит затылком массивные пивные кружки. А затем эпично сползает вниз и затихает на полу. Похоже, что отрубился ниндзя картонный. Россия выигрывает у Польши со счетом один-ноль.

Когда Станислав Скальский упал, то меня кольнул запоздалый страх. А вдруг я его убил случайно? Но бармен, склонившийся над поверженным бойцом, меня успокаивает.

— Жив, придурок пьяный! — громогласно объявляет он, пощупав пульс у поляка. — Только сознание потерял! Завтра голова у него будет очень сильно болеть!

— Что будешь делать дальше, Пятый? — спрашивает у меня наш командир эскадрильи.

— Что? — не понял я.

— Мы все видели, что он тебя оскорбил и попытался ударить первым, — терпеливо отвечает Литхэрт, кивнув в сторону лежащего на полу поляка. — Он нарушил закон. Напал на офицера, который выше его по званию. В военное время — это очень серьезный проступок. Если дело дойдет до трибунала, то этого поляка могут расстрелять.

— Хм, а этот Станислав Скальский хоть хороший пилот? — задумчиво говорю я, решая судьбу задиристого поляка. — Как он воюет? Кто знает?

— Я знаю, сэр! — выступает вперед еще один молодой летчик с нашивкою 501-й эскадрильи. — Я пилот-офицер Генри Мортон. Этого поляка недавно к нам в эскадрилью прислали. А он уже успел сбить два германских самолета. Он вообще-то, нормальный парень, сэр. Просто, мы с ним сегодня в бою с «джерри» потеряли его лучшего друга. Вот

Станислав и выпил немного. И не сдержался.

— А на чем вы летаете? — заинтересовался я.

— На «Харрикейнах», сэр! — быстро ответил Мортон.

— Ого, на «Харрикейнах»? И этот ваш Скальский уже сбил аж два самолета противника? — удивился я, отчетливо понимая, что для пилота устаревшего британского истребителя это очень большое достижение.

— Да, сэр! — закивал Генри Мортон. — Один «Юнкерс» и один «Мессершмитт», сэр!

— Хм, думаю, что пан Скальский уже достаточно наказан за свой поступок, — медленно начинаю говорить я. — Но его поведение недостойно офицера Королевских ВВС. Однако, я сегодня добрый. И если он извинится передо мною, то я его прощу и не буду давать ход этому делу!

— Спасибо, сэр! — гаркнул явно обрадованный Генри Мортон. — Я уверен, что он это сделает! Он извинится, сэр!

— Вот и ладно, — отвечаю я, отворачиваясь и направляясь к выходу из бара. Что-то мне пить пиво расхотелось. Гадский поляк! Такое культурное мероприятие испортил. А ведь мы так хорошо сидели. Душевно.

Глава 4

Об извинениях и новых полетах

Утром меня разбудили рано. Еще до подъема. Побитый мною накануне поляк пришел извиняться. Точнее говоря, его ко мне привели. Командир 501-й эскадрильи Гарри Хоган сам прилетел, чтобы разобраться с неприятной ситуацией, в которую влип его подчиненный. Ведь для Королевских ВВС — это очень большой скандал. Пьяная драка между офицерами. К счастью здесь я был пострадавшей стороной. И закон оказался на моей стороне. И вот Гарри Хоган явился сюда самолично, чтобы проследить за тем, чтобы этот неприятный инцидент был замят. Вообще-то, 501-я эскадрилья «Харрикейнов» базируется на аэродроме Кинли. Но вчера два ее самолета приземлились у нас. Из-за повреждений, полученных в бою. Вот одним из этих побитых пулями «Харрикейнов» как раз и управлял Станислав Скальский. Ну, а дальше вы знаете, что случилось.

Под строгим взглядом двоих командиров 501-й и 54-й эскадрилий похмельный поляк принес мне официальные извинения. Которые я милостиво принял. Этот придурок говорливый и так был мною очень неплохо наказан. Фингал под глазом, шишка на затылке и разбитые яйца, которые заставляли его ходить очень аккуратно в раскорячку. Нормальная расплата за пьяные вопли. А трибунал и расстрел нам не нужен. Зачем доводить до таких крайностей? Этот поляк нарвался и свое уже получил по полной. Пускай, лучше живет. И немцев сбивает. Хоть какая-то польза от этого дурачка будет.

Потом Гарри Хоган забрал обоих своих непутевых подчиненных и убыл с нашей авиабазы. Вот и ладненько! Не очень то мне хотелось еще раз встречаться с этим бешеным поляком. Эх, из-за этих расшаркиваний с паном Скальским я не успел позавтракать. Не дали мне немцы заскочить в столовую и перекусить по нормальному. Пришлось вылетать натошак. Только кофе с булочкой перехватил возле самолета. Их мне Макглас подогнал. Заботливый у меня авиатехник, однако. Не дал помереть с голодухи.

Снова наша поредевшая эскадрилья в полном составе отправляется в полет. Эх, не спится же этим арийцам гитлеровским. Сами не спят и другим не дают этого сделать. Вот затеяли, понимаешь, новый авианалет с утра пораньше. Уф! Кофе моего сметливого техника помог мне взбодриться. В этот раз нас послали аж к Дувру. Вчера мы так далеко не летали. Впрочем, до Дувра здесь не так уж и далеко. Минут десять лету. По прибытии на место уже издали вижу, почему нас сюда послали. Большая группа немецких бомбардировщиков пытается прорваться к порту. И части из них это уже удалось сделать. Британские и германские истребители тоже тут имеются в воздухе. В небе над Дувром царит бедлам и неразбериха. Понятно. Нас сюда вызвали в качестве подкрепления. Дуврские ВВС сами уже не справляются.

Повинуясь командам Литхэрта, вся наша эскадрилья с ходу атакует группу немецких бомбовозов, приближающихся к портовой зоне. На этот раз комэск нас на группы делить не стал. Правда, сейчас построение наше более гибкое. Литхэрт еще вчера вечером разбил эскадрилью на пары. Все! Теперь никаких дурацких звеньев. Будем летать только парами. Но нас тоже заметили. Шесть «Мессершмиттов» Vf -109E рванули нам наперерез. Ого! В этот раз нас будет немного больше чем врагов. Мне такой расклад уже начинает нравиться. Я и мой ведомый и до этого традиционно шли немного выше строя нашей эскадрильи. А сейчас начинаем быстро забираться еще выше. Вы мою тактику уже знаете. Люблю я, понимаешь,

воевать на высоте. Немецкие истребители наш маневр проигнорировали. Их в данный момент больше интересует вся остальная наша эскадрилья, которая держит курс прямо на бомбардировщики. Наша пара выглядит не так опасно для охраняемых. Вот и ладушки! Проскакиваем над «Мессерами», не задерживаясь. Сегодня для разнообразия попробую бомберы посбивать. Они сейчас наша приоритетная цель. А с «Эмилями» пускай Литхэрт разбирается. Впрочем, он не против. О чем мне по радиации и сообщил.

Вражеские бомбардировщики быстро растут в прицеле моего истребителя. Так, что это тут у нас летит такое двухмоторное? Познакомьтесь. «Хейнкель» He-111 немецкий средний бомбардировщик. С таким зверем мне в воздушном бою еще сталкиваться не приходилось. Но его слабые места я все же неплохо знаю. Не зря же я так вдумчиво изучал таблицы ВВС по немецкой технике. В советских и британских технических справочниках подробные данные об этом германском бомбере есть. Разведки этих стран неплохо поработали. Впрочем, немцы свои «Хейнкели» как-то особо и не секретили. Итак, пулеметных оборонительных турелей у этого германского самолета хватает. Спереди и сзади к нему лучше не соваться. Можно и отхватить. А вот сбоку этот двухмоторный бомбер очень даже рекомендуется атаковать. Поэтому сейчас мы заходим на цель с левой полусферы. Три тройки вражеских самолетов плотным клином спокойно летят к порту. Если они нас и заметили, то никак это не показывают. С боевого курса не уходят. Маневрировать не пытаются. Тупо тянут по прямой линии. Сейчас мы им курс немного подкорректируем. Беру в прицел головной He-111. Его я буду бить первым. Потом немного завалю свой «Спитфайр» на правое крыло и пройду из всех стволов вдоль вражеского строя. Начинаем шоу!

... ..! У меня никаких матов не хватает, чтобы выразить то, что я сейчас чувствую. Эти долбаные авиапушки опять заклинило. После того, как я обстрелял ведущий «Хейнкель», разнеся ему один из моторов. Поэтому пришлось стрелять по остальным бомберам нацистов только из двух пулеметов. Для них такой мой обстрел, как слону дробина. Хорошо, что у моего ведомого все пулеметы исправно работают. В общем, сбить мы никого не сбили. Но изрядно напугали. Хотя, нет! Головной «Хейнкель», подстреленный мною в самом начале, стал вываливаться из строя. Его пробитый мотор быстро разгорается. Видя это, другие пилоты немецких бомбардировщиков стали лихорадочно скидывать свои бомбы, так и не долетев до порта. На кого Бог пошлет.

После чего весь строй из оставшихся восьми He-111 дружно повернул на юг и начал отходить, оцетинившись трассами пулеметов. Нет, соваться к ним мне совсем не хочется. С таким то слабым вооружением. Два пулемета маловато будет. Сбить точно никого не собью, а вот отхватить могу не по-детски при этом. «Хейнкели» машинки крепкие. И моими двумя пулеметиками их долго придется ковырять. А это ненужный риск. Зачем нам такой экстрим? Мы лучше добьем вон того ведущего вражеских бомберов, который уже выпал из общей группы и сейчас, пачкая воздух горящим мотором, пытается тоже уйти на юг. Разворачиваю свой «Спитфайр» к обреченному «Хейнкелю». А я его хорошо обработал. Пока пушки не заклинило. Сейчас он еще летит. На одном моторе. С трудом, но еще держится в воздухе. Пора его мучения прекратить. На этот поврежденный мною бомбардировщик опять захожу сбоку. Только в этот раз атакую справа, а не слева. Там у него мотор еще целый. Вот по нему и целюсь. Пришлось подходить поближе, чтобы уж наверняка попасть в цель. Немец пытался маневрировать. Пытался подставить меня под огонь своих турелей. Опытный гад попался. Но ничего у него не вышло. Я ведь тоже не салажонок желторотый. И прекрасн вижу, что он хочет сделать. И я ему этого сделать не дам. Не подставлюсь и домой его не

отпущу. Маневренность то у меня лучше во много раз. Я же не зря сюда в Англию ехал. Вот за этим самым. Чтобы сокращать количество немецких пилотов и их самолетов. Чтобы как можно меньше их потом на Восточный фронт попало. В Советский Союз. Когда немцы на него нападут.

Ну, вот к второму мотору «Хейнкеля» тоже пришел толстый-толстый полярный лис. Я его уговорил с одного захода. Даже двух пулеметов хватило. Правда, патронов истратил для этого целый вагон. Но результат меня радует. Немецкий бомбардировщик отправляется вниз к земле, а мы разворачиваемся туда, где в небе крутится карусель воздушного боя. Где «Спитфайры» 54-й эскадрильи воюют с «Мессершмиттами». Надо нашим немного помочь. Да, и глупо мне сейчас лезть к вражеским бомберам со своими двумя пулеметиками. А вот истребители ими еще можно поугадать. Если умеючи. А я умею. А Литхэрт то со товарищами тоже времени не теряли. Пока мы с Колином Греем возились с теми «Хейнкелями», они смогли сбить один «Мессершмитт», а два повредить и заставить выйти из боя. Правда, и сами потеряли один «Спитфайр». Правда, летчик наш к счастью уцелел и смог выпрыгнуть с парашютом. Значит, скоро он к нам вернется на аэродром. А самолет ему другой выдадут. У нас несколько запасных «Спитфайров» в дальнем ангаре на авиабазе стоит как раз для таких случаев.

Нырять вниз. Литхэрт и его парни в ходе воздушного боя спустились очень низко. Меньше чем на шестьсот метров. И сейчас там крутятся на виражах с «Мессерами». Пытаюсь их подловить. Там внизу в данный момент установился шаткий паритет сил. Ни немцы, ни наши не могут взять верх в этом противостоянии. Пора и нам вмешаться. Коршуном падаю на пару «сто девярых», которые пытаются догнать на вираже самолет нашего комэска. Его ведомый то куда-то делся. И Литхэрту приходится тяжело. Вражеские истребители его никак не могут догнать и ведут огонь с дальней дистанции. Но попасть никак не могут. Хреново стреляете, товарищи арийцы! Сейчас я вам покажу, как это надо делать правильно. Захожу на головной «Эмиль», преследующий «Спитфайр» нашего командира эскадрильи. Я чуть выше и сзади. Ракурс атаки градусов сорок пять. Целюсь, не забывая об упреждении. По быстро движущимся целям только так и надо стрелять, целясь не в них, а перед ними. Пора! Нажимаю гашетку, и мои пулеметы «Браунинг» начинают стрекотать. М-да! Это вам не пушки. К басовитому рыку которых я уже привык. Мощь у них не та. Винтовочный патрон откровенно слаб в таких делах. Всего то 7,7 миллиметров. Даже в тот же одномоторный «Мессершмитт» Vf-109 надо очень много патронов всадить, чтобы его гарантированно сбить. Что и требовалось доказать. Попасть то я попал. Но не сбил с одного захода. Вот авиапушки бы этот истребитель ведущего вражеской пары уже бы в клочья разодрали. А после моих двух пулеметов он только запарил мотором и довольно шустро начал уходить в сторону и вниз. Все! Литхэрт ему больше не интересен. Второй «сто девятый», тоже рванул, но в другую сторону. Это уже после того как его Колин Грей обстрелял. Не попал, но напугал здорово. Немец даже и не думает о дальнейшем преследовании нашего комэска или бое с нами. Испугался, бедолага. И его можно понять. Атака на ваш истребитель с задней полусферы — это настоящий кошмар для летчика. Неудивительно, что многие пилоты начинают паниковать в такой ситуации.

— Спасибо, Пятый! Я твой должник! — кричит в моем шлемофоне голос Литхэрта когда мы в темпе вальса проносимся мимо его «Спитфайра», преследуя недобитого мною немецкого ведущего.

— Всегда пожалуйста, Лис! Обращайся, если вдруг что! — со смешком отвечаю я,

пытаясь загнать юркий и тонкий силуэт вражеского истребителя в свой прицел.

А этот немец совсем не хочет умирать. Пытается выскользнуть. Уйти на вертикаль. Вот только я тоже не зеваю и не даю ему это сделать. Отжимая короткими очередями этого проворного нациста все ниже и ниже к земле. И я в него опять пару раз попал. Отчетливо наблюдал при этом небольшие вспышки на крыле и фюзеляже «Мессера». Попал, но снова не сбил. В ходе погони мы опускаемся все ниже и ниже. Вот уже мчимся над самой землей. Немец мечется как вьюн на сковородке. С каждым своим маневром все больше и больше теряя скорость. Мне кажется, или он еще больше запарил двигателем? Похоже, что я вижу даже слабый дымок из-под его капота. Наконец-то, мне удастся загнать фашистский истребитель в перекрестие прицела. Попался, гад! Нажимаю на гашетку. А в ответ тишина! Видимо, пулеметы мои тоже отстрелялись до конца. Скорее всего, патроны закончились у моих «Браунингов». Я же из них сегодня хорошо так пострелял. Что же делать? Этого нацистика недобитого просто так отпускать нельзя. Быстро принимаю решение и команду, пропуская «Спитфайр» моего ведомого вперед. Пускай, мальчик потренируется в стрельбе. У него то патроны должны еще остаться. Он в этом бою не так интенсивно стрелял, как я. Колин Грей меня не разочаровал. У него сейчас и пулеметов побольше чем у моего истребителя. И стреляет он хорошо. Правда, с первого раза не попал. Немец все же смог уйти в сторону. Опытный гад! Советую Колину подойти поближе и бить наверняка. Молодец! Вторая очередь впивается в обреченный «Мессершмитт». С такой дистанции попадание сразу восьми пулеметов, даже винтовочного калибра, стало фатальным для «сто девятого». Какие-то доли секунды и немецкий самолет врежется в землю на скорости. Тут то падать было всего нечего. Мы же почти над самой землей сейчас пролетаем.

Поздравляю по радиации Колина Грея с этим удачным попаданием. Мой ведомый пытается быть скромным. Пытается говорить о нашей совместной воздушной победе. Мол, если бы я не повредил этого «Эмиля», то Колин его не смог бы добить. Прерываю откровенность парня, говоря, что это только его победа. И его сбитый. В принципе, мне не жалко. Я себе еще трофеев посбиваю. Одним больше, одним меньше. Для меня это не критично. А Колину приятно будет. Для него это очень важно. Я это по его голосу слышу. Парня распирает от радости. Кстати, это уже шестой немецкий самолет сейчас на счету моего ведомого. Колин то совсем уже не новичок в этом деле. Повезло мне с ведомым, в общем.

Пока мы с Колином так любезничали, в эфире прорезался наш командир. Литхэрт приказывает всем пилотам 54-й эскадрильи отходить домой на нашу авиабазу. Причину он не озвучивает. Но это и так понятно. Свою задачу мы выполнили. Часть немецких бомбардировщиков смогли отогнать от порта Дувра. Да, и боеприпасы у наших «Спитфайров» тоже не бесконечные. Это же вам не кино. Наверняка, не только у меня патроны закончились. А без них истребитель много не навоюет. Короче говоря, отходим. А я только за. Тем более, что наше место уже занимают другие эскадрильи британских истребителей. Которые продолжают довольно оперативно подходить к месту этого воздушного боя. Думаю, что эту атаку Люфтваффе на Дувр они смогут отбить и без нас. А нам уже пора домой.

Глава 5

Испытание нового оружия

После посадки быстро вылезая из кабины своего истребителя и высказываю Джону Макгласу все, что думаю об этих заклинивших пушках «Испано Бритиш». Впрочем, мой то авиатехник не виноват. В отказе оружия стоит винить скорее криворуких британских оружейников. Просто, мне надо было выговориться и спустить пар. И Макглас это тоже понимает. Потому спокойно выслушивает мои экспрессивные высказывания и, заговорщицки оглянувшись по сторонам, сообщает, что к нам на авиабазу совсем недавно перегнали еще один пушечный «Спитфайр». В запасной фонд нашей эскадрильи. На замену разбитым самолетам. У нас три запасных пулеметных «Спита» уже имеются. Я о них говорил раньше. И вот еще пригнали, пока мы были на боевом вылете.

— Сэр, мне перегонщик рассказал, что на этом новеньком истребителе с пушками стоит какая-то экспериментальная система обогрева оружия, — начинает рассказывать Макглас. — Ее специально для нового двухмоторного истребителя Вестленд «Вирлвинд» разрабатывали. Она лучше, чем старая работает. Дик мне божился, что пушки при этом стреляют исправно. Без задержек.

— Хм! — задумываюсь я, а затем говорю. — Ты предлагаешь мне пересесть на этот новый «Спитфайр» с пушками?

— Думаю, что так будет лучше для вас, сэр! — согласно кивает мне мой авиатехник.

— Хорошо, сделаем, как ты советуешь, — бормочу я, снимая свой летный шлем. — А то меня уже реально бесят эти бракованные пушки. Я пойду договариваться с командиром, а ты там мой новый самолет осмотри пожалуйста. Проверь там все, чтоб работало. А на этом я летать больше не хочу.

— А сколько вы сейчас «джерри» сбили, сэр? — спрашивает меня Макглас, когда я уже собираюсь уходить.

— Только одного, Джон, только одного, — хмуро отвечаю я, двигаясь туда, где маячит фигура Литхэрта. — Пока у меня пушки не заклинило.

Наш командир эскадрильи мою просьбу выслушал благосклонно. И разрешил мне сменить истребитель. Он ко мне и так неплохо относится. С уважением. А сегодня я ему еще и жизнь спас в бою. И он это тоже оценил. В общем, мне даже спорить не пришлось. Потом я обрадовал Макгласа. И тот помчался в ангар принимать мой новый истребитель. А я отправился в нашу аэродромную столовую. Чтобы, наконец-то, поесть нормально. А то с этим ранним боевым вылетом пришлось воевать на голодный желудок. А когда я голодный, то злюсь на разные мелочи. А это контрпродуктивно.

Позавтракав и немного отдохнув. Через полтора часа я все же решил проверить, как там мой новый «Спитфайр» поживает. Интересно же. Мне же на нем в бой идти. Подхожу. Интересуюсь. Макглас бодренько докладывает, что все в порядке. Самолет в рабочем состоянии. Все системы работают нормально. Оружие проверено и заряжено. Топливо заправлено. Мой авиатехник даже успел нарисовать желтой краской крупную и жирную пятерку на фюзеляже возле хвоста моего нового истребителя. И теперь дорисовывал под кабиной значки сбитых мною самолетов противника. Посмотрев на этот процесс, я невольно усмехнулся. Вспомнив, как офигел, когда в первый раз увидел, как англичане отмечают свои воздушные победы. Я то привык, что в советских ВВС за каждый сбитый вражеский самолет

на фюзеляже истребителя рисуют маленькую красную звездочку. А вот британцы меня сумели удивить. Вместо звезды они рисовали небольшой, белый, прямоугольный флажок с черной свастикой в центре. Мне потом уже объяснили, что так они отмечают каждый сбитый германский самолет. А вот если британский пилот собьет итальянский самолет, то на борту его истребителя уже нанесут небольшой итальянский флаг. Италия то тоже сейчас воюет на стороне Гитлера. Но пока в небе над Британией итальянских самолетов не видели. С итальянскими ВВС британцы сталкиваются только в районе Средиземного моря. Вот там у них больше сбитых итальянских самолетов чем немецких. А тут итальянцев нет. Пока. Здесь только немцы летают. И я тоже сбивал только германские самолеты над Англией. Поэтому Макглас и нарисовал тогда семь белых флажков с черной свастикой. Но сейчас меня такой живописью на борту моего истребителя не удивишь. Глаза уже привыкли и не цепляются больше за ненавистную свастику.

Немчура сегодня тоже без дела не сидела. И вскоре нас опять отправили в бой. Правда, сейчас далеко лететь не пришлось. Нас навели на большую группу германских пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс» Ju-87. Штук сорок примерно там было. Советские пилоты эти одномоторные пикировщики называли «лаптежниками», а в Европе за ним закрепилось прозвище «Штука». Ju-87 был, наверное, самым знаменитым немецким самолетом Второй Мировой войны. И самым узнаваемым. Этот силуэт ни с чем не спутаешь. Данный пикирующий двухместный бомбардировщик выделялся крылом типа «перевернутая чайка», большими неубирающимися шасси с бронированной защитой и занудным ревом сирены при пикировании. Эдакое зримое олицетворение мощи германских ВВС и символ немецкого блицкрига. Несмотря на низкую скорость, малую дальность полета и слабость оборонительного вооружения, «Штука» была одним из самых эффективных самолетов Люфтваффе.

И все это благодаря феноменальной точности бомбометания из крутого пикирования. Эти «Юнкерсы» Ju-87 могли легко поражать одной бомбой даже движущийся танк. А для 1940 года это очень большое достижение. Здесь же сейчас нет пока высокоточного оружия. Никакого наведения по радио или лазерному лучу. Ничего подобного еще нет. Но тем не менее, «Штуки» могли уничтожать цели не хуже управляемых ракет или планирующих бомб. А так, конечно, да! Самолет этот к данному моменту был довольно устаревшим. «Штуки» можно было эффективно использовать только при отсутствии у противника нормальной противовоздушной обороны. Вражеские истребители и зенитки довольно просто сбивали Ju-87. По крайней мере я о таком слышал. А вот теперь придется эти утверждения проверить в реальном бою. Со «Штуками» то я тоже раньше не встречался в небе. И вообще. Мне эта Битва за Британию больше напоминает рыбалку, которую я очень люблю. Меня на нее Рычагов посадил. Когда мы с ним на Дальнем Востоке служили. Рыбы там много водится. И Пашка обожал ее ловить. И меня приохотил к этому делу. Так вот. На рыбалке никогда не знаешь, что тебе попадется на крючок. Чистая лотерея. Это я про нормальные речки говорю с дикой рыбой. Это вам не платные пруды. Вот там ловить совсем не интересно. Как в аквариуме. Там никаких неожиданностей не бывает. Рыба там прикормленная, а видовой состав не очень разнообразный. Вот, значит, в небе Британии я уже повстречал столько разных видов самолетов. Которые раньше мне не попадались. На других войнах. А тут царит прямо приятное разнообразие. Надеюсь, что скоро в моих охотничьих трофеях появятся новые птички. «Юнкерсы» Ju-87.

В этот раз мы успели первыми к месту воздушного боя. И первыми должны были

схлестнуться в небе с этой группой немецких пикировщиков. Правда, нам обещали подкрепление. Я четко слышал переговоры Литхэрта с вице-маршалом Кейтом Парком командиром 11-й авиагруппы, в которую входила и наша 54-я эскадрилья. Вот Парк Литхэрту клятвенно пообещал прислать подкрепление в скором времени. Мол, вы там только немного продержитесь. Похоже, что нам опять придется пафосно преодолевать, воюя с превосходящими силами противника. Кстати, эти пикировщики были тут не одни. Их еще и немецкие истребители охраняли. Двадцать четыре штуки уже известных мне «Мессершмиттов» Bf-109. А нас всего семеро. Расклад совсем не в нашу пользу. Посмотрев по сторонам, я решаю провернуть одну смелую авантюру. Сегодня в небе не так безоблачно, как это было вчера. Ходят тут большие и пушистые облака. В которых можно легко спрятаться от противника. Немцы летят ниже линии облаков. В принципе правильно делают. Им же надо хоть как-то ориентироваться на местности. Вот и спустились пониже, чтобы землю видеть. И ориентиры рассматривать. Быстро связываюсь с нашим командиром эскадрильи и излагаю ему свою мысль. Литхэрт меня с ходу понял. И ему мой план понравился.

В общем, в битву мы с ходу кидаться не спешим. А начинаем набирать высоту, уходя за облака. И уже там берем курс на противника. Попытаемся подкрасться к немцам под прикрытием облаков. А потом нанести внезапный удар. При этом нам не обязательно видеть врага. Нам старательно подсказывают с земли, где сейчас находятся германские самолеты. И куда они двигаются. И ориентируясь по подсказкам операторов радаров, мы и выходим на цель. Вслепую летим в облаках. Но зато враги нас не видят. Пока не видят. Мы от них прикрываемся наиболее крупными облаками. Здесь и сейчас в небе таких хватает. Наконец, мы заняли позицию для атаки и по команде нашего комэска шустро выныриваем из-за облаков. А затем начинаем пикировать на строй вражеских самолетов.

Похоже, что мы их смогли застать врасплох? «Штуки» летят плотными клиньями на высоте в три тысячи метров. А «сто девятое» выются повыше над своими бомберами. И нас они до момента атаки не видели. Это понятно по их построению. Быстро подняться к нам на перехват они не смогут. Скорость у немецких истребителей сейчас маловата. Они же вынуждены были ее ограничивать, чтобы особо сильно не отрываться от «Юнкерсов», которых охраняют. Потому и летели не по прямой, а зигзаги в небе нарезали. А так особо не разгонишься. Зато можно лететь рядом с тормозными пикировщиками. И сейчас из-за этого «Мессеры» не смогут быстро уйти наверх, чтобы парировать нашу атаку. Скорость у них не та. И здесь законы физики на нашей стороне. Пикирующий вниз самолет всегда набирает скорость быстрее чем тот, который без разгона пытается уйти на вертикаль.

Конечно, немцы нас заметили. Такую араву, выскочившую у них над головами, трудно не заметить. Вот только сделать против нас они ничего не смогут. Не успевают. Да, и растерялись они. Это видно по несогласованности действий. Немецкие истребители внизу начинают реагировать. Вот только не все одновременно это делают. И невпопад дергаются. Кто-то все еще тормозит в нерешительности. Вот на одного такого тормоза я сейчас и захожу в атаку. Пикируя почти отвесно, загоняю «сто девятое» в прицел. Несколько секунд полета, и я открываю огонь. Пушки на этот раз не подводят и басовито режут, выплевывая смерть в сторону противника. А немец даже не маневрирует. Так и летит по прямой. И влетает прямиком в мои дымные трассы. Которые яркими разрывами пробегают по обеим крыльям германского истребителя, разнося их вдребезги. Пока к новым авиапушкам у меня претензий нет. Хорошо работают. Без задержек и заклиниваний.

Все! Теперь он никуда больше не полетит. Только вниз. К земле. «Мессершмитт», потеряв левое крыло полностью и половинку правого, быстро сваливается в смертельный штопор. Даже если там немецкий пилот и остался жив после такого, то это ненадолго. В штопоре он из кабины своего падающего «Эмиля» выпрыгнуть с парашютом не сможет. Невозможно это сделать, когда сильная перегрузка тебя вдавливают в кресло. Для того, чтобы покинуть истребитель, этому арийцу надо сначала вывести его из штопора. А с одним крылом это технически сделать нельзя. Так что этот фашистик уже в аду. Только еще не знает этого. И мне его совсем не жаль. Его сюда никто не звал. Что? Фюрер приказал? Вот и спрашивай тогда у своего фюрера, что надо делать в таких ситуациях.

На полной скорости проскакиваю через строй вражеских истребителей и продолжаю пикировать на «Юнкерсы», плывущие внизу плотными клиньями. Фашистские «Мессеры» остались позади. Они меня не скоро догонят. Если вообще, станут это делать. А теперь пора заняться бомбардировщиками противника. Привет, привет! Не ждали? А мы приперлись! Сюрприз будет!

Скорость я в пикировании развил просто бешеную. От сильного напора воздуха даже мой истребитель начал слегка подрагивать. Это уже предел прочности его конструкции. Еще немного и может произойти разрушение планера. Для тех, кто не понял, поясню. На такой огромной скорости, превышающей все стандарты, у «Спитфайра» могут отвалиться крылья и произойти разрушение обшивки фюзеляжа. А это верная гибель. В общем, тут надо действовать быстро и аккуратно. Цель я уже выбрал. И сейчас только немного доворачиваю нос самолета, наводя прицел. Пора! Под слитный рев моих автопушек от носа в сторону хвоста Ju-87 начинают быстро бежать яркие вспышки снарядных попаданий.

Дойдя до кабины вражеского пикирующего бомбардировщика, они внезапно превращаются в солидный такой взрыв. Настоящий огненный цветок. Только большой. Мой истребитель очень ощутимо встряхивает взрывной волной. Чувствую при этом еще и несколько ударов по корпусу «Спитфайра». Что за?! В плотном строю «Штук» в одно мгновение образовывается брешь. Проморгавшись после того как невольно зажмурился, наблюдаю очень радостную для меня картину. Обстреливаемый мною «Юнкерс» буквально разорвало на мелкие клочки. А хорошо так рвануло. Качественно. Другой германский пикировщик, летевший слева и рядом с ним, тоже получил свое. И теперь лишившись большей части правого крыла и хвостового оперенья кувыркается вниз. Золотое попадание!!! Одним выстрелом двух зайцев убил! Я такое уже видел. Правда, не здесь, а на другой войне. В Испании. Тогда я вот также подстрелил вражеский бомбардировщик, отчего взорвались его авиабомбы. И там тоже он не один пострадал. Ближайшим самолетам противника также прилетело не слабо. Взрыв авиабомб в плотном строе бомбардировщиков — это очень страшная ситуация. И очень опасная. Видимо, снаряд моей 20-мм авиапушки пробил кабину Ju-87 и его днище, а затем попал прямо в авиабомбу, висящую под брюхом. И судя по взрыву бомба там висела не самая маленькая. Не меньше двухсот пятидесяти килограмм. Вот все это добро и рвануло потом. Бывает. Война полна сюрпризов.

Но мне некогда над этим задумываться. Сейчас подо мной летит очень плотный строй вражеских бомбардировщиков. А я к ним еще и быстро приближаюсь. Не хотелось бы в них врезаться на полной скорости. Резко увожу свой «Спитфайр» вправо по пологой дуге. Перегрузки до этого и так были не маленькие, а теперь наваливаются на меня с бешеной силой. Пронесаясь мимо вражеских бомберов, чувствую себя каким-то ракообразным монстром. Судя по моим ощущениям у меня сейчас появился такой же сплюснутый панцирь

и вытаращенные на стельках глаза как у краба. Перегрузка очень жестко вдавливают меня в сиденье. Давно же я так не экстремалил. Многим людям подобные перегрузки противопоказаны. От них они просто сознание теряют. Но я то парниша тренированный. Я не раз такое делал. Без последствий, между прочим. И надеюсь, что и сейчас смогу все выдержать. Выдержу-у-у-у!!! По мне даже стреляют. Вроде бы? Воздушные стрелки задних турелей «Юнкерсов» ведут по мне огонь. Огненные трассы их пулеметов проносятся то тут, то там. Но мне пофиг. На такой дикой скорости по мне нормально не прицелишься. Меня в данный момент больше интересует целостность моего самолета и навалившиеся на мое многострадальное тело перегрузки. А «Спитфайр» ведет себя подозрительно. Довольно ощутимо подрагивает на скорости и поскрипывает. Или этот скрип мне только кажется в реве авиационного мотора.

Уф! Наконец-то, я вышел из этого пике. При этом успел довольно далеко отлететь от строя «Штук». Оглядываюсь по сторонам и удовлетворенно хмыкаю. А мой ведомый тоже здесь. Самолет Колина Грея вот он на своем месте. Летит метрах в ста пятидесяти сзади чуть выше моего хвоста. Молодец, парень! Даже при таких трудных маневрах и перегрузках смог удержаться в строю. Бросаю взгляд в сторону германских пикировщиков и невольно улыбаюсь. Не я один тут такой меткий оказался. Пилоты 54-й эскадрильи тоже без дела не сидели. Пока я тут безум... э... геройствовал. При внезапной атаке из-за облаков Литхэрт и его люди смогли сбить два «Мессершмитта» и один Ju-87. А еще один «сто девятый» и один «Юнкерс» хорошо так повредили. Красивая у нас атака получилась. И очень результативная. И самое главное — немецкие пикировщики начинают избавляться от своих бомб. Прямо в поле скидывают, не дойдя до цели. Видимо, уж очень их впечатлило такое количество одномоментных потерь. А еще и тот взрыв, что устроил я, посреди плотного строя германских самолетов тоже внес свою лепту в эту панику.

Вообще-то, я давно заметил еще в Испании. Что немцы и итальянцы не очень-то любят идти до самого конца. Не решаются они смертельный риск. Вот из японцев или русских хорошие смертники-камикадзе получаются. Те в случае нужды могут легко пожертвовать своими жизнями. Лишь бы только задание выполнить. Эти даже могут и на таран пойти, если надо. А вот немецкие арийцы те так рисковать не любят. Никогда я не наблюдал в ходе воздушных боев, чтобы те же немцы осознанно шли на таран своего противника. Никогда! Нет, трусами их тоже называть не правильно. Они всегда воюют технично и грамотно. Просто, германские пилоты гораздо больше ценят свою жизнь чем русские или японцы. Да, и англичане еще, пожалуй, более бесстрашные в небе чем немцы. Я здесь уже видел случаи настоящего героизма со стороны моих британских сослуживцев. Эти в бою ведут себя более агрессивно чем немчура. Но все же воздушных таранов я пока не наблюдал. Впрочем, я здесь не так уж и долго воюю пока. Возможно, еще и увижу таран в исполнении какого-нибудь англичанина или канадца? Война то впереди длинная нам предстоит.

Так-так. Похоже, бомберы противника мы нейтрализовали. А вот нацистские истребители уже очухались от такой неприятной неожиданности и сейчас пытаются нас атаковать. Вот и на нас с Колином Греем заходят сразу четыре «Мессера». Атакуют сверху. Ну, ну! Посмотрим, что у них из этого выйдет. Предупреждаю Колина по радио, чтобы он следил за этими хитрецами. Тот меня успокаивает. Мол, вижу отчетливо. Я пока вверх не лезу. Лечу по прямой. Скорость то мой истребитель приличную набрал после пикирования. Пускай, эти немчики к нам спускаются сюда. Кстати, только сейчас замечаю аж два следа от попаданий в мой «Спитфайр». Что-то буквально пробороздило дюраль левого крыла рядом с

кабиной истребителя в двух местах. Как стружку сняло чем-то острым. Вот что это были за удары по корпусу самолета, которые я ощутил во время взрыва того германского пикировщика. Скорее всего, это были осколки от той авиабомбы, что так эпично рванула посреди строя бомбардировщиков. М-да! Вот так и погибают опытные асы в бою, от взрывов самолетов противника. Либо от осколков, либо столкнувшись с обломками взорвавшегося вражеского самолета. Я такое тоже видел уже в своей жизни. И меня сейчас чуть было не полоснуло. Немного правее и эти осколки достались бы мне, пробив кабину «Спитфайра». Повезло мне, в общем!

Несмотря на видимые повреждения крыла, мой истребитель хорошо слушается руля. Двигатель тоже живой. Работает штатно без дыма или перебоев. Вроде бы, все системы работают нормально? Воевать можно. Значит, немцев ждет сюрприз. Быстро объясняю своему ведомому, что я хочу сделать. Чтобы был начеку. Сейчас мы будем удивлять арийцев. До кровавых соплей. Вот головной «сто девятый» уже приблизился чтобы открыть огонь. Сейчас он это сделает. Опа-на! Сюрприз, сюрприз! Очень резвый боевой разворот выносит меня на встречный курс с немецким ведущим. Только не лоб в лоб. Я же не камикадзе какой-то. Таранить я его не буду. Я сюда завернул по-хитрому. Поэтому пилот головного «Мессершмитта» меня видит, а стрелять не может. Не успевает повернуть нос своего истребителя в мою сторону. А вот я успеваю, заходя на цель под острым углом. И причесываю его короткой очередью из всех стволов, проносясь мимо-наискосок. Есть контакт! Мне этого немца даже жалко стало. Нет, вру. Совсем не жалко. Только не хотел бы я сейчас быть на его месте. Две автоматические пушки и два пулемета. Практически в упор. Бр-р-р! Тут выживших точно не будет.

Одновременно краем глаза подмечаю пулеметные трассы, вырвавшиеся справа из-за моей спины и воткнувшиеся прямо во второй «Эмиль». Это не я. Это мой ведомый работает. Тоже не зевает. Хорошая у парня реакция. И глазомер. Вон как кучно попал. От этого немецкого истребителя во все стороны очень красиво полетели куски обшивки. А мотор «сто девятого» сразу резко задымил. Молодец, Колин! Еще одного гада сбил.

А я тем временем проскакиваю вперед и успеваю обстрелять следующую пару истребителей противника, летящую нам навстречу. Эх, Акела промахнулся! Ну, да, да! И со мной такое случается. Промазал. Признаюсь честно. Слишком уж быстро они мимо промелькнули. Доля секунды и их нет. Хрен ты тут прицелишься как следует. В такой ситуации стреляешь уже на одних инстинктах. От бедра. Как ганфайтеры в фильмах про ковбоев. Я то хоть успел по этим скоростным нацистикам немного пострелять. А вот Колин Грей нет. Между прочим, и немцы тоже не успели по нам отстреляться. Я то думал, что сейчас мы с этими двумя «сто девятыми» на виражах схлестнемся. А они не захотели продолжать этот бой. И на большой скорости увистали вниз, разгоняясь еще сильнее. Видимо, впечатлились тем, как мы быстро сбили переднюю пару немецких истребителей. Только что их было четверо, а вдруг осталось только двое. Чем не повод задуматься о смысле жизни?

В общем, наши противники от нас сбежали. Смотрю им в след, прикидывая, а стоит ли за ними гнаться. Нет, не догоним. В пикировании «Мессершмит» Вf-109Е пошустрее будет чем наши истребители. Быстрее он скорость при этом набирает. Вот пока мы развернемся. Пока рванем вслед за этой сбежавшей парочкой германских арийцев. Они уже далеко уйдут. Нет, не догоним мы их. Только зря время и топливо потратим. Мои размышления прерывают сразу две эскадрильи британских истребителей, которые подходят к месту воздушного

сражения. Наконец-то, прибыло долгожданное подкрепление. Немцам резко становится не до нашей эскадрильи. И они начинают выходить из боя. А жаль! Жаль, что мы сейчас ушли далеко от общей воздушной свалки. И перехватить убегающие самолеты врага ну никак не успеваем. Впрочем, Литхэрт тоже не спешит бросаться в погоню. Он командует отход. Пора нам возвращаться на свой аэродром. Как это не удивительно, но мы в этом бою не понесли потери. Однако, многие самолеты 54-й эскадрильи получили повреждения. Тут уже не до боя. Доковылять бы до дома без происшествий. И Литхэрт как хороший командир это прекрасно понимает. Молча с ним соглашаюсь и разворачиваю свой «Спитфайр» курсом на нашу авиабазу. Мне тоже потребуется ремонт.

Глава 6

Охота на охотников

Ремонт моему истребителю, действительно, был нужен. Правда, все было не так страшно, как я думал. Сначала порадовал моего авиатехника новыми сбитыми немцами. Потом Макглас насчитал три пробоины в корпусе «Спитфайра». И подтвердил мои подозрения, что это по мне осколки попали, а не пули или снаряды. А также сообщил, что никаких серьезных повреждений мой самолет при этом не получил в этом бою. И ему потребуется только косметический ремонт. Заплатки на обшивку наклеить и все дела. Здесь работы минут на тридцать-сорок. Не больше. В общем, успокоил. А вот новыми пушками я остался доволен. К ним у меня нареканий не возникло. Отработали весь бой на пять баллов. Без задержек и клина. Вот так воевать можно. А то предыдущий мой «Спитфайр» уже конкретно так начал выбешивать меня. Что ни бой, так у него пушки не стреляют. А эти вот отлично стреляют. Мне понравилось.

Кстати, в этом бою не получил повреждения только самолет моего ведомого. А вот все остальные прилетели на наш аэродром с лишними дырками в обшивке. Хорошо, что никто при этом не гробанулся. Работы техникам из-за этого прибавилось. Но они не ворчали. Люди прекрасно понимали, что стоит на кону. И самоотверженно выполняли свою работу. Странно, но зачастую труд авиатехников и персонала аэродрома не так заметен на фоне ярких воздушных побед. Но без этих людей не было бы никаких побед в небе. Никакие гениальные летчики много бы не навоевали без тех, кто обеспечивал их полеты. Ремонтировал самолеты, заряжал оружие и заправлял истребители. И поддерживал их в работоспособном состоянии. Без хороших авиатехников авиация много не навоюет. А в нашей эскадрилье они были хорошими. Настоящими профессионалами своего дела. Тут я даже немного завидую англичанам. С техническими кадрами у них всегда все было в порядке. Не зря же Великобритания сейчас считается самой технически развитой страной в мире. А вот у тех же ВВС Красной Армии с авиатехниками всегда проблемы имелись. Не хватало в СССР технически грамотных людей. Я то помню, как мы с этим мучились. А вот у англичан в данный момент такой проблемы не было. Правда, и самолетов у них пока меньше чем у Советского Союза. А значит, и авиатехников для них нужно меньше. И вся фишка в том, что СССР просто не может иметь малое количество боевых самолетов. Слишком уж у него много было недружелюбных соседей. А вот у британцев до недавнего времени такой проблемы не было. Они же весь упор на свой флот делали. Вот флот у них огромный. Самый большой в мире. Пока. А армия и авиация не очень большие были. Теперь то они их начали лихорадочно укрупнять. Когда с Германией вдруг пришлось воевать глаза в глаза.

В общем, за свой истребитель я мог быть спокоен. Макглас все в лучшем виде сделает. А я пока отдохну немного после вылета. А то все эти резкие маневры и перегрузки меня вымотали. Все же даже для молодого и тренированного организма Александра Матросова они бесследно не проходят. Это только кажется, что летчиком быть легко и весело. А ведь не зря же в пилоты берут не всех, кто захочет. Отсеивают тех, кто по здоровью не проходит. А здоровье пилоту истребителя нужно очень крепкое. Физическая сила и выносливость также необходимы. У меня, слава Богу, с этим все в порядке сейчас. Но даже я устал. А день то еще не закончился. Не думаю, что это был крайний вылет на сегодня. Не даст нам командование долго рассиживаться на земле. Сейчас у британцев каждый самолет на счету. И даже наша

потрепанная эскадрилья может склонить чашу весов в пользу Королевских ВВС в этом грандиозном воздушном сражении. Но сейчас мы можем немного отдохнуть. Заслужили. Тем более, что пока не починят наши побитые «Спитфайры». Никто нас в небо не пустит.

Примерно час мне удалось покемарить. Затем сходил на обед. Еда в летной столовой как всегда была вкусной. Почему я так заиклен на еде? Так все очень просто. За все годы своей службы не всегда мне так вот везло с поварами в столовых для летного состава. Не всегда нас кормили там вкусно. Но здесь стряпня британских поваров мне очень понравилась. Очень вкусную и питательную пищу они тут готовили. И это несмотря на морскую блокаду Британии, между прочим. Тут же с продуктами начинает складываться напряженка. А я от этого кайфовал потихоньку. От вкусной еды. Вот такие маленькие радости жизни. Из них и складывается потом большое, человеческое счастье.

Как не странно, но нас отправили в следующий боевой вылет аж через четыре часа. Видимо потому, что большая часть самолетов нашей эскадрильи требовала ремонта. Я сам слышал, как Литхэрт об этом докладывал в штаб 11-й авиагруппы по телефону с нашего командного пункта. Видимо, командование учло его пожелания. К этому времени как раз все самолеты кроме одного, поврежденные в прошлом бою, смогли починить. А летчика того сильно побитого пулями «Спитфайра» пересадили на запасной истребитель. В общем, через четыре часа эскадрилья была готова к бою. О чем Литхэрт и доложил наверх. И сразу же последовал приказ на вылет.

Взлетаю с тихой грустью. Вот уж не думал, что все здесь будет таким... интенсивным. Третий вылет за день. И день еще не кончился. Хорошо, хоть отдохнуть дали нам немного. Как-то красочно описывать быт пилотов между боевыми вылетами я не хочу. Здесь разнообразия особого не наблюдается. Если бы не азарт и адреналин воздушного боя, то такая вот боевая работа была бы скучной и однообразной. Взлет-посадка, взлет-посадка. А между вылетами ожидание вылета. От рассвета до заката. Но именно, схватки не на жизнь, а на смерть. На пределе. На грани жизни и смерти. И возможность периодически дергать смерть за усы. Все это меня и примеряет с рутинной боевой будней. Такая работа подходит не всем. Тут особый склад характера нужен. Летчики-истребители — это очень необычные зверьки. Не все могут ими стать. Выделиться из общей массы. На флоте или в наземных частях люди гораздо меньше рискуют своей жизнью, чем военные пилоты. Точнее говоря, там это происходит не так часто и регулярно. Во фронтовом небе всегда опаснее чем на земле или на море. Но даже из общей массы летчиков пилоты истребителей являются самыми рискованными кадрами.

Этот боевой вылет какой-то особой оригинальностью тоже не блещет. Вылетаем на перехват очередной группы вражеских самолетов, которая движется к Кентербери. Лететь тут недалеко. Минут пять-шесть и мы на месте. Меня во всей этой ситуации радует то, что до противника далеко лететь не нужно. Он сам к нам приходит. По прибытии на место вижу, что мы не одни рванули на перехват. В воздухе мелькают британские «Харрикейны». Возможно, что они из 501-й эскадрильи, в которой служит тот самый скандальный поляк. Станислав Скальский. Тот самый, что пытался мне по физиономии наступать. И он сейчас может сидеть в одном из этих «Харрикейнов». А немцев то здесь гораздо больше чем английских истребителей. Даже с приходом нашей эскадрильи к месту боя соотношение сил не выравнивается. Врагов все равно больше чем нас. Пора бы мне уже привыкнуть к такому положению дел.

«Мессершмитты» к моменту нашего подхода все заняты дракой с «Харрикейнами». И

наш командир эскадрильи решает этим воспользоваться. Германские бомбардировщики в данный момент никто не охраняет. Будем атаковать их. На этот раз нашими противниками будут двухмоторные «Юнкерсы» Ju-88. Прэлэстно, прэлэстно! Таких летающих зверушек я еще не убивал в своей карьере воздушного аса. Нет их в моей охотничьей коллекции трофеев. А теперь будут.

Вывожу свой «Спитфайр» чуть ниже и сбоку от строя вражеских бомбовозов. Германские двухмоторные бомбардировщики летят, построившись свиньей. Прямо как немецкие рыцари-крестonosцы. Их здесь не меньше четырех девяток Ju-88. Солидная такая кучка самолетиков, летит, оцетинившись пулеметами оборонительных турелей. Трудная мишень, однако. И очень опасная, между прочим, для атакующих ее. Для неопытных летчиков-истребителей. Тут вполне можно нарваться на очередь воздушного стрелка. Если не знать сектора обстрелов у этих «Юнкерсов», то можно очень серьезно пострадать. Но я то как раз их знаю. Я к таким вопросам отношусь вдумчиво и всегда внимательно изучаю авиационную технику возможных противников. И немецким самолетам я отдавал наибольшее внимание. Я уже несколько лет готовился к противостоянию с Люфтваффе. Правда, считал, что это произойдет на западной границе СССР. Подумаешь! Немного ошибся с географией. Это мне не мешает сейчас. Немецкую летающую технику я знаю на отлично. И прекрасно осведомлен, что на «восемьдесят восьмой» лучше заходить снизу и слева. Тут у них турелей нет. Кстати, об этом же я Литхэрта тоже предупреждаю. А то вон в прошлом бою его парни нахватали пуль от воздушных стрелков «Штук». Хорошо, что при этом никто не погиб из них. Но их «Спитфайры» потом пришлось чинить.

Вражеские бомберы быстро растут в прицеле. Выбираю себе того, кто станет моей первой жертвой в этом бою. Этот летит ближе к голове и на левом фланге вражеского строя. Идеальная мишень. Огонь начинаю открывать метров с четырехсот. Ближе лучше не подходить. Чтобы не отхватить звездюлей от воздушных стрелков ведущего «Юнкерса». Ах, как хороши эти пушечки! Из пулеметов я бы с такого расстояния этот бомбер даже и не поцарапал. А из пушек можно и издали пострелять. Если умеючи. А я умею. В быстрый и маневренный истребитель я бы даже и не стал пробовать попасть с такого расстояния. Поближе бы подошел, чтобы бить наверняка. А по большому, неуклюжему, двухмоторному бомбардировщику стрелять можно. Это очень удобная цель. Летит по прямой и особо не маневрирует. С довольно небольшой скоростью. Хотя Ju-88 по скорости и превосходит He-111 или «Штуку». Но в сравнении с моим «Спитфайром» он похож на черепаху.

Нажимаю на гашетку и с удовлетворением наблюдаю как дымные трассы впиваются в пилотскую кабину и утыкаются в гондолу левого мотора вражеского бомбовоза, которая частично закрывает носовую часть «Юнкерса». Хорошо попал. Мотор вспыхивает ярким пламенем и начинает стремительно разгораться. Германский бомбардировщик неожиданно резко заваливается в глубокое пике. Этот все! Отлетелся дракон картонный. Кстати, из него выпрыгнули только два парашютиста. Скорее всего — это были воздушные стрелки. А вот пилотов было не видно. Видимо, я их все же поубивал, попав по кабине. Она же у «восемьдесят восьмого» довольно большая с обширным остеклением. И тут немцам даже частичное прикрытие гондолой двигателя, ощутимо так выступавшей вперед от передней кромки крыла, не помогло. И хотя у этих «Юнкерсов» даже тоненькая броня имеется в районе кабины летчиков. Однако, она хороша лишь против слабеньких пулеметов винтовочного калибра и осколков зенитных снарядов. А вот от 20-мм снарядов моих авиапушек не спасает. Они ее легко пробивают как картон. Попутно еще и мотор на левом

крыле разнесли вдребезги. Хорошее попадание. Я собой доволен.

А ближе нам лезть не рекомендуется. Резким рывком заваливаю свой истребитель в левый вираж, уводя его подальше от огненных трасс вражеских воздушных стрелков. Выполняю маневр, замыкая вираж и выхожу уже ближе к хвосту «воздушной свиньи». Шикарно! Прямо передо мной маячит в прицеле еще один Ju-88. Замыкающий вражеский строй. При подходе к нему ныряю ниже. Так чтобы его массивная двухмоторная туша закрывала меня от оборонительных турелей «Юнкерсов», идущих впереди него. Вот так. Теперь они меня не видят. Как и стрелок верхней турели этого немецкого бомбардировщика. А вот нижний видит. И даже пытается стрелять. Правда, с такого расстояния отчаянно мажет. Для его пулемета это далекоовато. Но мы не будем рисковать. И я поднимаю свой «Спитфайр» чуть-чуть выше. Чтобы спрятаться за хвостовым опереньем этого бомбера. Трассирующие пули из немецкого пулемета проносятся ниже моего самолета. Странно. Этот фашистик уже меня потерял из виду. А стрельбу не прекращает. Впрочем, пора заканчивать этот цирк. Мои пальцы тянутся к гашеткам, чтобы послать в сторону германского бомбовоза смертоносные трассы. Но не успевают этого сделать. Внезапно прямо перед моим истребителем в воздухе вспухают дымные облачка зенитных разрывов. Что? По мне стреляют?

Чертыхаясь, инстинктивно ухожу в низкий-левый вираж, стараясь выжать из мотора своего «Спитфайра» как можно больше скорости. В эфире раздается громкая ругань нашего командира эскадрильи. И это меня сильно удивляет. Ведь за все время я от Литхэрта не слышал ни одного бранного слова. Он всегда старался вести себя корректно и вежливо. Как офицер и джентльмен. Вообще-то, в британских ВВС офицеры стараются матерно не выражаться. Есть у британцев такой бзик. Это я привык к неофициальному-командному языку красной армии. Где без матов командиры редко обходятся. Даже советские генералы и маршалы этим грешат. Особенно во время боя. А вот у британцев все не так. Они все же стараются соблюдать внешние приличия. Нет, рядовые и сержанты. Те охотно ругаются вслух по всякому поводу. Я много раз это слышал здесь. Особенно, когда какой-нибудь британский авиатехник роняет себе на ногу тяжелую железяку. А вот офицеры стараются себя сдерживать. Вот такой разный у англичан с русскими менталитет. Вот и наш командир никогда себе не позволял ругаться вслух. А сейчас он это делает не хуже портовых грузчиков. Бросив взгляд по сторонам, я понял причину командирского гнева. Один из «Спитфайров» нашей эскадрильи несется к земле огненным болидом. Не повезло ему. Попал под разрыв зенитного снаряда. Британские зенитчики очень не вовремя открыли огонь по немецким бомбардировщикам, приближающимся к Кентербери. Слушая, как Литхэрт костерит на все лады этих идиотов, я с ним согласился по всем пунктам. Эти придурки там внизу открыли огонь, прекрасно видя, что наши истребители находятся в зоне огня их зенитных орудий. И в итоге попали в одного из наших. Ну не козлы ли? На военном языке — это безобразие называется «дружественный огонь». За такое надо уши на ходу отстреливать из моего наградного «Маузера»! Тут и так тяжело воевать со всеми этими многочисленными противниками. А еще и наши зенитчики нам же потерь добавили.

Наконец, вдоволь наругавшись, Литхэрт приказывает нам не соваться к бомбардировщикам противника. А я и сам не хочу это делать. Соваться под огонь своих же зениток. Ага! Ищите дураков в другом месте! Так, а что там у нас с вражескими истребителями? А ничего. Пока мы здесь ковырялись с «Юнкерсами», «сто девятые» уже вышли из боя с «Харрикейнами». И теперь благополучно удирают прочь. И нам их уже не

догнать. Далеко ушли, заразы нацистские. Литхэрт это тоже понял и командует отход. Тут я с ним согласен. Лезть сейчас к немецким бомбардировщикам мне совсем не хочется. Зенитки то там в той стороне все еще постреливают. Ну их нафиг. Еще собьют меня по дурусти? Свои же балбесы. Пускай, они сами с противником там разбираются в этом своем Кентербери.

Глава 7

Драка с летающими эсминцами

Возвращение на аэродром было довольно печальным. Наша эскадрилья потеряла еще одного летчика и его истребитель. Но если честно, то я этого пилота плохо знал. Только имя вспомнил. Пол. А вот фамилии так и не смог припомнить. Я же тут воюю не так давно. И из всех своих сослуживцев неплохо пока знаю только Джеймса Литхэрта и Колина Грея. А с остальными пилотами так много не общался, чтобы узнавать их по фамилиям. Тем более, что сейчас нас не так уж и много осталось. Всего шесть человек летного состава из всей 54-й эскадрильи. Половину эскадрильи потеряли, однако. В общем, я этого Пола так и не смог узнать получше. Слишком уж быстро он погиб.

По приземлении в Хорнчерче я увидел три довольно интересных самолета. Сначала я их принял за «Харрикейны». По силуэту они издали были очень похожи. И еще тогда подумал, что к нам опять кто-то из 501-й эскадрильи залетел на огонек. Но подойдя ближе, понял, что это что-то другое. Довольно необычное и очень экзотичное. Проходивший рядом авиатехник любезно подсказал, как это чудо британского военпрома называется. Итак, познакомьтесь. Болтон-Пол «Дифайент» был наиболее необычным истребителем этого периода. Яркое воплощение концепции «турельного истребителя», все оружие которого сосредоточено в стрелковой башне с силовым приводом. Объясню. Чтобы вы хорошо представляли, что это такое. Берется одномоторный истребитель без стандартного вооружения, стреляющего вперед по курсу полета. За кабиной пилота устанавливается поворотная стрелковая башня с тяжелого бомбардировщика с четырьмя пулеметами «Браунинг» винтовочного калибра. Если в обычных двухместных истребителях бортстрелок выполняет вспомогательную функцию, прикрывая самолет с задней полусферы. А бой ведет пилот, используя вооружение, направленное вперед. То на «турельном истребителе» основную работу по уничтожению вражеских самолетов делает бортстрелок стрелковой башни. А вот задача пилота состоит лишь в том, чтобы вывести данный истребитель на позицию, удобную для применения оружия турели. Да, да! Практиковались тут и такие извращения в британской авиации. Я об этих «Дифайентах» тоже слышал, а вот в живую их до этого момента не видел. Для меня это был забавный курьез. На самом деле таких вот необычных проектов военной мысли хватает не только в Англии. Вон в том же СССР разные сумасшедшие изобретатели даже летающие танки предлагали внедрить. Нет, не знакомый всем Ил-2, а настоящий такой танк, только с крыльями. Хорошо, что советское руководство эту бредовую идею отвергло. Мне об этом приколе авиаконструктор Поликарпов в свое время рассказывал. И таких фантастических и придурковатых проектов было очень много. Но большая часть из них так и оставалась на бумаге. И дальше бредовых рассуждений дело не шло. Но здесь. В прагматичной Великобритании один из таких нелепых самолетиков обрел реальное воплощение в металле и пластике. Как и почему это произошло, я не знаю. Ведь любому здравомыслящему военному человеку ясно, что данная концепция «турельного истребителя» насквозь порочна и ошибочна. Ну ладно. Хотите вы иметь двухместный истребитель с поворотной стрелковой башней, которая значительно так прибавляет весу планеру. Что в свою очередь снижает скорость и маневренность данного самолета. В принципе, такое можно понять. С трудом, но можно увидеть в этом логику. В других странах тяжелые двухместные истребители тоже были. Тяжелые и неповоротливые. Обычно, в двама

моторами и задней турелью бортстрелка за кабиной пилота. Вот только зачем у этого «Дифайента» надо было убирать курсовое вооружение? Зачем, делать так, чтобы он не мог стрелять вперед? Бред какой-то. Такого выверта конструкторской мысли я как летчик-истребитель понять никогда не смогу.

В Советском Союзе тем, кто это придумал, за такие нелепые художества могли легко прилепить титул «вредителя» или «врага народа». И отправить по этапу валить лес куда-нибудь за полярный круг лет на десять-пятнадцать. А то и вообще расстреляли. И тут я, как мне бы были ни противны все эти сталинские репрессии, абсолютно был бы согласен с советскими карательными органами. Нет. Я не люблю НКВД, но я не идиот. И прекрасно понимаю, что они там не только невинных людей пытаются, но и арестовывают реальных врагов государства. И борется эта несимпатичная мне организация не только с простыми обывателями, но и с настоящими предателями, вредителями, шпионами и преступниками. Каких в СССР тоже хватает. С врагами нужно бороться. Другое дело, как вы это делаете? «Лес рубят — щепки летят!» Мне такая поговорка в отношении этих репрессий совсем не нравилась в применении к методам работы НКВД. Никогда ее не понимал и не приму. Ведь там речь идет о судьбах людей. Я максималист и считаю, что свою работу надо делать правильно и добросовестно. Не заниматься подтасовками фактов и очковтирательством. Сотрудник НКВД или других карательных органов должен быть честным, принципиальным и, главное, законопослушным. А если он не соблюдает закон, фабрикует уголовные дела, клеветает на подозреваемых, выбивает из них надуманные показания. То он не достоин, чтобы служить и защищать общество. Он позорит свою организацию. И должен быть изгнан из ее рядов. Только так, а не иначе. Может быть, это и наивно звучит. Но я считаю себя профессионалом. И хочу, чтобы все остальные ими были. Каждый в своей области. Ох, как бы на меня после этого набросились все эти «уря-пэтриоты» России там в двадцать первом веке. Там же дураков то хватало. Какой бы они вой подняли в соцсетях, если бы я высказал там такие «непатриотические» взгляды на методы работы НКВД времен товарища Сталина. Так вот! Напомню вам, что я согласился бы даже с сотрудниками НКВД, если бы они арестовали тех, кто пропустил бы в серию что-то вроде этого нелепого Болтон-Пола «Дифайента». Создатели подобных «авиакурьезов» точно являются вредителями и саботажниками. Но ладно сумасшедшие изобретатели. С ними то как раз все понятно. Они же, судя по таким вот экзотическим техническим решениям, в процессе изобретательства нечто особенное курят и нюхают. Творческие люди, однако. М-да! Меня больше интересуют те военные чиновники британских вооруженных сил, что пропустили такое летающее убожество в войска. Тут же на лицо бесполезная трата государственных средств и ресурсов. Чистой воды саботаж и вредительство. Как англичане такое допустили? Хотя. Я же сейчас нахожусь в так называемом «демократическом государстве». А у них тут коррупция цветет и пахнет во всю ширь. Скорее всего, кому-то в приемной комиссии дали на лапу. И они приняли на вооружение Королевских ВВС этот убогий самолетик. Вот как-то так! Кто-то наживается, а кому-то потом придется за это жизнями заплатить. Простые британские пилоты и заплатят за все. С процентами. Удивляюсь я выдержке английских летчиков. Я бы ни за что в кабину подобного чуда враждебной техники ни сел. Это же издевательство убогое какое-то, а не истребитель. И как на таком пепелаце можно с «Мессерами» бороться?

Кстати, мое любопытство почти сразу же и было удовлетворено. По части, как на «Дифайентах» летается и воюется? Проходя мимо, услышал знакомый голос Колина Грея. Который сейчас стоял рядом с этими «турельными истребителями» и общался с двумя

незнакомыми пилотами. Вот он меня увидел и позвал. Подхожу. Мой ведомый меня представляет. Его собеседники переглядываются и тоже называют свои имена. Джон Орсон и Грэгори Пайет из 264-й эскадрильи. Оказывается, летают вот на этих самых «Дифайентах», которые меня так позабавили сейчас. Мы разговорились. Колин с гордостью похвастался, что я за эти два дня успел сбить аж тринадцать вражеских самолетов. И свои воздушные победы в паре со мной тоже не забыл приплюсовать. Это ребят впечатлило до крайности. Они теперь на нас стали смотреть как подростки на рок-звезд. С каким-то особым благоговением. Хотя для меня они и есть подростки. Совсем еще безусые юнцы. Которые только недавно закончили летную школу по ускоренному курсу.

Ну, вот. А я то думал, что это только в СССР будут проводить ускоренное обучение летчиков. Когда Германия нападет на Советский Союз. И ВВС РККА понесут громадные потери. Но оказывается, что и у британцев что-то подобное тоже было. Они вон тоже своих недоучившихся пилотов уже в бой кидают пачками. Довоенных то летчиков в этих боях выбивают потихоньку. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. М-да! Жалко мне этих парней стало. Их же буквально на убой кинули, посадив в кабины таких вот убогих самолетиков. Я поинтересовался скоростью и маневренностью «Дифайентов». Эх, все как я и предполагал. Из-за лишнего веса в виде массивной стрелковой башни этот британский истребитель уступает в скорости даже устаревшему «Харрикейну». Да и маневренностью он тоже не сильно удивляет. В общем, дерьмо, а не истребитель! Что эти двое пилотов тут же и подтвердили, рассказав, как их эскадрилья в сегодняшнем бою со «сто девятыми» потеряла сразу пять машин. Не сбив при этом ни одного «Мессершмитта». Немцы их как уток в тире расстреливали. Что и требовалось доказать! Вот спрашивается — какого лешего англичане возятся с этими «турельными» уродцами? Почему не оснащают 264-ю эскадрилью нормальными истребителями? Самолеты же лишние у Королевских ВВС есть. Вон у нас в ангаре еще парочка стоит. В запасе. Бред какой-то тут творится, а не нормальная война. Я то думал, что только в советских ВВС такого бардака хватает. Оказывается, что и у британцев этого добра навалом.

Еще немного пообщавшись с ребятами из 264-й, двигаю в казарму. Что-то я устал чуток. Надо передохнуть. А неугомонный Колин Грей остался болтать дальше. Захожу в свою комнату и падаю на кровать. Прямо так не раздеваясь. Столько вылетов за один день я уже давно не совершал. Не привык еще организм к таким нагрузкам. Не втянулся в боевой ритм. Надо немного поспать. Закрываю глаза и мгновенно отрубаясь, проваливаясь в царство сна.

Ар-р-р! Вроде бы только глаза закрыл, а уже целый час прошел. И кто-то меня тормошит. Довольно деликатно. Открываю глаза. Капрал. Молодой, тощий и лопоухий. Вызывают. Новый боевой вылет. Уф! Не дадут полежать спокойно. Громко зевая как голодный лев, быстро встаю с кровати. Пора идти на войну, однако! Выбегаю из казармы, поправляя на ходу свой спасательный, надувной жилет желтого цвета. Эту деталь экипировки мне вместе с формой выдали. У британских пилотов форма темно-синего цвета. Довольно стильная и удобная. Чем-то похожа на старую летную форму советских авиаторов. Те тоже похожий френч и брюки носили когда-то. С белой рубашкой и галстуком. Это сейчас красных летчиков стали в убогие гимнастерки одевать с придурковатыми галифе. Которые мне никогда не нравились.

Так, так. И что на этот раз? Зачем меня разбудили? Вылетаем на перехват вшестером. Нас наводят на относительно небольшую группу вражеских самолетов. Летим им навстречу над морем. Не очень далеко. Вот они голуби картонные. И кто это такой смелый летит?

Издали я сначала принял эти двухмоторные самолеты за немецкие средние бомбардировщики «Дорнье» Do-17. Но подлетев поближе, понял, что это не «Дорнье». Это что-то более мелкое. «Мессершмитт» Bf-110. Вот что это такое. Немцы этот двухмоторный, тяжелый истребитель пафосно называют «летающим эсминцем» или «цершперером». А англичане «эскортным истребителем». Данный германский самолет разрабатывался для сопровождения дальних бомбардировщиков и имеет большую дальность полета чем одномоторный «Мессершмитт» Bf-109. А спутал я эти двухмоторные истребители с бомбардировщиками «Дорнье» из-за похожего двухкилевого, разнесенного оперения хвоста. На этих самолетах хвосты очень похожие. Особенно издали. Впрочем, мне это простительно. Я же эти немецкие самолеты вживую еще не видел. А только на картинке в техническом справочнике.

Странно, но сейчас врагов не так уж и много, как это обычно бывает в небе Британии. Отчетливо наблюдаю только десять Bf-110. Маловато их как-то. Такая маленькая группа самолетов противника нам здесь еще не встречалась. «Джерри» предпочитают летать на бомбежку Британии большими стадами. Прямо подозрительно. Вражеские самолеты идут довольно низко. Всего в пятистах метрах от поверхности моря. Обычно, немцы здесь летают повыше. А эти вон почему-то так низко опустились. Может быть, думали, что их не заметят на фоне моря? Впрочем, мне пофиг. Так даже лучше будет. Мы то сейчас на двух тысячах идем. И будем атаковать сверху. Так как я люблю. Слушая указания нашего командира, понимаю, что он уже сталкивался с подобными противниками. Литхэрт предупреждает нас, что в лоб на эти двухмоторные немецкие истребители лучше не переть. Там у них стоит очень мощное вооружение. Две автоматические пушки и четыре пулемета. А сзади находится турель бортстрелка, которая может подстрелить того, кто захочет зайти в хвост «сто десятого». Поэтому лучше здесь атаковать с боковых ракурсов. Или снизу. В принципе, я это и так знаю. И как раз хочу атаковать головной «цершперер» с левой полусферы. Вот только сделать это не так уж и просто. Это вам не неповоротливый бомбер атаковать, который обычно не очень быстро летает по прямой без всяких хитрых маневров. «Мессеры» нас тоже заметили и начинают реагировать. Пытаются встать в круг, чтобы прикрывать друг друга на вираже. Хм! Первый раз такую тактику вижу. И она мне совсем не нравится. Здесь если сунешься к какому-нибудь «цершпереру», не подумав, то можешь отхватить горячих огурцов от его соседей. Поэтому, мы спешить не будем. Резво ухажу в сторону и присматриваюсь.

Надо понять, как безопасно атаковать такое оборонительное построение самолетов противника. М-да! А наши то соратники решили ударить с ходу. Без особых затей. Четыре «Спитфайра» 54-й эскадрильи пытаются ужалить в бок один из немецких двухмоторников. Ой, зря они так! Вот, что и требовалось доказать. Bf-110, летящий на вираже следом за ним, тут же огрызается из всех стволов курсового вооружения. Впечатляющий сноп огня тянется в сторону британских истребителей, которые тут же прыскают в стороны. Вроде бы, немец ни в кого не попал? Зато отогнал англичан довольно качественно. Вот так вот они и воюют. Каждый «цершперер», летая по кругу, прикрывает хвост и бок впереди летящего самолета. Сверху их тоже не возьмешь. Там турели воздушных стрелков держат всю верхнюю полусферу. А если снизу попробовать? Пожалуй, мы с Колином Греем так и сделаем. Отдаю команду своему ведомому и ныряю вниз. Пикируем с ним к самой поверхности моря и несемся с вражеской воздушной карусели. Опа-на! А ведь эти то «сто десятые» заряжены по самые гланды. Под брюхом каждого из них висят по две бомбы. А я то думал, почему они тут

без бомбардировщиков летают. А все просто. Немцы решили на этот раз использовать «церштереры» не как истребители, а как истребители-бомбардировщики. Так они сразу двух зайцев убьют. Данные «Мессершмитты» Vf-110 могут проштурмовать или разбомбить какой-нибудь объект англичан. И эскорт из истребителей им не нужен. Они ведь и сами являются тяжелыми истребителями. В принципе, такую логику командования Люфтваффе понять можно. «Церштереры» могут легко отбиться от каких-нибудь «Харрикейнов» или «Дифайентов». Но вот здесь у германских арийцев промашка вышла. В данный момент те они встретились с нашими «Спитфайрами», которые их значительно превосходят по скорости, скороподъемности и маневренности. И я сейчас это докажу. Ручку на себя и мой истребитель делает резвую горку, выходя прямо под брюхо одного из «сто десятых». Короткая очередь из всех стволов и вражеский истребитель моментально вспыхивает. Видимо, я попал в топливные баки. И хотя они у Vf-110 протектированные, но эта защита эффективна только против осколков и пулеметов винтовочного калибра. А против моих двадцатимиллиметровых снарядов она не спасает.

Мой ведомый тоже успевает обстрелять идущего следующим «церштерера». И даже попадает, но не так фатально, как я. Я как раз припомнил, что в техническом справочнике про «Мессершмитт» Vf-110 написано было. Там есть данные про бронезащиту экипажа и важных узлов этого двухмоторного истребителя нацистов. Вот сейчас я и увидел, что это не туфта. Колин Грей попал в цель. Вот только броню «сто десятого» пробить не смог. Пули из его пулеметов бессильно рикошетили от нее. Это, конечно, не Ил-2, но тоже неплохо. Для истребителя. М-да! Такую броньку винтовочным калибром если и пробьешь, то только стреляя в упор. А это форменное самоубийство в данной ситуации. Извини Колин, но так близко мы подходить не станем. Это не наш метод. Энергичным виражом ухожу в сторону, чтобы не подставиться под огонь одного из «церштереров», который решил нас пугануть, опустив свой нос и шмальнув из всех стволов. Но свою черную работу мы все же сделали. Немцы начинают сбрасывать бомбы прямо в воду. Ой, сколько же они там сейчас рыбы наглушат? Браконьеры летучие! В общем, мы их тоже напугали не по-детски. Одного «сто десятого» сбили, а другому краску испортили, вызвав вал панических воплей в эфире на волне Люфтваффе. Вот у них нервы и не выдержали. Хотя эти немецкие пилоты сейчас действуют строго по инструкции. Избавляются от лишнего груза, чтобы повысить маневренность и скорость своих самолетов. Они им сейчас очень нужны в бою с такими ловкими и быстрыми противниками как британские «Спитфайры».

Отлетаю подальше и разворачиваюсь. Ни один немец за мною даже не дернулся. Хорошая у них там дисциплина, однако. Все «церштереры» так и продолжают крутиться в воздухе по кругу друг за дружкой. А Литхэрт то все видел. Видел, как мы с Колином атаковали немчуру. Молодец, командир. Хорошо соображает. Быстро. Вот он уже приказывает всем идти в атаку как я. То есть снизу попытаться куснуть «сто десятых». Подсказываю ему идею, чтобы кто-то сверху имитировал атаку на строй «церштереров». Типа, пугал их, но только издали. Не подставляясь под их пушки. В общем, отвлекал внимание арийских пилотов и бортстрелков. А мы тем временем опять снизу пойдём. Кстати, подстреленный мною «сто десятый» уже нырнул в море. Выпрыгнуть из него никто не успел. Низковато здесь для парашюта. Похоже, что комэск мою идею понял. Слышу, как он отдает команду ведущему другой пары изобразить атаку сверху на немецкие самолеты.

Наша задумка сработала на отлично. Немцы повелись на отвлекающую пару «Спитфайров», якобы атакующих их сверху. Те специально вели огонь издалика, нервирова

немецких пилотов. Немцы очень не любят, когда их обстреливают. Впрочем, никто этого не любит. Значит, внимание летчиков и бортстрелков противника отвлечь удалось. После чего мы их и атаковали. С нижней полусферы. С двух сторон одновременно, сходясь на параллельных курсах. В советских ВВС такой прием называется «клещи». Вот я с Литхэртом им вчера и поделился, когда мы беседовали о тактике воздушного боя и моем боевом опыте. Англичанам же сейчас до всего приходится доходить прямо в бою. Методом научного тыка. Вот я немного и просветил британских коллег. А что тут такого? Это же ради дела. Мы же сейчас на одной стороне воюем.

Мой урок пришелся впрок, и Литхэрт со своим ведомым довольно уверенно зашел в атаку на вражескую карусель. С противоположной от нас стороны. Я тоже снизу пытаюсь укунуть в брюхо один из «сто десятых». Как ни странно, но и сейчас этот прием сработал очень хорошо. Подлет на низкой высоте, буквально касаясь волн. Потом энергичная горка и вот очередной «Мессершмитт» Vf-110 у меня в прицеле. Смачная очередь из всех стволов и этот тоже загорелся. Правда, не так ярко, как первый. Но ему и этого хватило, чтобы свалиться на крыло и почти отвесно упасть вниз. Прямо в воду. Выживших не было! Мой ведомый опять не протормозил и успел пройти своими пулеметами по другому двухмоторному «Мессеру». И в этот раз более удачно. Что-то он там повредил этому немцу в правом моторе. Мотор встал и за ним потянулась тонкая, дымная полоса. Этот поврежденный Колином «цершгерер» начал вываливаться из строя своих коллег. Скорость его резко упала. Один то мотор такую тяжелую тушу мог тащить с большим трудом. Уходя в сторону от вражеского строя, я услышал радостный возглас Литхэрта. Наш командир только что тоже кого-то сбил. Правда, он тут же сообщил, что его истребитель тоже поврежден ответным огнем. И он уходит на базу. Бросаю встревоженный взгляд и вижу, что за «Спитфайром» нашего комэска тянется дымная полоса. Пока не горит и слава Богу. Надеюсь, что он сможет дотянуть до аэродрома. Не хотелось бы мне потерять Литхэрта. Я к нему за эти дни уже успел привязаться. Нормальный у нас командир. Правильный. И пилот хороший. Кстати, уходя домой, командир назначил меня главным. Теперь в этом бою командовать буду я. Не только своим ведомым. Но и оставшейся парой наших истребителей. Во как! Расту. Постараюсь оправдать доверие Литхэрта. С комэском улетел и его ведомый. В принципе, правильное решение. Самолет нашего командира поврежден. И станет легкой мишенью, если наткнется даже на одиночный истребитель противника. А ведомый его и должен прикрыть, если вдруг что-то подобное произойдет.

А мы и вчетвером справимся. Немецких самолетов здесь и сейчас осталось уже семь. Уже троих мы отправили на дно моря. И теперь пора заняться тем, которого подранил Колин Грей. Этот «цершгерер» уже вывалился из строя и теперь летит, опускаясь все ниже и ниже к барашкам волн. Идет на одном моторе. Второй то уже умер и всю дымит. Приказываю второй паре наших «Спитфайров» отойти в сторону и пока не лезть к противнику. Сейчас мы добьем подранка, а потом займемся остальными драконами Люфтваффе. Никуда они от нас не денутся. Скорость у них не та. Мы быстрее будем.

Итак, атакуем поврежденного «сто десятого». Колин его уже подранил раньше. Вот пусть и добивает. Так ему об этом и сообщая, пропускаю его истребитель вперед. И подсказывая по ходу пьесы. Нет, прямиком к противнику мы бросаться не будем. Так можно попасть под огонь пулемета его бортстрелка. Он как раз может назад стрелять. А мы пойдем другим путем. По дуге заходим на вражеский самолет с левой стороны. Там у него как раз мотор пока работает. И нам надо исправить это досадное недоразумение. А Колин молодец.

Послушный мальчик. Хорошо он слушает мои советы. Идеально вышел на цель. Как я и планировал. И под огонь немецкого бортстрелка не подставился. Хотя пилот этого Vf-110 и пытался маневрировать так, чтобы задняя турель могла по нам вести огонь. Но только вот маневренность у него с одним мотором была никакая. И мы все эти потуги успешно парировали. Колин Грей под моим чутким руководством приблизился к немцу с левой стороны. Специально подойдя поближе. Чтобы его пулеметы смогли пробить броню. А потом отстрелялся как в тире. И попал. Очень хорошо попал, между прочим. Второй мотор благополучно сдох, и «цершгерер» рухнул в морскую пучину. К этому моменту он и так летел совсем низко. Поэтому падать ему пришлось не очень долго. Три секунды и из воды торчит только его сдвоенный хвост, который тут же накрывает большая волна. Чистая победа! С чем я своего ведомого и поздравил. А потом занял место впереди нашей пары.

Внезапно подал голос Денис Кроули-Миллинг. Это ведущий второй пары, которому я приказал пока не лезть к противнику. Он возбужденно докладывает, что враги бегут. Оглядываюсь по сторонам. Так, так! Немчура бросила летать по кругу. И теперь все шесть оставшихся «сто десятых» пытаются удрать от нас. Правда, их строй сейчас распался. Впереди летят над самой водой сразу четыре «цершгерера» Они идут на максимальной для них скорости очень низко. Почти касаясь волн. Видимо, учли прежние ошибки. И теперь не хотят, чтобы их атаковали снизу. В принципе, правильно решили. Снизу мы их сейчас не достанем. Слишком низко. Так можно легко зацепить крылом волну. Но мое внимание привлекает другая пара Vf-110. Эти летят так же низко. Но не так быстро. И постепенно отстают от той четверки.

Вот это и будет наша цель. Видимо, эта парочка немецких тяжелых истребителей получила повреждения. И не может поддерживать большую скорость из-за этого. Потому соратники их и бросили на съедение. И мы сейчас этим воспользуемся. Добьем оставших врагов. Надо, чтобы ни одна нацистская тварь не ушла отсюда. Быстро прикидываю диспозицию и начинаю отдавать приказы. Раз снизу атаковать нельзя, то будем бить сбоку. Мы заходим в атаку слева, а вторая пара наших истребителей пойдет справа. С интервалами во времени. Чтобы не подстрелить друг друга и не столкнуться в воздухе. Немцы прекрасно видят, что мы делаем. И пытаются нам помешать. Отчаянно маневрируют. Хотят развернуться к нам носом или хвостом, чтобы открыть по нам огонь. Но я не допускаю этого. Маневренность у наших «Спитфайров» на такой низкой высоте гораздо круче чем у этих неуклюжих двухмоторных германских монстров. И мы этим всю пользуемся. Мы можем поворачиваться гораздо быстрее чем немцы. И мы это делаем. Наконец, я приблизился настолько, чтобы открыть огонь из своих пушек. Атакую, как и хотел с бокового ракурса. Есть контакт. «Цершгереры» со всеми этими поворотами в разные стороны совсем потеряли скорость. И это становится фатальным для одного из них. Мои пушки уверенно рвут его на части. Вот в сторону полетела треть крыла. Вспыхнул мотор. А потом «сто десятый» сваливается в штопор и падает в море. При потере скорости любой самолет может быстро уйти в штопор. Это очень неприятная ситуация для любого летчика. И смертельно опасная. Если не вывести самолет из штопора, то можно погибнуть, врезавшись в землю. И этот тяжелый истребитель Третьего Рейха уже и так был близок к сваливанию в штопор. Он же почти потерял скорость. А тут еще и я отвесил ему такой смачный пинок своими пушками. Итог закономерен. Как там говорилось в одной пьесе, которую я смотрел как-то давно? «И холодная вода поглотила его!» Вот это можно сказать и про данный «Мессершмитт» Vf-110. Хорошо занырнул, однако. Красиво. Брызг было много.

Его ведомый, увидев гибель своего ведущего, задержался и начал метаться из стороны в сторону. Видимо, очень сильно испугался нацистик. Но тебя ведь сюда никто не звал? Ты сам пришел. И теперь за все ответишь. Мой ведомый тут же подтвердил мои мысли пройдясь из пулеметов вдоль борта этого вражеского истребителя. К сожалению, он его не смог сбить. Проклятая немецкая броня и долбаные слабосильные пулеметы «Браунинг», которые не могут ее пробить! А мы его добить уже не успеваем. Скорость у нас слишком большая. Быстро проносимся мимо. На какое-то мгновение попадая в сектор стрельбы задней турели бортстрелка противника. Тот стреляет. И мажет. На такой скорости по нам очень трудно попадать. Вот и этот немец не смог попасть. Но это еще не конец. Пока мы делаем круг, чтобы зайти в новую атаку. Другая пара наших «Спитфайров» наносит удар с другого бока. Оба отстрелялись по этому одиночному «цершгереру». И оба попали. Дымя мотором «сто десятый» какое-то время летит вперед, опускаясь все ниже и ниже. Наконец, одна из волн захлестывает его и переворачивает на спину. Еще одного урода упокоили! Вечным сном. Молодцы, ребята! Отлично стреляют! Так им и говорю по радиации.

Пока мы гонялись за этими двумя неудачниками, остальные немцы успели уйти довольно далеко. Их расчет оправдался полностью. Эта брошенная пара «цершгереров» нас сбила с догоняющего курса и увела сильно в сторону. Провожая глазами удаляющиеся немецкие самолеты, прикидывая, что делать дальше. Ох, что-то мне совсем не хочется их преследовать. Если мы их и догоним, то вдали от английского берега. А драться над открытым морем я не хочу. Тут то в прибрежной зоне если тебя собьют, и ты упадешь в воду. То тебя с большой вероятностью спасет какой-нибудь британский корабль. Да, вот хотя бы тот сторожевик, который я сейчас вижу. Он уже мчится сюда, чтобы подобрать из воды выживших немецких пилотов и бортстрелков. Если, конечно, из них хоть кто-то там умудрился выжить. При падении самолета на воду это сделать очень трудно. Трудно выжить, врезавшись на скорости в воду. Это, конечно, не твердая земля. Но тоже мало не покажется. А с парашютом здесь никто не выпрыгивал. По крайней мере, я этого не заметил. Бой то шел на слишком низкой для таких прыжков высоте. Уж очень не хочется мне далеко улетать от этого острова. Да, и устал я сегодня. Очень сильно. Давно я так интенсивно не летал. Ладно. Хрен с ними с этими «цершгерерами». Пусть уходят. Повезло им сегодня. Сегодня я ленюсь за ними гоняться. Пора возвращаться на базу. Что-то я проголодался.

Глава 8

Размышления о победах и удаче

До нашего аэродрома добираемся без приключений. Литхэрт со своим ведомым уже здесь. Тоже нормально прилетели и приземлились. Садимся и мы. Когда мой истребитель остановился и мотор смолк, то я какое-то время просто сижу в кабине, закрыв глаза. Уф! Укатали Сивку крутые горки. Этот боевой вылет был самым тяжелым на сегодня. Усталость, которая копилась, весь день навалилась как-то неожиданно. Ну, а что вы хотите? Я же не железный терминатор, а живой человек. Это всякие виртуальные попаданцы в разных книгах могут днями на пролет без отдыха и сна воевать с врагами. А я вот не такой. Мне отдых нужен.

— Сэр, с вами все в порядке? — громко интересуется Джон Макглас, заглянувший в кабину моего самолета и открывший ее фонарь.

— Что? — говорю я, глянув на озабоченное лицо своего авиатехника. — Все нормально, Джон. Все нормально. Устал немного.

— Точно, все в порядке, сэр? — еще раз спрашивает Макглас, оглядывая меня со всех сторон. — Вас не ранило? Давайте, я помогу вам выбраться.

— Да, в порядке я, в порядке! — отмахиваюсь я, начиная вылезать из кабины «Спитфайра».

— А скольких на этот раз вы «колбасников» сбили, сэр? — спрашивает Джон, все же помогая мне.

Спрыгиваю с крыла на траву и молча показываю ему три пальца. Увидев их, мой техник широко улыбается и удивленно сообщает. Что за сегодня я умудрился сбить больше чем вчера. В четырех боевых вылетах за этот день я уничтожил аж девять вражеских самолетов. Ого! Даже для меня это очень нехилое достижение. Личный рекорд, однако! Столько самолетов противника за один день я в своей жизни еще не сбивал. Тут я сам себя превзошел. Стахановец, блин! Сначала не поверил и пересчитал. А ведь точно. В сумме девять немецких самолетиков я сегодня завалил. А у меня сейчас даже сил этому достижению удивляться или радоваться не осталось. Уф! Надо передохнуть немного. Присаживаюсь на траву прямо рядом со своим самолетом. А потом и ложусь. Надо полежать. Прийти в себя.

Минут десять я так валялся, а потом меня довольно вежливо растолкал мой предупредительный авиатехник и вручил мне кружку горячего кофе. Ум! Свеженький. Как я и люблю. А кофе у Макгласа отличный. Настоящий бразильский. Не какой-то там суррогат из жаренных желудей, который продают в Советском Союзе. Там сейчас с нормальным кофе туго. Его же в СССР не выращивают. Импортный продукт. Дефицитный. А я к нему еще и Испании приохотился. Люблю, понимаешь самый настоящий и качественный кофе. Вот сейчас мой авиатехник меня буквально вернул к жизни. Выпив кружку до дна, я почувствовал, как ко мне начинают возвращаться силы. Ох, и люблю я этот бодрящий напиток.

Вот теперь можно и двигать куда-нибудь. О вот сюда, например. Подхожу к Литхэрту, стоящему возле своего покалеченного истребителя. Докладываю. Озвучиваю количество сбитых. Командир меня поздравляет. Ожидаемо удивляется моему личному рекорду. Я бы тоже удивился на его месте. Затем он мне сообщает, что на сегодня для нашей эскадрильи

полетов не будет. И можно отдыхать. Но вечерний поход в бар никто не отменяет. Типа, традиция. В принципе, правильно. Солнце уже садится за горизонт. На авиабазу наступает летняя британская ночь. Темнеет тут быстро. Литхэрт в быстром темпе уходит на КП. Видимо, хочет оперативно доложить наверх о моем феноменальном достижении. Я бы тоже на его месте помчался о таком успехе докладывать. Это же не только моя заслуга получается. Но и всей 54-й эскадрильи. Начальство такие рекорды очень любит. А наш комэск не лишен тщеславия. И он как мой командир тоже получит свою порцию славы за мои воздушные победы. Я же как-никак их совершил под его чутким руководством. Да, и эффективность действия нашей эскадрильи будет определяться командованием, исходя из количества сбитых самолетов противника. И судя по сияющему лицу Литхэрта, я только что вывел ее в первые ряды боевого рейтинга. Я уже знаю, что здесь существует соревнование не только между пилотами, но и между эскадрильями. По части того, кто больше самолетов врага уничтожит. В общем, всем будет хорошо от того, сколько я сегодня «джерри» завалил.

Немного понаблюдав как техники латают обшивку командирского истребителя, я решаю двинуться в столовую. Моему организму одного кофе маловато будет. Есть хочу. Что-то в последнее время я стал много есть. Постоянно ощущаю голод. Возможно, это из-за всех этих переживаний? Из-за нервов? Странно. Раньше то я так не жрал. Неужели, старею? Да нет! Это я на себя наговариваю. Мое новое тело еще молодое совсем. Всего двадцать шесть биологических лет стукнуло недавно Александру Матросову. Я в этой реальности уже пять лет обитаю. Не так уж и много. А порой чувствую себя стариканом. Вот ворчать стал много. И на вкусную еду подсел. Правда, не толстею пока. Физкультурой занимаюсь. Да, и образ жизни растолстеть не дает.

В столовой как всегда еда лучше всяких похвал. Набрал себе вареной картошки с тушеным мясом с горкой. Еще салатик кукурузный с рыбой прихватил. Морс ягодный также взял. Со свежей булочкой. Сейчас много ягоды уже поспело. Самый сезон для нее начался. А я морсы люблю. Нет, и кофе тоже обожаю. Но его много пить нельзя. Особенно, на ночь. А то всю ночь спать не буду. А мне надо отдохнуть. Сегодня был очень тяжелый день.

Уф! Ну вот поели, теперь можно и поспать. Стоп! Какой спать? Надо еще в паб заскочить. Меня же там сослуживцы ждут. Опять поздравлять станут со сбитыми за сегодня. Приятно, конечно. Хорошая у англичан традиция. Мне нравится. Вот только устал я сегодня не по-детски. Как-будто весь день вагоны с цементом разгружал. Эх, сейчас бы в кровать. И спать. Но местные традиции надо уважать. Мне с этими людьми еще сколько вместе воевать придется? Значит, не стоит их обижать своим пренебрежением. Придется идти в бар. Ладно. Раньше сядешь — раньше выйдешь! Выхожу из столовой и двигаю в сторону бара «Веселый пилот». Там меня уже ждут.

Зайдя в бар, я снова услышал радостный рев моих сослуживцев. Поздравляют, понимаешь. Мои девять сбитых народу понравились. А Литхэрт еще и добавил, что я не только обновил свой дневной рекорд, но и стал самым результативным пилотом Королевских ВВС на данный момент. У меня же на счету сейчас в общей сложности имеется шестнадцать уничтоженных самолетов противника в небе над Британией. И на сегодня это самый крутой результат. Никто из британцев и их союзников пока столько не смог сбить. И это с самого начала Второй Мировой войны. А она здесь уже почти год длится. Если кто не в курсе, то эта большая война в Европе началась 1 сентября 1939 года. Когда Германия напала на Польшу. Англия и Франция вступились за поляков и влезли в эту бойню. Правда, потом они стали вести себя не совсем как честные союзники. Пока немцы давили и рвали на части

Польшу, на западном фронте царило нереальное затишье. Французы с англичанами там делали вид, что воюют с Гитлером. Но никаких боевых операций против немцев не проводили. Позднее этот позорный период Второй Мировой назовут «Странная война». В общем англичане и французики тогда думали, что смогут договориться с Гитлером и его сворой. Имитировали деятельность, а реально воевать не хотели. Все планы строили хитромудрые. Эти наивные албанцы надеялись, что Германия с ними мир заключит. Когда поляков уничтожит. Они же специально Польшу скормили германским нацистам. Подставили ее под топор, а сами рассчитывали при этом отсидеться в стороне. Но личину борцов с Мировым Злом все же на всякий случай напялили на себя.

А все из-за того, чтобы Германия после падения Польши пошла дальше на восток и напала на Советский Союз. План то у правительств этих стран был изначально такой. Да, да! Вся эта дерьмо... э... пардон демократическая Европа даже и не скрывала что выращивает из нацистской Германии эдакого боевого хомячка. Которого потом натравят на СССР. США, кстати, тоже там поучаствовали. Уж очень активно американские банкиры и промышленники поддерживали Гитлера. Они давали ему деньги и помогали восстанавливать германскую экономику, разрушенную Первой Мировой войной. В общем, западные хозяева усиленно натравливали немцев на Советскую Россию. Думали, так руками германских фашистов уничтожить мою Родину. Вот только у них промашка вышла. Гитлер то деньги взял, окреп, а затем повернулся и напал на своих благодетелей. Укусил руку, кормящую его. И Франции с Англией пришлось воевать уже не понарошку. Когда с Польшей было покончено. То немецкие войска начали активные боевые действия против Франции. В мае 1940 года они через Бельгию, Нидерланды и Люксембург вторгаются на территорию Франции. Французы от немцев такой подлянки не ожидали. И продержались совсем недолго. Уже 22 июня 1940 года они капитулируют перед Германией. Английские войска, сражавшиеся во Франции против немцев, понеся большие потери, бесславно удрали, эвакуировавшись из Дюнкерка на свой остров. В общем, все пошло совсем не так, как предполагалось хитропопыми политиками в Лондоне и Париже. И сейчас Великобритании пришлось воевать в одиночку против Германии и Италии, которая тоже вступила в эту войну на стороне Гитлера.

В общем, хоть эта война и идет уже почти целый год. Но каких-то ожесточенных воздушных боев между британскими и немецкими ВВС не было. До недавнего времени конечно. До «Битвы за Британию», которая началась не так уж давно. Поэтому и сбитых вражеских самолетов на счету британских пилотов было не очень много пока. Боевого опыта у них к этому моменту было немного. И редко кто из них мог похвастать даже десятком сбитых в воздушных боях врагов. Поэтому, я со своими шестнадцатью сбитыми вдруг оказался самым результативным асом Королевских ВВС. М-да! А я и не знал, что у них тут все так запущено. Впрочем, если мне не изменяет память, то во Второй Мировой войне британцы и их союзники особыми боевыми достижениями в фронтовом небе не будут блистать. А самое большое количество воздушных побед будет зафиксировано на стороне немцев, японцев и русских. Правда, я сильно сомневаюсь, что германские асы могли чисто физически столько самолетов побивать. Ведь их же много раз ловили на лжи и подтасовках в этих вопросах. И это не голословные обвинения, а документальные доказательства. Это когда немцы заявляли количество сбитых вражеских самолетов больше, чем по всем документам их было у противника. В общем, прославленных германских асов не раз и не два ловили на откровенной лжи. Поэтому в триста сбитых в одно рыло я не верю. Это больше на

фантазии похоже, чем на реальные факты.

Принимаю от Литхэрта уже привычную кружку с холодным пивом и присаживаюсь возле барной стойки. Бармен меня тоже поздравляет с победами. Киваю ему в ответ, а сам начинаю анализировать причину такого бешеного успеха. Я же столько самолетов за такой короткий срок никогда не сбивал. Если бы мне кто-то раньше про такое рассказал, то я бы его брехуном обозвал и не поверил, что такое вообще возможно. Однако, я сейчас становлюсь персонажем такой вот байки. Как те книжные попаданцы-нагибаторы, про которых я читал когда-то в прежней жизни. Я ведь в данный момент один в один как они. Тоже стал вот врагов пачками уничтожать. И со стороны это кажется таким легким и быстрым процессом, что можно с трудом поверить в его реальность. Уж я то прекрасно знаю, как трудно бывает сбивать вражеские крылатые машины. А тут у меня прямо все получается с ходу. У других не получается, а у меня вдруг получилось. Почему?

Тут надо рассуждать логически. Никакой мистики здесь и в помине нет. Никаких джедайских способностей, никакой магии-шмагии и прочей чертовщины. А то в тех книжках некоторые попаданцы такими убер-монстрами были. Против которых простые смертные совсем не играли. Помнится, там один пилот-попаданец был крутым виртуальным воякой из двадцать второго века. И он при помощи матерых технологий свои боевые навыки так смог развить, что обычным летчикам и не снилось. В общем, голимая фантастика чистейшей воды. А другой летчик-попаданец, вообще, был посланцем языческого бога. Угу. И тот ему своей магией помогал в бою с немецкими «Мессершмиттами». Смех, да и только! И таких забавных примеров в книжках про попаданцев было много. Но у меня же ничего такого нет. Я обычный человек. Нет у меня никаких сверхспособностей. А все мои боевые достижения происходят из: опыта, умения и долгих тренировок. Таким как я асом здесь мог стать любой обычный летчик.

Мне повезло выжить в первых своих воздушных боях. Я набрался опыта. Научился профессионально убивать без излишнего риска. Мне повезло. Как и всем тем знаменитым асам этой войны, которые потом смогут сбить пятьдесят-сто и более самолетов противника. Вот только история запомнит их, а не те тысячи пилотов, которым так не повезет. И которые будут сбиты в многочисленных воздушных боях. И погибнут неизвестными героями. Конечно, меня самого удивляет такое большое количество моих воздушных побед всего за два дня. За всю летную карьеру я столько никогда не сбивал за такой короткий промежуток времени. А тут вдруг смог это сделать. И немного подумав, я и эту странность могу объяснить чисто логически.

Конечно, везение никто не отменяет. Да, мне везет. Пока. А такое большое число уничтоженных врагов можно отнести на счет самих особенностей этого грандиозного воздушного сражения в небе над Британией. Никогда я с такими массированными и интенсивными налетами противника не сталкивался. Даже в Испании и Китае ничего подобного не наблюдалось. Чтоб так много и часто вражеские самолеты прилетали. Не было такого. Там накал борьбы в воздухе был не таким тяжелым. И если подумать, то я же все эти самолеты не за один боевой вылет сбил. А за шесть. И не думайте, что эти победы дались мне слишком легко. Устал то я очень прилично при этом. Это раньше врагов в небе приходилось долго и нудно разыскивать. И большинство вылетов проходили вхолостую. Это когда вы так и не смогли встретить в небе самолеты противника. Но в данной многодневной «Битве за Британию» врага особо искать не приходится. Немцы сами к нам прилетают. И нас на них очень профессионально и оперативно наводят с земли, благодаря радарным

станциям, опоясывающим британское побережье. А это очень большой бонус в бою. Когда ты знаешь, где находится твой противник. И не надо забывать про мой огромный боевой опыт. Я ведь уже не новичок. В многочисленных воздушных боях в разных войнах я успел стать настоящим профессионалом. Поэтому воевать в воздухе я умею очень хорошо и эффективно. Научился, однако. Да, и самолет мне достался неплохой. «Спитфайр» мне нравится. Очень перспективный истребитель. Быстрый, маневренный и с мощным вооружением. Эдакий аналог знаменитого немецкого «Мессершмитта» Вf-109. Его основного противника. Поэтому в бою враги надо мной технических преимуществ не имеют. Техника то у нас на вооружении равнозначная стоит. Тут все решают мои боевые навыки и тактическое мастерство. А они у меня очень неплохие. Успел отточить за эти пять лет, что я нахожусь в этой реальности. Вы же заметили, наверно, что я уже давно стараюсь воевать по-умному. Атаковать без ненужного риска. Бить исподтишка. Из засады. Внезапно. Когда враг меня не видит. А ринуться в атаку на вражеские пушки и там по-глупому погибнуть. Это не мой метод. Думаете, что я сразу так мог? Ага, держи карман шире! Я не похож на эпичных попаданцев. Я до всего этого доходил в многочисленных воздушных боях. Эту тактику я не сразу придумал. Как вспомню, каким неопытным и неосторожным воякой я был раньше. Так вздрогну. Вот тогда я многого не знал и не умел. И свое незнание компенсировал дурной храбростью. И от этого мог много раз погибнуть. Но мне везло. Мне везло. У меня появился шанс выжить и набраться опыта. И сейчас я вижу все свои прежние ошибки. Которых я мог избежать, если бы знал тогда то, что знаю и умею сейчас. Это все равно что сравнивать опытного бойца-снайпера, прошедшего не один бой и убившего много врагов. И неопытного новичка-новобранца. Который, вроде бы, тоже неплохо тренирован и стрелять умеет. Вот только шансов выжить в реальном бою у него гораздо меньше, чем у ветерана. Потому что теория без практики мертва.

Теперь немного о везении. Был у меня один знакомый в моей прежней жизни. Там в двадцать первом веке. Вот он одно время зарабатывал тем. Что выигрывал деньги у казино. Сильно не борзел при этом. И много не брал за один раз. Объясняя это тем, что так он не сильно нервировал службу безопасности казино. Ведь казино проигрывать по-крупному не любит. Если зарваться и начать грести там деньги лопатой, то ничем хорошим это для тебя не кончится. Тут можно легко лишиться здоровья. Да, и в другие казино тебя тоже пускать перестанут. Как мошенника и нежелательную персону. А зачем нам такой экстрим? Правильно! Не зачем! Поэтому мой приятель ходил в казино как на работу. Играл и выигрывал помаленьку. На жизнь ему хватало, в общем. Так вот. Я так профессионально играть не мог как он. Мне в казино никогда не везло. Всегда проигрывал там. Хорошо хоть вовремя остановился и не стал игроманом. А то я там таких кадров видел. Которые в азарте проигрывались в пух и прах. И пускали свою жизнь под откос. А вот мой приятель таких людей презирал. И к игре в казино он относился серьезно. Как к работе. Он туда не развлекаться ходил. А деньги зарабатывать. Он был профессионалом своего дела. Профессиональным игроком. И поэтому он проигрывал очень редко. Он всегда знал, когда нужно остановиться и закончить игру. А про везение он говорил, что если ты знаешь все правила и тонкости игры. И умеешь профессионально играть. То и везение к тебе будет приходить чаще, чем к тем лохам, которые ставят деньги на рулетке, особо не разбираясь и надеясь на слепую удачу. И проигрывают свою жизнь по-глупому. Если же ты знаешь, что надо делать. То и удача будет с тобой. Вот этот принцип я запомнил. И стараюсь ему следовать. Я прекрасно знаю, правила этой игры и что надо делать, чтобы тебе везло.

Так и не допив свое пиво, я встал, извинился и вышел из бара. Пора баиньки. Надо выспаться. Чувствую, что завтра у нас будет такой же трудный день. Немцы нас в покое не оставят.

Глава 9

О наградах и премиях

Утро 17 августа 1940 года выдалось довольно хмурым. Висевшие на небе тучки, намекали всем своим видом, что скоро может пойти дождь. Не самая лучшая погода для полетов. Но типичная для Британских островов. Может быть, поэтому немцы с самого рассвета и не стали устраивать авианалеты на Британию? Не то что вчера. Когда они с утра уже прилетели и пытались тут что-то разбомбить. Вот воспользовавшись этим невольным затишьем, к нам на авиабазу пожаловали высокопоставленные персоны. Георг под номером Шесть, бывший здесь королем Соединенного Королевства Великобритании и доминионов Британского содружества. Его сопровождал командующий Истребительной авиации Королевских ВВС Хью Даунинг. Кстати, подтянутого и седовласого Даунинга я уже видел раньше. Была у меня с ним краткая беседа тогда, когда решалась моя судьба. Типа, буду ли я служить в Британских ВВС или нет. Этот чопорный британец в маршальском мундире мне показался настоящим снобом. Именно, такими в анекдотах и изображают всех представителей высшего общества Великобритании. В общем, у нас с первого взгляда отношения не сложились. Радовало меня только то, что этот маршал авиации Даунинг ничего не решал. Он был лишь исполнителем. А приказы ему отдавали совсем другие люди. Политики. И для них в тот момент было очень выгодно принять на службу беглого советского генерала. Это же давало огромный пропагандистский эффект. Да, и моральный дух британских вооруженных сил поддерживало. Короче говоря, если бы не вся эта политика, то хрен бы Хью Даунинг меня подпустил к Британским ВВС. Он мне тогда это отчетливо дал понять. Не прямо в лицо, а говоря намеками и иносказаниями. И эти намеки я понял прекрасно. Не друг мне этот маршал авиации. Но в политику он лезть не намерен. На том и разошлись. И вот сейчас он приехал к нам на аэродром Хорнчерч. И не один, а с британским монархом. Интересно знать зачем? Впрочем, мое любопытство было довольно быстро удовлетворено. Меня и еще двух пилотов нашей эскадрильи, среди которых был и мой ведомый Колин Грей, вызвали на командный пункт авиабазы.

Оказывается, нас сейчас награждать будут. Так нам и объявили. Хм! Немного неожиданно. Ладно другие мои сослуживцы. Но я то здесь служу всего-навсего третий день. А меня уже к правительственной награде представили. И когда успели то? Как-то очень оперативно все получается. Для меня такая спешка удивительна. Помнится, нас, когда я еще был советским летчиком, награждали не так вот реактивно. Мы там по несколько недель ждали прибытия наград на линию фронта. Хотя если подумать. Все наградные листы утверждаются на самом верху. В столице. Пока еще ходатайство о награждении дойдет до Москвы. Пока пройдет все инстанции на самый верх. Пока там примут решение. А потом награды еще и довести надо до награждаемых. Вот так много времени и проходило. Но тут же все иначе. Мы ведь сейчас рядом со столицей Англии находимся. Лондон и его окрестности защищаем от налетов фашистов. В общем здесь все в шаговой доступности. И награждаемые и те, кто принимает решения о награждении. Тут до нашего аэродрома совсем недалеко ехать от центра Лондона. Час и ты на месте. Да, и Литхэрт мои догадки подтвердил, рассказав, что такие вот внезапные награждения имеют место быть. Особенно, они участились, когда немцы стали бомбить Англию.

А остальное я уже сам додумал. Британской элите сейчас очень важно было

поддерживать боевой дух войск. А награды, вручаемые героям прямо на поле боя, такой поддержке очень сильно способствуют. Сейчас Черчилль, бывший в данный момент премьер-министром Великобритании, и его правительство всячески стараются показать единство нации. Чтобы заставить англичан сражаться не на жизнь, а на смерть. А для этого все средства хороши. В принципе, логично. Поддерживать боевой дух необходимо. И показывать простым бойцам, что правители их не забывают. И вместе с ними переносят все тяготы и лишения этой войны. Прикладная психология в действии, однако. Впрочем, я возражать не стану. Хотят меня наградить. Пусть награждают. Есть за что. Я же не на печи сидел все это время, а своей жизнью рисковал на защите этой страны, которая сейчас приютила меня и мою супругу.

Итак, нам дали час на приведение себя в порядок. А потом прямо возле наших истребителей провели церемонию награждения. Все было довольно демократично. Поспартански. Я даже удивился от этого немного, зная о тяге англичан к разным пышным церемониалам. Оркестра или музыки, записанной на грампластинку не было. Нашу эскадрилью построили в одну шеренгу. Командующий Истребительной авиации зычным голосом вызывал нас по одному из строя. А потом король вручал нам награды, собственноручно прикалывая их на нашу пилотскую форму. И руку жал при этом. Кстати, британский монарх на меня произвел хорошее впечатление. Приятное и мужественное лицо, подтянутая фигура и безукоризненные манеры. И в отличие от чопорного Даудинга, Георг Шестой говорил с нами очень вежливо. Как с равными. А не через губу как некоторые маршалы авиации. И еще было видно, что он искренне уважает то, что мы делаем для Британии. Не знаю, верил ли он в это на самом деле? Но мне понравилось такое отношении одного из первых лиц государства. И мое первое впечатление король Британии не испортил. Уже потом он успел пообщаться не только с нами орденосносцами, но и с другими членами нашей эскадрильи. Мне этот Георг показался нормальным человеком. А главное — он был в теме. Британский монарх был военным человеком. Это чувствовалось сразу. И не потому, что на нем сейчас был одет вычурный парадный мундир с кучей орденов и медалей. Нет, не это делало его своим. А манера общения. Я уже давно варился в армейской среде. Поэтому такие мелочи замечаю с ходу. И могу отличить человека военного от гражданского обывателя. Вот по Георгу Шестому было видно, что он успел послужить.

И мои догадки подтвердил Литхэрт, который сообщил, что король в молодости участвовал в Первой Мировой войне. Сначала он служил на флоте. И даже в знаменитом Ютландском сражении сумел поучаствовать. А в марте 1918 года будущий британский монарх был переведен в морскую авиацию Королевских военно-воздушных сил. И затем служил летчиком на западном фронте, дослужившись там к концу войны до командира звена. А службу Георг проходил под фамилией Джонсон. В целях конспирации. И кстати, королем Великобритании он становиться совсем не планировал. После смерти их папаша Георга Пятого. Править страной должен был его брат Эдуард Восьмой. Но Эдик решил соскочить. Надоело ему быть королем. И через несколько месяцев своего правления он отрекся в пользу Георга. Из-за бабы все это случилось, между прочим. Да, да! Эдуард Восьмой как-то захотел жениться на разведенной Бесси Уоллис Симпсон. На что правительство Англии разрешение ему не давало. В ответ Эдик кинул на пол корону и гордо ушел в туман, поменяв долг перед страной на любовь. И тут я его осуждать не стану. Сам такой же романтик недобитый.

И еще наш командир эскадрильи мне по большому секрету сообщил, что прежнего

короля и его папашу сейчас в Британии не очень любят. Из-за того, что они дружески относились к режиму Гитлера. И даже не скрывали этого до войны с Германией. А покойный Георг Пятый так тот вообще сочувствовал нацистам в Германии. И даже в Англии их расплодил немеряно. Перед самой войной они здесь на острове спокойно ходили со своими свастиками и нацистскими лозунгами. И пытались пролезть в британский парламент. Правда, теперь эту лавочку прикрыли. А всех английских нациков пересажали по тюрьмам. Кто удрать в Германию не успел, конечно.

Ах, да! Совсем забыл рассказать. Чем же меня тут наградили? Эта боевая награда называется орден «За выдающиеся заслуги». Золотой крест с белой эмалью. В центре креста золотой лавровый венок с зеленой эмалью. В нем золотая корона Империи на красном фоне. На обороте золотой королевский вензель на красном фоне в зеленом лавровом венке. Крест через кольцо крепится к золотой прямоугольной планке, украшенной лавровыми ветвями. Планка крепится к орденской ленте. Сверху к ленте крепится еще одна такая же планка. Лента шириной в двадцать восемь миллиметров красная с узкими синими полосками по краям. Крест выдается без подписи. Но мне сказали, что я могу нанести гравировкой свое имя на обороте планки. Сейчас мне выдали орден первой степени. В британской наградной системе не предусмотрено ношение нескольких таких крестов одновременно. Это в Красной Армии можно было несколько орденов одного типа на груди таскать. А бережливые англичане просто выдают еще одну прямоугольную платку для закрепления ее на ленте награды. Так за вторую степень получается одна дополнительная планка. За третью две, а за четвертую три. Есть в этом своя логика. Но мне почему-то этот британский орден показался каким-то несолидным и несерьезным. Вот не получается у меня его всерьез воспринимать как государственную награду. Я к советским орденам привык за эти годы. Вот они вызывают у меня чувство гордости и уважения к тем, кто их носит. Они как-то более солидно и представительно выглядят по дизайну. А этот вот крестик не внушает благоговения. Фигня какая-то, а не орден. Впрочем, что это я здесь в чужой монастырь со своей критикой полез. Наградили меня. И на том спасибо.

Главное, что британцы, награждая своих героев, и про меня не забыли. И это мне внушает большой оптимизм. Значит, приняли меня за своего. И теперь я для них не какой-то мутный чужак-перебежчик из СССР. А нормальный такой защитник британских интересов. В общем, свой в доску парень. И они меня прикроют, если вдруг что от гнева товарища Сталина. Человека, проливающего кровь за Великобританию, просто так не выдадут советским властям. Кстати, о нашем награждении еще и напишут все британские газеты. Нас тут журналисты фотографировали для этого. Империя должна знать своих героев. Вот теперь можно и расслабиться. А то до этого момента я тут в подвешенном состоянии находился. Не мог до конца понять своего статуса. Но сейчас местные власти официально присвоили мне статус героя. Прямо от сердца отлегло. Это значит, что и жену мою никто из этой страны выгонять не станет. А это самое главное для меня. Вот если бы меня англичане не приняли и вытурили вон, то я бы не особо расстроился. Я бы сам где-нибудь в другом месте пристроился. Я за Анну Марию беспокоюсь. Но теперь то ее точно не тронут. Даже если я вдруг погибну в бою. Вдову защитника Империи и героя войны никто здесь обидеть не посмеет. Хотя тьфу, тьфу, тьфу через левое плечо. Я помирать не собираюсь. Я еще всех врагов переживу. Попаданец я или погулять тут вышел?

Между прочим, Георг Шестой, узнав о количестве сбитых мною самолетов, был очень сильно поражен. Оказывается, это меня наградили за те семь сбитых, что я тут в первый день

моей службы настрелял. И сегодня как раз успели составить наградные документы. Так вот. А про мои девять немецких самолетов, сбитых мною вчера, король был не в курсе. Литхэрт то про это только вчера вечером доложил вице-маршалу Парку. А вот Даудинг точно знал. Это я по его скривившейся роже понял. О таком боевом достижении ему Парк просто обязан был доложить. Это же крутой рекорд по сегодняшним временам. Имеющий не только военный, но и пропагандистский эффект. Неужели, этот сноб хотел зажилить мою награду? Но сейчас то у него никак не выйдет это сделать. Впрочем, мне пофиг на все эти крысиные интриги. Не нравлюсь я ему. И мне это сугубо параллельно. Мне с Даудингом детей не крестить. Тем более, что я не его креатура. Там в верхах за меня кто-то посолидней шишку держит. Кто-то из кабинета Черчилля. Если не сам британский боров. А теперь еще и английский монарх моей персоной заинтересовался. Он мне лично пообещал, что во всем разберется. И вторая моя награда не заставит себя ждать. Мол, я ее уже заслужил. Вот и ладно.

В принципе, я здесь не из-за наград воюю. Для меня они лишь являются приятным бонусом. Кстати, меня больше порадовал тот факт, что за каждый сбитый немецкий самолет я получу денежную премию. Довольно солидную премию. Литхэрт меня просветил, что за сбитый истребитель противника британским пилотам выплачивают по триста английских фунтов стерлингов. А за бомбардировщик дают аж четыреста фунтов. Круто! Че там! Вот для сравнения вам размер моей зарплаты летчика-истребителя. Я сейчас по всем британским законам должен получать денежное содержание в двести фунтов стерлингов в месяц. И здесь это считается очень неплохо. На эти деньги можно очень весело жить в течении месяца. Я быстро подсчитал, сколько там мне премии причитается за сбитые немецкие самолеты. И был приятно удивлен. Красивая сумма получилась. Мне уже нравится такая война. С моими навыками я точно бедствовать не буду в этой стране. Заодно и совмещу приятное с полезным. Буду убивать нацистов и получать за это очень неплохие деньги. На своих военных пилотах британцы не экономят.

Впрочем, в СССР летчики тоже неплохо так получают. Не бедствуют они в Советском Союзе. Там они также являются одними из самых высокооплачиваемых служащих. И если взять все остальные ведущие державы, то и там военные авиаторы живут совсем небедно. Кстати, в Советском Союзе пока такого нет, но скоро и советские власти дойдут до мысли, что надо премировать своих бойцов не только медалями и орденами. Но и деньгами. Да, да! Я точно помню, что в Великой Отечественной войне советским бойцам и командирам будут платить деньги за каждый сбитый самолет противника или уничтоженную единицу вражеской техники. Конечно, были в России двадцать первого века и те, кто наивно думал, что советские герои на халяву воевали с фашистами. Есть такие наивные албанцы. Но я то не из их числа. Я знаю, что даже «злые коммунисты» будут платить своим героям за подвиги. Это исторический факт. Надо же им будет как-то стимулировать народ воевать. Не одними же тупыми лозунгами и заградительными отрядами НКВД.

Нет. Там тоже не дураки сидят. И товарища Сталина дураком называть нельзя. Да, диктатор и кровавый тиран. Да! И он мне не нравится, как человек. Вот только я тоже не наивный либераст. И прекрасно понимаю, что удержать такую сложную и большую страну от скатывания в пропасть можно было только такими жесткими методами. Кровавыми и непопулярными. Подлыми и некрасивыми. И совсем не демократичными. Зато страна выживет. И сможет потом отразить удар самой сильной европейской армии новых крестоносцев. В общем, усатый вождь совсем не глупец. Все он прекрасно понимает. И

знает, что люди тяготеют к материальному. А вместе с духовными нужны и материальные стимулы. Потому и будут потом в 1941 году выплачивать денежные премии в советских рублях за каждый сбитый самолет или уничтоженный танк противника. Вот такие пироги с котятами!

И насколько я помню, только японцы не станут в этой войне платить денежные премии своим военным за подвиги на поле боя. Но у жителей страны Ямато всегда был своеобразный взгляд на войну. Там религиозный фанатизм и государственная пропаганда добились впечатляющих результатов. И японцам для поддержания высокого боевого духа в войсках не нужны будут ни деньги, ни награды. У них там сейчас в Японии все и так готовы умереть за своего императора. А вот все остальные будут платить. Англичане, русские, немцы, итальянцы, французы, китайцы и американцы. Все будут платить за уничтоженную военную технику противника. И в этом нет ничего такого мерзкого на мой взгляд. Это же голимая психология. Так как для отключения инстинкта самосохранения у людей лозунгов и медалей недостаточно. Надо дать бойцам что-то более материальное. Конечно, я не отрицаю патриотизм и готовность умереть за Родину. Вот только защитника этой самой Родины должны греть не только слова, но и нормальные такие материальные блага, которые получит он и его близкие за его подвиги. Это по справедливости! За риск надо платить! Хорошо платить. А не отделываться дутыми лозунгами и призывами идти умирать «за бесплатно». Элиты должны платить своим защитникам достойные деньги. И относиться к ним по справедливости. Чтобы это потом не кончилось кровавым 1917-м годом. Как это уже случилось в России.

Глава 10

О внезапности и маленьком боезапасе

Наконец, высокопоставленные лица уехали с нашей авиабазы. До обеда мы сидели на земле. А потом тучки немного разошлись и нас отправили на перехват группы вражеских самолетов, приближавшихся к Фолкстону. Когда мы прибыли к этому английскому портовому городу, то в небе над ним уже шла масштабная драка. Воздух тут буквально кишел немецкими истребителями «Мессершмитт» Вf-109 и Вf-110. Хватало здесь и германских бомбовозов «Хейнкель» He-111. Наши истребители также имелись в наличии. Правда, их было поменьше чем самолетов противника. Но проблемы немцам они создавали большие. Причем, «Спитфайры» дрались с нацистскими истребителями. А «Харрикейны» насканивали на немецкие бомбардировщики. На мой взгляд — это очень логичная тактика воздушного боя. Когда более быстрые и маневренные «Спиты» связывают боем вражеские истребители. А вот тормозные «Харикиейны» бьют по бомберам. Хорошо англичане придумали. Я бы тоже на их месте так поступил. Если бы здесь всем командовал, конечно.

Литхэрт тоже просек, что тут творится и повел все шесть «Спитфайров» нашей эскадрильи в атаку на немецкие «Мессеры». Вижу, что мои уроки тактики пошли ему впрок. Так как мы заходим в атаку сверху. А перед этим немного набрали высоту чуть в стороне. И спрятались в большую тучку при этом. Это чтобы нас раньше времени не заметили. Молодец, комэск! Быстро учится. Подходим к цели и дружной кучкой вываливаемся из облаков прямо на голову четверем «сто десятым». Они тут как-раз наверх забрались и пытаются кого-то ударить вниз. Но мы то сейчас выше них вынырнули. И это получилось очень неожиданно для немцев. До двухмоторных истребителей нацистов не так уж далеко. Метров двести. Не больше. Быстренько, загоняю в прицел своего «Спитфайра» серо-зеленую тушу Вf-110, завалившегося на правое крыло и готового уйти в пике. Точно он внизу себе жертву присмотрел и хочет нырнуть туда. Но он уже сделать этого не успевает. Так как начали работать мои автоматические пушки. Хорошо попал! Прямо в левое крыло. В пространство между фюзеляжем и мотогондолой левого двигателя. Там у этого «церштерера» аж два бензобака расположены. И топлива в них довольно много. Вон как полыхает ярко. Не помогли немцам и протекторы из пенистой резины на каждом баке. Они очень хорошо только от винтовочного калибра защищают, препятствуя возгоранию и протечке топлива. А вот снаряд в двадцать миллиметров они совсем не держат. Я это еще в прошлом бою заметил. Горящий «сто десятый» сваливается вниз. И из него вылетают две темные человеческие фигурки.

Кстати, меня позабавил один момент. На немецких пилотов сейчас одеты желтые надувные спасательные жилеты. Британские летчики такие же носят. Вот и на мне точно такой же надет сейчас. Вообще-то, у немцев и британцев есть очень похожая военная форма. Например, у моряков, танкистов, подводников или летчиков. И ее можно легко спутать. Вон даже спасательные жилеты по цвету и дизайну у нас похожи. Кстати, их в здесь все летчики сейчас носят в обязательном порядке. И наши и вражеские. Так как очень часто воздушные бои происходят над морем. И выпрыгнув с парашютом, можно легко угодить прямо в воду. Особенности театра боевых действий диктуют свою военную моду. И здравый смысл тоже подсказывает, что пилот, упав в глубокую воду, может в ней утонуть. Плавать то не все из нас умеют. Да, и сложно будет держаться на воде, если получишь ранение или сознание

потеряешь. В общем, правильная деталь экипировки этот самый спасжилет. Одобрю!

А вот второй «цершгерер», повисший передо мной чуть в стороне, достать уже не успеваю. Слишком быстро лечу. Не хватает времени чтобы довернуть на него нос истребителя. Я то не успел, а Колин Грей смог. И успел всадить в него довольно солидную очередь из своих пулеметов. Конечно, не все пули попали по немцу. Но кое-что по нему все же прилетело. Но опять не смогло сбить с одного захода. Вот что ты поделаешь? Не хватает этим пулеметам «Браунинг» убойной силы. И все тут. В темпе вальса проносимся мимо и уходим на вираж. Наши «Спитфайры» поразворотистее будут на горизонтали чем «сто десятые». Этим двухмоторным монстрам нас не достать теперь. И хотя наша эскадрилья в этом заходе смогла сбить только одного «цершгерера» из четырех. То есть я его и сбил. Но трем другим тоже неплохо досталось от наших парней. Сбить не сбили, но потрепали хорошо. Одному Vf-110 прострелили левый мотор, и он сейчас ушел в пике, надеясь оторваться от преследования. Двое остальных также нахватили пуль. Не один из атакованных нами «сто десятых» не смог увернуться от обстрела. Всем досталось. Правда, никто не загорелся и не был сбит. Но теперь о контратаке они даже и не помышляют. Их строй развалился. «Цершгерер» с пробитым мотором тянет вниз. Второй рванул за ним, но немного отстав. А третий двухмоторный истребитель нацистов провалился ниже нас и ушел на вираж. Вот за ним мы своей парой и пойдём. Во-первых — он к нам ближе всех. А во-вторых — это его перед этим обстрелял мой ведомый. И сейчас он его добьет. Подранков надо добивать. Я уже об этом говорил не один раз. Резко пикируем вниз, а затем делаем горку. Это чтобы не подставиться под пулемет борт стрелка. Он же как раз в задней-верхней полусфере стрелять может. И я это прекрасно помню. Поэтому мы будем атаковать этого недобитка в брюхо. Снизу. Точнее говоря, работать по этой цели будет только мой ведомый. О чем Колину Грею и сообщаю. Немец тем временем отчаянно маневрирует. Пытается сбить нас со своего хвоста. Понимая, что его «сто десятый» не успеет развернуться к нам носом и ударить из всего курсового вооружения. Вражеский пилот пытается опускать хвост своего истребителя, чтобы подставить нас под огонь бортстрелка. Но от этого лишь теряет скорость. А мы успеваем занять идеальную позицию для атаки в восьмидесяти метрах под его брюхом. С такого близкого расстояния даже слабенькие пулеметики моего ведомого должны пробить броню «цершгерера». Колин Грей выдает длинную очередь из всех стволов. И конечно же, попадает. Пробивая вражеский тяжелый истребитель с носа до центроплана. Похоже, что это фаталити?! Нет, точно хорошо попал. Двухмоторный «Мессер» на мгновение зависает в воздухе, а потом начинает падать вниз, разматывая за собой тонкую струю дыма. Отлетелся дракон картонный. Этот все!

Поздравляю Колина с еще одной воздушной победой. И увожу свой «Спитфайр» на вертикаль. Не люблю я драться на нижних уровнях. Некомфортно мне там. Да и совсем не хочется лезть сейчас вниз. Там такой экстремальный клубок из самолетов крутится. Что даже отсюда сверху страшно наблюдать. Там же сейчас все так непредсказуемо происходит. Самолеты хаотично маневрируют и крутятся на виражах. Причем делают это в разных плоскостях и направлениях. В такой ситуации очень трудно уследить за обстановкой вокруг. И очень велик риск, что пока ты гоняешься за одним противником. Другой зайдет тебе в хвост и расстреляет. Или просто обстреляет твой истребитель, вынырнув откуда-нибудь сбоку. Откуда ты его совсем не ждешь. Не нравится мне такой опасный для жизни ближний бой. Я предпочитаю бить внезапно. А затем убегать подальше. Я воюю по принципу «ударил-убежал». Именно, поэтому мы сейчас с Колином Греем не лезем вниз в общую

собачью свалку. А набираем высоту и внимательно оглядываемся. Я своего ведомого уже приучил к такой манере ведения боя. И он меня слушает и глупых вопросов не задает.

А вот и наша добыча. Парочка «Мессершмиттов» Vf-109E только что выскочила наверх из общей драки и чуть в стороне от нас. Видимо, тоже хотят клевать врагов сверху? Вот только здесь место уже занято. Мы раньше сюда залезли на верхотуру. И никаких конкурентов на высоту не пустим. Ухожу с переворотом вниз и начинаю пикировать на эту парочку. Сейчас мы будем объяснять всю степень их заблуждения. Немцы нас заметили. Вот же, гады глазастые! И пытаются удрать вниз. Сразу видно, что там в кабинах этих одномоторных истребителей опытные пилоты сидят. Эти быстро поняли, что их сюда наверх не пустят. Не успеют они залезть повыше. Скорость то они уже почти потеряли и до нашего горизонта на дотянут. Поэтому для разгона надо пикировать вниз. И они начинают это делать. Вот только им еще скорость набрать надо. А мы уже разогнались очень прилично. Конечно, по техническим характеристикам эти «Эмили» в пикировании быстрее наших «Спитфайров». Но это в теории. Когда самолеты находятся в одинаковых условиях и начинают ускоряться одновременно. Но в данный момент у нас пока скорость выше. И мы медленно догоняем этих фашистиков.

Ага. А чтобы было все побыстрее. Я решаю врубить форсаж. Да, да! Есть у этой модели «Спитфайра» такая фантастическая опция. На наших истребителях стоит двенадцатицилиндровый V-образный поршневой двигатель жидкостного охлаждения «Мэрлин-2». Который использует 100-октановый бензин и имеет турбонаддув в 1,86 атмосфер. Что позволяет увеличивать мощность двигателя и скорость. Правда наддув можно включать на короткое время. Не более пяти минут. Зато скорость при этом возрастает аж на 50 километров в час. Что для поршневых истребителей сейчас является очень крутым достижением. Кстати, у немцев на «Эмилях» тоже наддув имеется. И судя по густым выхлопам, выбивающимся из патрубков двигателей, на этих истребителях его только что включили. Вот и нам пора сделать то же самое. Предупреждаю Колина по радио и врубаю форсаж. Теперь главное — не перегреть двигатель. Форсаж — это круто, но и очень опасно. Тут же можно в азарте погони и заиграться. Перегретый движок может взорваться при этом. Или сгореть нафиг.

Ох, не зря я это сделал. Немецкие то истребители сначала бодро рванули вперед, но потом мы начали их быстро нагонять. Мы все ближе и ближе к ним. Скоро уже «сто девятые» войдут в зону моего огня. Пальцы подрагивают над гашетками. Но при этом я не забываю и поглядывать на индикатор перегрева двигателя. На форсаже он ревет особенно громко. Ну не подведи меня чудо британской техники! А немчура похоже поняла, что мы их стремительно нагоняем. И скоро откроем по ним огонь. И начинает энергично маневрировать. Красиво идут. По манере пилотажа сразу видно опытных пилотов. Уж очень синхронно они бросают свои «Мессеры» в разные стороны, пытаюсь выскользнуть из наших прицелов. Вот только им это не помогает. Мы их нагоняем. А из-за своих резких маневров немцы теряют скорость. Все эти повороты влево-вправо, бочки, горки и полупетли. Все это снижает скорость разогнавшихся по прямой самолетов. Правда, сейчас я никак не могу по ним прицелиться. Выскальзывают гады из прицела. Н-н-на! Даю короткую очередь по головному «сто девятому». И... позорно промахиваюсь. Вторая очередь и... снова промах. Невольно чертыхаюсь. Никак не могу попасть. Давно мне такой умелый противник не попадался. Так! Форсаж отключаем. А то движок уже на пределе работает. Немцы, кстати, еще раньше это сделали. Возможно, у них на «Эмилях» двигатели не такие надежные стоят?

Не знаю. Но я то на форсаже дольше них летел.

Этот воздушный цирк продолжается еще минуты три-четыре. Кстати, сейчас стреляю по немцам не только я, но и мой ведомый. Наконец, мне везет. Ведущий немецкой пары, так и не сбросив меня со своего хвоста, уже от отчаяния решает уйти на вираж. А вот зря ты это делаешь, фашистик! Хочешь попытаться мне в хвост зайти? И зря! На вираже то мой «Спитфайр» поразворотистее будет. Тут я король. Впрочем, уйти от нас на вертикаль эти вражеские истребители уже не смогут. Скорость у них не та. Вот что и требовалось доказать. На очередном витке я все же загнал ведущий самолет противника в свой прицел. Быстро беру упреждение и нажимаю на гашетки. Работаю из всех стволов. Чтобы уж наверняка. Из пушек и пулеметов. Наконец-то! Попадание. Головной «Мессершмитт» на вираже влетает прямым в мои трассы. Германский самолет вспыхивает моментально. Как-будто весь и сразу. Смертельное попадание! Я отчетливо видел, как один из моих снарядов разнес кабину. Здесь точно никто с парашютом не выпрыгнет. Еще одна нацистская могила на моей совести. Еще одним смрадным гадом на планете Земля стало меньше.

А теперь стоит заняться вторым «Мессершмиттом». Правда, я успел все снаряды к моим пушкам потратить, пока убивал его ведущего. Значит, этого будет сбивать труднее. У меня же всего два рабочих пулемета осталось под винтовочный калибр. Предлагаю Колину прикончить этого гада, но здесь меня ждет оглушительный облом. Оказывается, что мой ведомый уже успел расстрелять все боеприпасы до железки. У него хоть и восемь пулеметов имеется, но на каждый из них прилагается только по триста пятьдесят патронов. А это не так уж и много. А стрелял в этом бою Колин Грей очень азартно и часто. Потому и остался без патронов к этому моменту. Я кстати, тоже стрелял много. Поэтому шестьдесят патронов к каждой моей авиапушке также закончились. Да, и в пулеметах не так уж и много патронов осталось. Я же из них тоже стрелял. Но по моим ощущениям там еще по сотне патронов на ствол должно остаться. С этой мыслью захожу в атаку на второго немца. Тот уже понял, что его ведущий сильно затупил, когда решил уйти на вираж. И сейчас пытается от нас удрать в пикировании. Вот только мы и так уже спустились очень низко. Тут высота не более двухсот метров уже. И до земли рукой подать. В общем, особо не разгонишься. И не попикируешь. И тот нацист это тоже понял. Выскочил из пике у самой земли и помчался над ней. Я же прямо за ним по пятам не ринулся. А решаю подрезать его в более пологом пикировании. Наш противник пытается маневрировать, сбивая мне прицел. Бросает свой истребитель из стороны в сторону. Вот только это чревато потерей скорости. А она у данного «Мессершмитта» сейчас и так не самая большая. А с каждым его боковым маневром падает еще больше. Понимая это, немец делает рывок вверх. Точнее говоря, пытается это сделать. Но натывается на огненные трассы моих пулеметов. Отчего, получив попадания, шарахается вниз. А я немного опускаю нос своего «Спитфайра» и всаживаю в серо-зеленый германский самолет еще одну очередь. Опять попал! А этот гад скользкий все еще летит. Я уже в него столько патронов вlepил. А ему хоть бы хны. Весь в дырах как решето, а продолжает лететь по прямой. Как-будто это какой-то бронированный штурмовик Ил-2, а не безбронный «Мессершмитт» Vf-109E. Я ведь точно знаю, что у данного истребителя нацистов вся броневая защита состоит из бронестекла в кабине и бронеспинки в кресле пилота. Это вам не «церштерер» с его противопульной броней. Да, он там что бессмертный что ли? Снова нажимаю на пулеметную гашетку. А в ответ тишина. Все! Патроны кончились! А я этого птеродактиля фанерного так и не сбил. Уйдет же гад пупырчатый? И что делать? Неужели опять придется таранить? Ой, как же не хочется этого делать. Я сейчас уже не тот глупый

храбрец, что был раньше. В небе Испании. Теперь мне есть что терять. Меня дома жена ждет. Любимая, между прочим. И я очень хочу к ней вернуться целым и невредимым. Я ей обещал, что так и будет.

К счастью пока я тут размышлял, немец все решил за меня. Его побитый пулями истребитель плавно начал спускаться вниз. Прямо к земле. Внизу как раз проплывало довольно обширное пастбище. Подходящее место для вынужденной посадки. Это вам не на лес садиться или на городскую застройку. На ровном поле шансов убиться гораздо меньше. Вот и этот фашистик это понял. Хм! Шасси выпускать не стал. Может быть, его заклинило или повредило? А может, боится подломить стойку шасси при приземлении и перевернуть самолет при аварийной посадке. Там внизу хоть и поле. Но трава на нем довольно высокая растет. С кустарником. И ям там тоже, наверняка, хватает. Вот так на скорости влетишь колесом в ямку. Или куст. И потом на кладбище будет играть музыка, но ты ее не услышишь. В общем, правильно этот немец решил. В такой ситуации лучше садиться на брюхо, не выпуская шасси. А «сто девятый» внизу уже коснулся земли и заскользил по ней в облаке пыли. Проелозив на пузе так метров шестьдесят, он окончательно затих. Проносимся над ним, а затем уходим на круг. Хочу посмотреть — остался ли жив пилот после такой экстремальной посадки. Вот любопытно мне стало. И все тут. Прносясь снова над упавшим немецким истребителем, замечаю, как открывается фонарь его кабины. И на крыло выползает фигурка в желтом спасательном жилете. Жив, значит. И добить его я сейчас не могу. Патронов то нет. Впрочем, я отчетливо наблюдаю, как к месту падения «Мессершмитта» через поле бегут британские солдаты. Вот и все. Теперь этот немец никуда не денется. Будет сидеть в лагере для военнопленных до самого конца войны. Повезло ему, в общем. Хоть жив останется после этой грандиозной бойни под названием Вторая Мировая война. А главное — он уже не сможет воевать на восточном фронте и убивать советских людей. И мне этого достаточно.

Оглядываюсь по сторонам. А далеко мы улетели от общей драки. И возвращаться туда не станем. Без боеприпасов там нам делать нечего. Значит, летим на базу. И не успеваю я озвучить такое свое решение Колину Грею. Как в эфире раздается голос Литхэрта, который зовет всех пилотов нашей эскадрильи домой. Отходим по боеприпасам, в общем. Боезапас то у «Спитфайров» не резиновый. Это вам не компьютерная игра или голливудские фильмы про войну. Где патроны никогда не заканчиваются. В суровой реальности все по-взрослому. Например — все шестьдесят снарядов из моей автоматической пушки вылетают всего за пять секунд непрерывной стрельбы. А на выстреливание боезапаса авиационного пулемета «Браунинг» до ноля уходит секунд пятнадцать. Вот такая грустная арифметика настоящей воздушной войны. Поэтому боеприпасы в бою в самолетах заканчиваются очень быстро. Быстрее чем даже топливо расходуется. Поэтому все стычки в небе проходят так скоротечно. Нет здесь многочасовых битв и сражений как на земле или в море. Самолеты противоборствующих сторон сходятся. По-быстрому расстреливают боеприпасы друг по дружке, а потом разлетаются в разные стороны. Те, кто уцелел, конечно.

Глава 11

Самый тяжелый день

Больше 17 августа мы не летали. Данный боевой вылет стал последним в этот день. Погода снова испортилась. Небо заволокло густой облачностью. И зарядил противный дождь. Поэтому все полеты на сегодня отменили. Вот и замечательно! А то я уж думал, что нам снова придется весь день воевать без продыха. Вчера то я вымотался очень сильно. Поэтому приветствовал эту небольшую передышку. Ночь тоже прошла тихо. День 18 августа начинался тоже довольно тихо. С утра накрапывал мелкий морозящий дождик. Типично английская погода, однако. К обеду дождь стих, и погода начала налаживаться. Хотя облачность в небе и сохранялась. И она была довольно плотной. Но для Люфтваффе это не стало препятствием. Идиллия нашего отдыха была нарушена телефонным звонком на командный пункт авиабазы. Я там тоже в этот момент присутствовал. Спорил с Литхэртом о тактике воздушного боя. Подняв трубку телефона, наш командир эскадрильи стал внимательно слушать, что ему говорят. И с каждым мгновением мрачнел все больше и больше.

— «Джерри» решили взять реванш за ту трепку, что мы им устраивали все эти дни! — громко сообщил он, положив трубку. — Они подняли в воздух около трех сотен самолетов. И теперь вся эта армада летит сюда. Наши радары только что их засекли. Мне сейчас об этом сообщили и приказали вылетать.

— Полетим на перехват? — решаю уточнить я.

— Нет, вице-маршал Парк приказал нашей эскадрилье патрулировать в небе над нашей авиабазой, — ответил комэск, отрицательно помотав головой. — Колбасники летят несколькими группами. И пока операторы радаров не могут определить направление их атаки. Поэтому взлетаем и ждем приказа.

— Взлетаем, так взлетаем! — бодро говорю я, надевая шлемофон и разворачиваясь к выходу с КП.

М-да! Этот вылет кардинально отличался от всех, что были ранее. Тогда нас сразу же бросали в бой. Наводя на определенную группу вражеских самолетов. Но сегодня в небе над Британией врагов было слишком много. Таких массированных налетов мы здесь еще не видели. Раньше немцы такими толпами не летали. Неудивительно, что британские операторы радаров оказались не готовы к такому большому наплыву целей. Если раньше нам удавалось быстро парировать вражеские налеты, то сейчас этого сделать не удалось. В эфире царил хаос. Похоже, что командование не знало, что надо делать. И куда нас отправить на перехват. По обрывкам фраз на общем канале связи у меня начала выстраиваться картина грандиозного сражения, что развернулось сейчас над Англией. Большие группы германских бомбардировщиков шли на Британию с юга и юго-востока. Англичане подняли в воздух две волны истребителей. Первая включала в себя шесть эскадрилий. И прикрывала побережья и ближние подступы к нему. Вторая волна, куда входили и мы, состояла из пяти эскадрилий. И должна была охранять вторую линию обороны от Кентербери до Кенли. При этом до последнего момента наши радарщики не могли вычислить основные направления главных ударов немецких самолетов. Уж слишком много их сейчас было в воздухе. И двигались они довольно непредсказуемо. Поэтому нашей эскадрилье пришлось болтаться в небе над Хорнчерчем примерно тридцать минут без дела. Мы впустую жгли топливо, летая кругами.

Вице-маршал Парк опасался, что германцы рвутся к Лондону. И придерживал нас пока, не кидая в бой. Но немчуре в этот раз не нужна была английская столица. Они летели бомбить авиабазы Кенли и Биггин Хилл, расположенные южнее Лондона. Наконец, о нас вспомнили и приказали двигаться к месту основной бойни.

Литхэрт повел 54-ю эскадрилью к Биггин Хилл. Облачность сегодня была довольно плотной и низкой. Поэтому эскадрилья летела не выше двух тысяч метров. Наша пара летела чуть выше остальных у самой нижней кромки облаков. Такое право действовать не в общем строю эскадрильи я себе выбил у нашего комэска. Доказав ему, что так я буду наиболее эффективен. И сейчас это помогло нашей эскадрилье избежать очень больших неприятностей. Восемь «Мессершмиттов» Bf-109E вынырнули из облаков внезапно. И если бы я с моим ведомым летели вместе в едином строю со всеми своими соратниками. То скорее всего, вовремя заметить эту угрозу не смогли бы. Немцы очень грамотно подгадали момент и угол атаки. Подловили бы они нас там внизу. Но мы то с Колином Греем сейчас находимся не внизу, а выше и чуть позади группы Литхэрта. Поэтому эту хитрую атаку нацистов я засек моментально и сразу же заорал на канале нашей эскадрильи, чтобы предупредить о ней всех наших соратников. Ведь чего-то подобного я и ждал от этого вылета. Нельзя недооценивать противника. А сегодняшняя низкая облачность просто напрашивается, чтобы в ней кто-то спрятался и устроил нам засаду. Очень не нравились мне все эти тучки и я за ними бдительно наблюдал. И не зря. Меня услышали. И наши истребители там внизу начали бодро перестраиваться для отражения вражеской атаки. Теперь у тех хитропопых фашистиков не выйдет напасть внезапно на наших парней. Эффект внезапности уже утрачен. Так! наших предупредили, но сами пока лезть туда не будем. Ни к чему это. Сразу же бросаться в бой, как только увидишь противника на горизонте. Это удел неопытных юнцов. А я кадр опытный и коварный. А другие в военном небе не выживают. Поэтому мы сейчас летим как и летели. Только скорость немного прибавим.

А внизу тем временем разворачивается воздушный бой. Немцы на лобовую атаку не осмелились и, обстреляв издали Литхэрта и его бойцов, уходят на вираж. Наши предсказуемо рвутся за ними. И вот уже в небе начинает раскручиваться карусель из самолетов. Вот, что и требовалось доказать. Учить их еще и учить. Я же Литхэрту об этом говорил. Что немцы не любят воевать на горизонталях. Они предпочитают бить своих противников на вертикали. Не даром же у «сто девярых» скороподъемность выше чем у «Спитфайров». И германские пилоты этим любят пользоваться. Вот и теперь шесть вражеских истребителей сковали действие всех четырех «Спитфайров» Литхэрта. А одна пара «Эмилей» пытается выскочить наверх, чтобы бить оттуда. Хороший план был у нацистов. И он бы удался. Если бы здесь наверху не было сейчас нас с Колином Греем.

Чтобы не спугнуть пилотов противника, я, прикинув курс той вражеской пары, поднимающейся вверх, резво ухожу в облака. Мой ведомый следует за мной как приклеенный. Какое-то время летим вслепую. А потом снова выскальзываем вниз. Конечно, перед этим я Колина предупредил по радию. Хорошая вещь радио. Без него такие вот синхронные маневры хрен выполнишь. Мы же друг друга не видели. В облаке видимость то нулевая. А кругом только серая муть. Но мой ведомый послушно вынырнул из облака вслед за мной. Молодец! Не оторвался и с курса не сбился. Хороший пилот из Колина Грея получился. Интуиция меня не подвела. Красиво я вышел. Прямо на цель. Прямо перед ведущим «Мессершмиттом» вражеской пары. Расстояние детское. Не дальше ста метров. Успеваю отчетливо рассмотреть сквозь прицел серый пятнистый фюзеляж с большим

зеленым сердцем, нарисованным ниже кабины, желтый кок винта и ряд крестиков, обозначающий сбитые самолеты противника.

— Ого, заслуженный Фриц передо мною тут выставился во всей красе! — успеваю подумать я перед тем, как открыть огонь.

Короткая очередь из всех стволов пробивает мотор нацистского истребителя и добегает до кабины. С такой дистанции хорошо видны попадания и большие куски обшивки, разлетающиеся в разные стороны при этом. Немец быстро проскакивает вверх, а место в прицеле моего «Спитфайра» занимает самолет его ведомого, который летел за ним следом. По нему я тоже успеваю отработать из пушек и пулеметов. И не промахиваюсь. А с такой дистанции трудно промахнуться. Тут до цели уже метров пятьдесят. Не больше. По меркам воздушного боя — это стрельба практически в упор. Ведь от момента открытия огня по головному «Мессеру» до того пока «сто девятый» вражеского ведомого мелькнул в моем прицеле я уже успел пролететь метров пятьдесят. Это вам не наземное сражение. Тут в небе все происходит очень быстро. На бешенных скоростях. В общем, попал я во второго немца. И сделал это очень качественно. Аж сам удивился. Второй «Эмиль» внезапно взорвался в ослепительной вспышке. Которая меня ослепила на несколько мгновений. Похоже, бензобак рванул? Чисто инстинктивно дергаю ручку на себя, уходя вверх и влево. И чувствуя ощутимый удар куда-то в район носа моего истребителя.

В первое мгновение я даже испугался, что врезался в самолет противника, который я только что так эффектно атаковал. И невольно сжался на пилотском кресле, ожидая взрыва или того, что мой «Спитфайр» начнет сейчас распадаться на части. Но нет. Мой самолет пока летит. Правда, мотор стал работать как-то не так. С перебоями он начал работать. Проморгавшись от радужных кругов, бегающих перед глазами, с тревогой оглядываюсь. Вроде бы, огня не видно? Мой «Спитфайр» не горит и не падает. Только мотор начал капризничать. Но дыма пока не наблюдаю. Мотор все еще тянет. Тяга, конечно, упала но ненамного. Самолет еще летит. Но в таком предаварийном состоянии ему воздушный бой противопоказан категорически. Надо уходить на базу. О чем и сообщаю Литхэрту и Грею. Кстати, внизу бой как-то очень быстро прекратился. Немецкие истребители, растеряв весь свой атакующий порыв, довольно шустро выходят из боя. Ага! Наши там тоже без дела не сидели. Вижу еще один горящий «Мессершмитт», падающий вниз. Я, вроде бы, слышал победный вопль Литхэрта? Видимо, это он того фашистика сбил? Нормальный расклад. Этих немчиков теперь понять можно. Совсем недавно их было восемь, уверенно атаковавших нас из засады. И если бы у них получилось застать нас врасплох. То они бы наверняка кого-нибудь из нас сбили. Да, они на это и надеялись, коварно выскакивая из облаков. Но все пошло не по плану. За очень короткое время из восьми их осталось пятеро. А наши «Спитфайры» вон все целы. По крайней мере, они в воздухе очень уверенно держатся. И никто из них падать на землю не собирается.

Это только мне так не повезло сейчас. Но немчура то не видит, что с моим истребителем что-то не так. Далековато, однако. Самолет то не горит. А чтобы заметить перебой в двигателе, так это надо очень близко подойти ко мне. Но от греха подальше решаю уйти в облака. Мне сейчас не до драк в воздухе. Дотянуть бы до базы. Мой ведомый хочет лететь за мной. Но я его отправляю вслед за Литхэртом и его командой. У англичан сегодня каждый самолет на счету. И лишний боеспособный истребитель нашему комэску пригодится. Тем более, что он вместо преследования убегающих немецких истребителей намылился продолжать полет в сторону авиабазы Биггин Хилл. Мы же туда и летели, до

этой внезапной атаки «Мессершмиттов». И почти долетели. Авиабазы уже в пределах видимости. И даже отсюда издали видно, что дела там идут не очень хорошо для британцев. Пожары и взрывы в районе ангаров и взлетной полосы наблюдаются отчетливо. И большое количество вражеских бомбардировщиков, бомбящих этот аэродром, также видно очень хорошо. На этот раз что-то пошло не так. И противнику удалось прорваться к цели. И теперь он там бесчинствует.

Мысленно пожелав ребятам удачи, лечу в сторону Хорнчерча. С таким захлебывающимся мотором мой «Спитфайр» сейчас не боец. Ему ремонт необходим. Хорошо, что слепой полет у меня прокачан до очень высокого уровня. Поэтому я сейчас лечу, прячась в облаках. Мне не нужны никакие встречи с вражескими истребителями. Я для них в данный момент являюсь очень легкой добычей. С таким ушатанным движком я в бою маневрировать особо не смогу. Поэтому придется сразу прыгать с парашютом. А я этого не хочу. А в облаках я невидимка. Я никого не вижу, но и меня никто не заметит.

Почему я так рискую сейчас? Почему не покину свой покалеченный истребитель и не выпрыгну с парашютом? Я же сам много раз критиковал летчиков, которые вот так нелогично поступают. То есть стараются до последнего сохранить свой самолет и привести его на базу. Я же сам ругал таких пилотов, рискующих жизнью ради техники. Да, да, да! Сознаюсь. Ругал, ругаю и буду ругать. Но сейчас мне очень хочется сохранить свой «Спитфайр» и благополучно посадить его на нашем аэродроме. И это не какая-то глупая бравада. Это голимый расчет и большая пупырчатая жаба. Та самая пучеглазая земноводная зверюга, которая имеется у всякого уважающего себя попаданца. Вот это она меня сейчас душит не по-детски. И громко так квакает прямо в ухо. Напоминая мне, как я мучился с постоянно заклинивающими авиапушками на моем первом «Спитфайре». Там же в каждом бою пушки отказывались стрелять нормально. А это чревато для здоровья. А я свое здоровье берегу. И очень его не хочу потерять из-за того, что мое оружие переклинит в самый неподходящий момент. И тогда я не смогу отстреливаться от врагов. А этот истребитель мне очень нравится. Его автоматические пушки работают как часы. Швейцарские! Ни одной задержки. Вот с таким оружием можно спокойно в бой идти. Зная, что оно тебя не подведет. Именно, поэтому я сейчас и рискую своей жизнью. И веду поврежденный самолет вместо того, чтобы выпрыгнуть из него с парашютом. Впрочем, не так уж и сильно я здесь и сейчас рискую. Если подумать, то ничего страшного пока не произошло. Мотор хоть и плохо, но работает. Мой «Спитфайр» все еще летит. Дыма и огня не видно. И не думайте, что я такой уж бесстрашный идиот. Как только из-под капота двигателя появится огонь, то я тут же покину кабину этого истребителя. И сделаю это быстрее собственного визга. Я же не какой-то безбашенный отморозок, который не боится поджариться заживо.

К счастью, движок отрубился, когда я уже подлетал к взлетно-посадочной полосе нашей авиабазы. Нет, не загорелся. И даже не задымился. А просто несколько раз чихнул и замолк. Помер, топтыжка! Ну, хоть так. Хорошо, что не раньше это случилось. Немного подумав, все же решаю садиться. Взлетную полосу я отсюда вижу отчетливо. Скорость и высота вполне позволяют совершить идеальную посадку. Даже без работающего мотора. Самолет то рулей очень неплохо случается. Тяги крыльев не повреждены. Нормально летит, в общем. Буду садиться! Тем более, что я уже что-то подобное в своей жизни делал. Приходилось мне сажать самолет на вынужденную посадку. И не один раз. И ничего. Справился. И даже не покалечился при этом. Вот и сейчас все получится. Такой опыт у меня есть. Я прекрасно знаю, что надо сейчас делать.

Аккуратно захожу на посадку. Выпускаю шасси. И открываю фонарь кабины на всякий случай. Это чтобы быстрее выскочить, если самолет загорится вдруг. Скорость без тяги винта падает ощутимо. Но пока в пределах нормы. Опускаюсь все ниже и ниже. Вот подо мною уже бетонная полоса. Выпускаю закрылки, снижая скорость полета еще больше. Есть касание. Самолет слегка подпрыгивает, а затем довольно жестко опускается на бетонную поверхность. Какое-то время он катится, теряя скорость. Пока совсем не останавливается прямо посреди взлетно-посадочной полосы. Народ на аэродроме я заранее предупредил по радиации еще на подлете к Хорнчерчу. Поэтому они сразу же бросаются к моему застывшему истребителю. Со всех сторон бегут люди. А от КП мчатся две машины: пожарная и скорая помощь. Все правильно. Так и надо действовать при посадке аварийного борта. По инструкции так положено. А англичане инструкции уважают. Ведь они написаны кровью. Впрочем, я и сам эти инструкции прекрасно знаю. И помню — первое, что надо делать пилоту в таких ситуациях. Это как можно быстрее покинуть кабину самолета и отбежать подальше от него. А то вдруг он загорится или взорвется? Техника в аварийном состоянии очень опасна. Поэтому я так и делаю. То есть покидаю кабину моего истребителя с максимальной скоростью. И отбегаю в сторону. После чего оборачиваюсь и приглядываюсь. Нет, не горит. И взрываться вроде бы тоже не собирается.

После того как мой поврежденный самолет откатали в ангар. Его принялся осматривать Макглас. Я тоже посмотрел, что там случилось. М-да! Впечатляет. Снизу на носу «Спитфайра» в районе двигателя виднеется солидная пробоина с рваными краями. Это точно не пуля или снаряд прилетел. Больше похоже на крупный осколок. Позднее авиатехник подтвердил мои подозрения. Он там обнаружил кусок стальной тяги крыла «Мессершмитта», который и повредил мне мотор, влетев в него на большой скорости. Вот так вот! Я опять чуть не погиб от взрыва вражеского самолета. И это уже во второй раз за несколько дней. Что-то я слишком часто стал испытывать свою удачу на прочность. Как бы третий раз не стал для меня последним. И ведь я в бою все правильно делал. Вполне профессионально. Без лишнего риска старался воевать. И вот вам нате! От таких случайностей как взрыв вражеских самолетов в воздухе не застрахован никто. А тут вам уже никакое мастерство и боевой опыт не помогут. Чистая лотерея. «Чет» или «нечет». Как ставка в казино. Не люблю я такой непредсказуемости в бою. Но сегодня мне опять повезло. И судя по тому, какая царит в небе над Британией мясорубка. Удачу мне еще не раз придется испытать.

Вот Макглас закончил осматривать повреждения и выдал свой вердикт, что ремонт займет не менее восьми часов. Услышав это, невольно вздыхаю. Конечно, я что-то такое и предполагал. Пробоина в двигателе это вам не дырка в обшивке самолета. Это посерьезнее. Но вот восемь часов, которые мой истребитель будет вне игры. Вот это очень печально. Придется использовать другой самолет для полетов. Пока мой не отремонтируют. Придется брать тот самый «Спитфайр», на котором я летал ранее. Тот с бракованными пушками. Тем более, что он один и остался в запасе. Остальные запасные истребители у нас забрали для пополнения других эскадрилий. Распоряжаюсь, чтобы этот самолет подготовили для полета. Мне истребитель нужен. Хоть какой. А то чувствую, что сегодня немцы от нас так просто не отстанут. Судя по тому большому количеству вражеских самолетов сегодня в небе, Люфтваффе настроены серьезно. Раньше они так много самолетов не отправляли в налет.

Через тридцать минут новый, то есть мой «старый» истребитель готов к полету. И к этому времени возвращается из вылета наша эскадрилья. Внимательно считаю

приближающиеся «Спитфайры». Хм! Одного не хватает. Кого-то сбили? По приземлении интересуюсь у Литхэрта. Так и есть. Макс Мэркюрри не вернулся из вылета. Его самолет был подбит бортстрелком немецкого «Хейнкеля» и врезался в землю. Из него никто не выпрыгнул. Жаль! Еще одна потеря с нашей стороны. К такому я уже давно стал относиться философски. Идет война, и мы в любой момент можем погибнуть. И тратить из-за этого нервы я не считаю разумным. Я не впадаю в уныние как раньше в Испании. Когда мы теряли своих товарищей в бою с франкистами. Я сейчас спокоен и немного зол. И эту злость я потом выплесну на врагов в следующих боях. Такой настрой помогает не сойти с ума и побеждать, побеждать, побеждать.

И еще есть такая поговорка у военных людей. Что в случае гибели все мы попадем в рай, а враги просто сдохнут без покаяния. Очень правильная поговорка. Нацистов то в рай точно не пускают. А вот насчет себя я сильно сомневаюсь. Во-первых — я атеист. И во все эти придумки церковников про рай и ад не верю. И в Бога тоже не верю. Нет, точнее говоря, в того Бога из книжки, которого для себя придумали разные религиозные конфессии. С ангелами хранителями на правом плече и чертом на левом у каждого человека. С тем, что Бог внимательно следит за человеческими поступками. В бред про «избранный в глазах Бога народ». Да, и еще много претензий у меня возникает к религиозным текстам и священным книгам. Уж очень много там таких откровенных ляпов и нелогичных откровений. И самое главное, что меня бесит во всех религиях. Это матерая такая гордыня. Нет, ГОРДЫНЯ!!! Вот так вот. Большими буквами стоит произносить. Все эти церковные иерархи разных мировых религий на полном серьезе тешат свою гордыню. Выставляя человека чем-то особенным и совершенным. Сверхсуществом над которым трясутся высшие силы. Что это, как не ГОРДЫНЯ? Если Бог и существует, то не такой как в разных вариантах Библии или Корана. В моем понимании — это демиург. Творец и создатель вселенной. Он или Оно создало не только Землю, которая является просто песчинкой в мириадах других миров, но и всю нашу вселенную. И будет такая высшая сущность интересоваться поступками и жизнью какого-то человечка? Который при таких масштабах сравним даже не с муравьем, а с микровирусом. Вот вы будете наблюдать все время с интересом за муравьем или бактерией? А почему тогда Бог должен это делать? Вот, вот. Слишком много о себе люди возомнили в своем муравьином ничтожестве. Высшим силам нет до нас никакого дела. Они создали эту реальность. Запустили процесс эволюции живой и неживой материи. А дальше уже все развивается само собой. А человечество — это просто пылинка на обочине вечности. Бог если он и есть. Дал лишь первый толчок ко всеобщему развитию. Первый взрыв в котором и зародилась наша вселенная. А остальное его не интересует. Иначе не могли бы люди творить все те мерзости, которые они творят и будут творить на протяжении всей своей истории. Если бы Бог внимательно за ними наблюдал, как нам старательно внушают церковники. То он бы давно стер в порошок человечество за все его отвратительные поступки. А то, что всякую мерзость люди совершают еще и с именем Бога на устах меня откровенно бесит. ГОРДЫНЯ, мать ее!!! Так вот. Это было во-первых.

А во-вторых — если вдруг загробная жизнь все же существует. Да, да! Я такой противоречивый реалист. Если рай есть, то я в него точно не попаду. Вспомните первую заповедь, которую христианам подарил тот самый Бог. Вспомнили? Точно! «Не убий!!!» В общем, убийцы в рай не попадают. Что бы там вам не говорили всякие церковники. И какие бы вам грехи не отпускали за ваши деньги в богато украшенном храме, возведенном на деньги прихожан. Все это вранье. Если ты убийца, то ты убийца. И никак ты не можешь

стать праведником. Значит, исходя из этого, в аду для меня уже давно место зарезервировали. Я уже столько народу успел завалить. И еще убью. Этот бой был не последним в моей карьере летчика-истребителя. И пускай, я как в том голливудском кино. «Убиваю только плохих.» Но первую заповедь того самого Бога из Библии я уже нарушил и не один раз. Так что я к той поговорке не примажусь никак. Не смогу проскочить между струек и попасть в рай. Впрочем, я крутой пофигист. И меня загробная жизнь не пугает. Тем более, что я один раз там за кромкой уже побывал. И никаких ангелов или чертей там не видел. Ни рая, ни ада. Ничего! Поэтому я сейчас живу одним днем. Живу так, чтобы мне не было стыдно за все прожитые мгновения этой жизни. Стараюсь действовать по совести и по справедливости. Как я их для себя понимаю. И мне не нужны церкви и все эти упитанные и благообразные священники, которые успокаивают своим лживыми речами наивных дураков, безбожно грешащих и боящихся смерти.

Вернувшиеся с Литхэртом самолеты нашей эскадрильи после приземления облепили со всех сторон авиатехники. Довольно шустро они начали пополнять боезапас пулеметов и заливать топливо. Правда, один истребитель все же откатили в ангар. Ему требовался небольшой ремонт. А вот те, что были на ходу, оперативно готовились к следующему вылету. Докладываю Литхэрту о своем благополучном приземлении. На что он с улыбкой кивает и убегает на командный пункт. Двигаю за ним. Мне тоже хочется послушать, что там сейчас творится в эфире. Радио там есть. И связь с командованием по телефону. Если придет приказ на вылет, то я об этом узнаю одним из первых. А в том, что нас снова сегодня дернут на перехват вражеских бомбардировщиков, я уверен на все сто процентов. Люфтваффе сегодня, что-то грандиозное затеяли. Раньше сюда они такими армадами не летали. Значит, ждем.

Ждать пришлось не очень долго. Небольшая пауза в боевых действиях закончилась в 17.00 когда британские радары засекли новую армаду вражеских самолетов. По оценкам операторов радаров там летело не меньше двухсот пятидесяти самолетов. Кенли и Биггин Хилл немцы уже разбомбили ранее. И теперь намылились куда-то в район Лондона. Точнее никто сказать не мог. Поэтому вице-маршал Парк приказал нашей эскадрилье выдвигаться в район Кентербери. И патрулировать там до подхода самолетов противника. Кстати, пока мы ждали на земле, к нам на аэродром перебазировались: 32-я, 56-я и 501-я эскадрильи, вооруженные «Харрикейнами». И на авиабазе Хорнчерч стало довольно тесно. К счастью, Литхэрт меня успокоил, объяснив, что такое положение вещей будет временным. Эти дополнительные эскадрильи прибыли сюда лишь на время. Для совместного отражения массированного авианалета «джерри». В принципе, мысль правильная. Вот только меня беспокоило то, что здесь находилась сейчас и 501-я эскадрилья. Помните того скандального поляка Станислава Скальского? Того, что бросался на меня с кулаками в пьяном угаре? Он же как раз в этой самой 501-й эскадрилье и служит. Но пока мы с ним не встречались. Я старался не подходить к прибывшим к нам летчикам. Мне новый скандал не нужен.

И вот сейчас мы всеми четырьмя эскадрильями летим навстречу немецкой воздушной армаде. В общей сложности, нас было в данный момент не так уж и много. Всего тридцать три «Харрикейна» и четыре «Спитфайра». Погода совсем не радовала. Облачность и без того низкая стала еще более густой и низкой. Облака сейчас висели не выше полутора тысяч метров от земли. Уже позднее от пленных немецких пилотов мы узнали, что сейчас противник нацелился на две авиабазы. Хорнчерч и Ноз Вэлд были главными целями этой армады. У Люфтваффе на 18 августа 1940 года имелся очень простой план. Геринг

планировал уничтожить четыре основных авиабазы британцев в этом районе. И тем самым захватить господство в небе над Британией. Вот только он не учел одного. Решимости британцев и их союзников драться до конца.

Зрелище накатывающейся на нас волны вражеских бомбардировщиков и истребителей было завораживающим. Давненько я такой толпы в воздухе не наблюдал. Пожалуй, с Испании. Сейчас на нас летело около сотни «Хейнкелей» He-111 и «Дорнье» Do-17, которых прикрывали около полутора сотен «Мессершмиттов» Bf-109 и Bf-110. Правда, все эти самолеты летели не компактной группой, а растянулись далеко по фронту с большими разрывами. Но все равно, это впечатляло. Нас заметили. И к нам на перехват ринулись вражеские истребители. Не все сразу, конечно, но их тут было до хрена!

Наша эскадрилья нацелилась на восьмерку Bf-110, которые приближались к нам с вполне понятными намерениями. И низкая облачность сейчас им была на руку. В лобовой атаке они нас своими пушками сомнут. Передаю эту мысль Литхэрту, который и сам это прекрасно понимает. И уводит нас в облака. Какое-то время летим в серой пелене. Ни черта не видно. Радует только то, что сейчас наши «Спитфайры» летят разряженным строем далеко друг от друга. Это, и еще опытные пилоты, которые остались в данный момент в 54-й эскадрилье, дает надежду на то, что мы не столкнемся в воздухе друг с другом. Не столкнулись. А немцы, судя по всему, за нами в тучи не полезли. Тоже поняли опасность такого столкновения. В облаках же видимость нулевая. Там ты вслепую летишь, ориентируясь только по приборам и доверяя собственному чутью. И хорошо, что на наших «Спитфайрах» установлены рации. А то я прекрасно помню, как мы мучились в Испании без радиосвязи. Да, и в Китае у нас не все самолеты были радиофицированы. Что тоже создавало серьезные трудности в координации действий пилотов в воздушном бою. Это потом в советских ВВС на всех самолетах стали устанавливать рации. Кстати, я к этому процессу тоже руки приложил. Доказывая большому начальству преимущество самолетов с рациями. И не только я там засветился. Рычагов ведь тоже свою долю внес в радиофикацию истребительной авиации Советского Союза. Хоть что-то мы с ним успели сделать перед Большой Войной. Эх, товарищ Сталин, товарищ Сталин! А все из-за тебя и твоих инициативных идиотов из НКВД. Я же еще столько не успел сделать для СССР. Но теперь те уже чего? Теперь бояться поздно. Я уже здесь, а не в Советской России, как ее тут англичане называют. И воюю с нацистами вот за светлое будущее британского народа и всего мира.

С этими грустными мыслями по команде Литхэрта вынырываю из облаков. Ух ты! Хорошо мы вышли. Правильно! Позади осталась свалка из «Мессеров» и «Харрикейнов». Они там сейчас очень заняты. Немецкие истребители пытаются не дать нашим «Харрикейнам» из 32-й, 56-й и 501-й эскадрилий прорваться к бомбардировщикам. И им в данный момент не до нас. Наш героический пролет в облаках они благополучно прохлопали ушами. И сейчас мы здесь. Вынырнули из облачности прямо перед строем нацистских бомбовозов. Не ждали? А мы вот приперлись! Перед нами во всей красе летит группа из восемнадцати «Дорнье» Do-17. Этот двухмоторный бомбардировщик был не самым удачным продуктом немецкого военпрома. Не бронированный. Со слабым оборонительным вооружением. Скорость, дальность полета и бомбовая нагрузка не самые впечатляющие. Короче говоря, отстой полный. Не зря потом Люфтваффе от них откажутся. Их и сейчас не так уж и много на вооружении стоит. А к моменту нападения на СССР еще меньше станет. В общем, не самые это популярные самолеты в германских ВВС. И мы сейчас еще немног подсократим их количество. Нам повезло выйти из облаков сверху в левой-передней

полусфере от вражеских бомбовозов. С этого ракурса у них очень мало пулеметов сможет работать по нам. Когда мы их атакуем. Молодец, комэск! Четко он нас на цель вывел! Грамотно! Вдалеке вижу, как группа немецких истребителей спешит в нашу сторону. Нет, не успеете вы, фашистики, нас перехватить. Слишком далеко.

Беру в прицел двухмоторный бомбардировщик, летящий третьим с правого фланга вражеского строя. Этот будет моей первой добычей. Перед атакой мы по радио заранее распределили кто и куда будет стрелять. Это чтобы путаницы не вышло. Чтобы друг другу не мешать. Чтобы мы не палили из всех стволов по одной мишени. Никакого ажиотажа. Работают профессионалы. Понеслась! Нажимаю на гашетки, и к неторопливо летящему «Дорнье» тянутся трассы моих автоматических пушек и пулеметов. Это вам не легкий и одномоторный «Мессершмитт». Такой двухмоторный бомбер короткой очередью не собьешь с одного захода. Тут надо патронов не жалеть. Есть контакт! Вижу отчетливое попадание в район кабины и в правый мотор, который сразу же загорается. Подбитый Do-17 резко накрывается на правое крыло и устремляется вниз. Скорее всего, убит пилот? Один готов! Прохожусь пушками и пулеметами по еще двум бомбардировщикам противника пока пролетаю над их строем. Попал, вроде бы, но не так смертельно как в первого. Краем глаза замечаю, как пара Литхэрта сбивает еще один «Дорнье». Мой ведомый тоже стреляет. Но не так эффективно. Все же слабоваты эти пулеметы для таких крупных мишеней. Тут в упор надо садить из всех стволов. А мне такой экстрим не нужен. Поэтому наша пара сейчас быстренько проскакивает и уходит наверх прямо в тучки. Там мы отлетаем подальше и опять ныряем вниз.

Самка блохастого енота-а-а!!! Выпав из облака, мой «Спитфайр» чуть было не врезался в пролетающий мимо «Мессершмитт» Vf-110. Предупреждающе ору своему ведомому. Пускай поостережется. Еще немного и мой истребитель бы задел «церштерер» правым крылом. Адреналин в крови от такого экстрима резко подскочил. А ведь могло и полоснуть? Но не сегодня. Бабушка с косой промахнулась на несколько сантиметров. А вот хрен тебе по всей морде! Сегодня я не твой! Резко вывожу свой истребитель из пике. И энергичным боевым разворотом захожу снизу в хвост другому «сто десятому». Кстати, двухмоторных «Мессеров» я насчитал в этой группе шесть штук. Это их я недавно видел вдалеке при атаке на бомбардировщики противника. М-да! Как-то я малость недограссчитал. Думал, что в стороне от них выйду из-за облаков. А получилось вон как. Чуть не вмазался в них на полной скорости. Бр-р-р!

Получи, фашист, гранату! Отрабатываю из всех стволов короткой очередью прямо по брюху «сто десятого», идущего последним во вражеском строю. Попал! Смотри, горит! Падает! Второй готов! Но мне на него любоваться некогда. Эти нацистики уже поняли, что что-то здесь нехорошее происходит. Вон как засуетились. Пытаются уйти на вираж. Пока они там копались, успеваю срезать еще один двухмоторный «Мессершмитт». Пушки рулят! Третий готов! И быстренько отваливаю в сторону. От тянущихся ко мне пулеметных трассеров вражеских бортстрелков. Вы не забыли, что у Vf-110 имеется задняя турель бортстрелка сразу же за кабиной пилота? Пулеметик там, конечно, слабенький. Калибр 7,92 мм. Патрон от знаменитой германской винтовки «Маузер» К-98. Но моему «Спитфайру» и этого может хватить. Поэтому я сейчас от греха подальше увожу его в левый вираж и затем вниз.

М-да! А немцы то за мной ну никак не поспевают. Не могут эти неуклюжие «церштереры» поймать мой юркий «Спитфайр». Не успевают довернуть. Разворотистость у

них не та. Я быстрее разворачиваюсь. А вот и мой ведомый подключился к общему веселью. От меня то он оторвался во всей этой суматохе. И правильно сделал, между прочим. Если бы я его тогда не предупредил вовремя, и он бы полетел за мной. То Колин Грей, наверняка, бы врезался в один из этих «сто десятых». А так он резво ушел в сторону. Там развернулся и атакует немцев с другого фланга. Вот в одного попал. Но не сбил, конечно. Пулеметы, пулеметы! Матов на них у меня не хватает.

Немчура забеспокоилась. Двое уходят вниз и влево. А другая пара пытается ускользнуть правым виражом и рвануть наверх в облака. Те двое, которых я подстрелил раньше, уже упали. Тут до земли не так уж и много лететь. Всего то тысяча метров. А в небе виднеются четыре купола парашютов. Все нацистики из тех «цершгереров» выпрыгнули, значит. Пилоты и бортстрелки. Впрочем, мне сейчас не до них. Быстро решаю: «За кем же гнаться?» Решил. Разворачиваюсь за той парой, что сейчас намылилась удрать в облака. Нет, нет, гады пупырчатые, так просто я вас не отпущу. Поднимаясь вверх, «сто десятые» теряют скорость. Нет, это не их конек. Вот пикируют эти двухмоторные «Мессершмитты» неплохо. А быстро наверх лезть им мощи двигателей не хватает. Слишком тяжел у них планер. Большой и бронированный. Очень тяжелый, однако. И для этого еще надо неплохо так разогнаться. Чтобы быстро наверх выскочить. Это как на качелях качаться. Чем выше скорость вниз, тем быстрее взлетаешь потом вверх. Законы физики во всей своей красе. А у этих двоих «цершгереров» скорость изначально была не очень большая. Они же на виражах пытались со мной крутиться. А там особо не разгонишься. Самолет с поршневым двигателем только в пикировании по прямой линии может разогнаться до максимальной, штатной скорости и даже превысить ее. Это знает любой летчик. Даже новичок. А когда ты крутишься в небе в разные стороны, то скорость ощутимо падает. Впрочем, немцам должно было хватить скорости, чтобы уйти в облака. Это они правильно рассчитали. Только один фактор не учли. Меня!

Вот на верхнем выходе из виража я их и подловил. Целью выбираю головной «Мессершмитт». Он натужно ревя моторами, лезет вверх. Быстро догоняю его, заходя сбоку. Так чтобы не подставиться под огонь вражеских бортстрелков. Беру упреждение и открываю огонь. Ах тыж-ж-ж! Пушки, выплюнув пару снарядов, замолкают. Все! Снаряды кончились! Но пулеметы то еще работают. Добиваю очередь. Вроде бы, попал? И неплохо так попал. Головной «сто десятый» на мгновение замирает в воздухе, а потом как-то неуклюже начинает сваливаться в штопор. Пошел, родимый. Прямо вниз. К земле. Но не горит. Странно? Наверно, я убил пилота? Целился то в кабину. И попал туда же. Четвертый готов, в общем! Оставшийся «цершгерер» проскакивает мимо меня. И я успеваю облить его очередями из пулеметов. Все! Ушел, гад пупырчатый! Растворился в облаках. Теперь его хрен догонишь. Я по нему тоже, вроде бы, не промахивался? Но вот гарантированно сбить не смог. Два пулемета винтовочного калибра — это несерьезно. Да, еще и против «цершгереров» с их противопульной броней. В общем, ничего серьезного я ему там не отстрелил. Потому и ушел он так бодро от меня.

— Ай, я горю! Меня подбили! — внезапно слышу испуганный крик своего ведомого.

— Что случилось? — быстро спрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

— Алекс, я горю! Чертов «джерри» меня подстрелил из своего заднего пулемета! — орет Колин Грей.

— Колин, ты ранен? — с тревогой спрашиваю у него я.

— Что? Нет, я не ранен! Но мой самолет только что загорелся! — срывающимся от

адреналина голосом кричит мой ведомый.

— Прыгай тогда! — приказываю я, увидев, наконец, горящий «Спитфайр», на который слева заходят два «сто десятых». Это та парочка, что пыталась удрать вниз пикированием. Колин за ними погнался и получил горячих огурцов прямо по морде. Увлёкся парень в охотничьем азарте. И подставился под огонь бортстрелка. А немец не промахнулся.

— Но, сэр, тут слишком низко для прыжка с парашютом! Я разобьюсь!

— Тяни вверх и прыгай оттуда! Это приказ! И не бойся, я тебя прикрою!

— Понял, Пятый! Выполняю!

Горящий «Спитфайр» начинает лезть на вертикаль. Колин пытается набрать высоту, подходящую для прыжка. А я бросаю свой истребитель вниз в пологом пикировании. Лечу наперерез тем двум «сто десятым», что сейчас развернулись и пытаются добить моего ведомого. Эх, не успеваю! И поэтому открываю огонь издалека. Бью длинными очередями, не жалея патронов. Сейчас не время экономить боезапас. Целюсь в передний «цершгерер» с упреждением. Далёковато до него, однако. Но я и не планирую его сбивать. Нереально это. С такого то расстояния и такими пулеметами? Я же не джедай какой-то или супермен. Конечно, не собью. Но напугать должен. Внезапно мои пулеметы замолкают. Вот и все. Приплыли котятки по Амазонке! Патроны кончились! Но там внизу я своего добился. Немцы резко отвернули в сторону и стали улетать прочь. Они прекрасно помнили, как я их тут гонял на виражах. Испугались, герои картонные. Ну бегите, бегите. Я сегодня добрый. Так и быть. Отпускаю вас. Пока. Но в следующий раз пощады не будет!

А горящий «Спитфайр» моего ведомого, наконец-то, забрался повыше, и из него выпала маленькая фигурка человечка в темно-синей форме и желтом спасательном жилете. Есть! Раскрылся! Купол парашюта нормальной формы. Повреждений на нем не видно. Теперь Колину надо только благополучно приземлиться без травм. Вон внизу уже суется какие-то солдатики в британской форме. Они ему помогут. А мне пора лететь домой. Боеприпасов у нет. А значит, этот бой для меня закончился.

На авиабазу Хорнчерч после этого боя вернулись все. Только Колина Грея привезли уже в сумерках. Он был жив и здоров. Доволен жизнью и сильно пьян. И пахло от него совсем не пивом. А чем-то покрепче. Его же после приземления с парашютом там на поле подобрали британские пехотинцы. Которые ловили сбитых нами немцев. Наш бой они видели и наперебой поздравляли моего ведомого с победой. Хорошо так поздравляли. Душевно. В общем, на радостях, что остался жив сегодня, Колин Грей немного перебрал виски, которым его угостили. Стресс запивал. Понимаю. Сам бы тоже самое делал. Я уже не мальчик-зайчик. И прекрасно понимаю, что стресс людям на войне необходимо снимать. Чтобы они с катушек не слетели и не пошли вразнос. И алкоголь подходит для этого очень хорошо. Да, грубо. Да, некрасиво и неромантично. Но такова правда жизни. А помните наркомовские сто грамм водки, которые советским бойцам будут выдавать после боя? Вот! Даже красные комиссары, видя это, не трюндели. Потому, что понимали. Что эти сто грамм не пьянства ради принимают, а как антидепрессант для людей, которые потеряли своих товарищей и сами прошли по краю в бою. И сейчас во всех воюющих армиях мира такая практика существует. И не думайте, что я тут пьянство пропагандирую. Совсем нет! Просто факты вам излагаю. Поэтому Литхэрт тоже все понял и Колина не ругал за незапланированную пьянку. Все же сегодня мой ведомый едва не погиб страшной смертью. Сгореть то заживо никто не хочет. Бр-р-р! Страшная смерть! Но в бар сегодня Колина Литхэрт решил не пускать. Он и так уже выпил сверх нормы и еле стоял на ногах. Комэск в приказном порядке отправил

моего ведомого отсыпаться в казарму.

Больше мы 18 августа не летали. Натиск Люфтваффе удалось отбить и на короткое время все успокоилось. Правда ночью в небе моторы гудели. И зенитные прожектора постоянно шарили, пытаясь найти цель. Люфтваффе, потерпев неудачу днем, хотели отыграться ночью. Но у них ничего путного из этого не вышло. Ночью бомбить тяжело. Цели то не видно. Да, и ночные истребители у англичан тоже имелись. Не много, но они были. И довольно успешно срывали все ночные бомбардировки. Впрочем, у немцев тоже пока имелось не очень много ночных бомбардировщиков. Поэтому в эту ночь авианалеты были довольно слабыми. В общем, англичане смогли отбить все атаки на свой остров. Позднее этот день 18 августа 1940 года историки назовут «Самый тяжелый день в ходе битвы за Британию.» Из-за того, что вражеские авианалеты были в этот день наиболее массированными. И мы этот день благополучно пережили.

Глава 12

О наградах и разговорах с врагом

— Я сбить десять самолет! — распинается передо мной на плохом английском сухопарый, темноволосый человек в военной форме гауптманна германских ВВС с железным крестом на воротнике. — Пять Испания, два Франция и три Британия! А сколько сбил гер Матьрософф?

— Сорок четыре когда служил в советских военно-воздушных силах! — начинаю отвечать я, поморщившись от его жуткого акцента и от того, как этот немец переврал мою фамилию. Впрочем, почти все иностранцы ее правильно выговорить не могут. Или не хотят это делать.

— Но это есть Советский Россия, — перебивает меня германский пилот. — Я читай газета про это. А сколько гер Матьрософф сбить сейчас? На Британия?

— Здесь я уже сбил двадцать пять самолетов Германии! — жестко отвечаю я, глядя прямо в глаза этому фашисту.

— Оу, двадцать пять! — удивленно восклицает мой немецкий собеседник. — Это есть нереально! Фантастиш! Наши лучший ассы Германия столько не сбить за все время служба!

— Ты что не веришь мне что ли, морда нацистская? — говорю я нахмутив брови.

— О, нет, моя не нацист! — замотал головой немец. — Моя просто верить, верить! Но удивляться! Так быстро сбить. Гер Матьрософф здесь на Британия не очень долго воевать! Сколько воевать?

— Четыре дня, — все также хмуро отвечаю я. — Я воевал здесь всего четыре дня.

— О майн гот! — восклицает мой собеседник в сильном волнении. — За четыре дня двадцать пять воздушный победа! О, это есть грандиозный свершение! Очень большой. Вы великий человек, гер Матьрософф. Сверхчеловек! Настоящий арий!

— Ты этот бред свой нацистский брось тут распространять! — быстро начал говорить я, повышая голос. — Какой я тебе арий? Я русский! Ты понял меня? Русский! А ваша эта поганая теория про сверхлюдей — это жуткий бред. Я не знаю, что там ваш Гитлер и его приближенные курили или нюхали, когда придумывали все эти гнусные сказки про арийцев и сверхрасу в Германии. Это дурная и бредовая теория. В которую верят только дураки. А умные люди понимают, что нет никаких сверхлюдей. И я яркое тому доказательство. Я русский. Славянин. А славян ваш бешенный фюрер приравнял к евреям и обозвал неполноценными людьми. И как же тогда недочеловек вот так легко и быстро смог сбить несколько десятков германских арийцев? И тебя тоже сбил?

— О, нет! — поднял немец ладонь левой руки в отрицательном жесте, правая то у него была забинтована и висела на перевязи. — Я не верить. Я есть не нацист. Я есть не состоять в партии Гитлера. Я есть солдат Германия. Я сражаться за своя Родина.

— Ага, не нацист, значит? — усмехаюсь я в ответ. — Все вы там говорите, когда в плен попадаете. Ты не первый германский пилот, которого я сбил и с которым беседовал потом.

— Вы не любить Германия? — удивленно спрашивает мой собеседник в немецком мундире. — Но почему? Русские и немцы союзник сейчас!

— Ты что с дуба рухнул? — перебиваю его я. — Никогда Советский Союз и Германия не станут союзниками! Никогда! Твой любимый фюрер всех обманет и обязательно нападет на русских. Он нас ненавидит как и евреев. И никакой пакт о ненападении, недавно

подписанный с СССР, вашего долбанного Гитлера не остановит. У него нет чести и совести. Он животное! Бешенная собака! А бешенных собак надо пристреливать, чтобы они других не заражали своим бешенством! Но для вас немцев это делать уже слишком поздно. Вы уже заразились вирусом фашизма. А твою любимую фашистскую Германию я ненавижу за то, что вы уже сделали с этим миром и еще сделаете. Я видел в Испании на что вы способны. И это только начало. Вы же столько миллионов невинных людей еще уничтожите. Прежде чем вас остановят! Вы падете, причинив этому миру много горя и разрушений! А твой любимый Гитлер сдохнет как крыса, отравившись ядом!

— Э-э-э, я не хочу обидеть гер Матроссофф, — после недолгого молчания говорит немец. — Я хочу выразить свое восхищение его боевое мастерство. Я считаю гер Матрософф самый великий ас все времена. Это есть так! И я горд с вами встретиться!

Молча киваю ему в ответ. Немец щелкает каблуками, принимая стойку смиренно и тоже кивает мне. И делает он это очень уважительно. Как низший высшему. После чего разворачивается и уходит. Уф! Ну, вот и поговорили. Что тут сейчас происходило? Сейчас объясню. 19 августа погода окончательно испортилась и зарядили затяжные дожди. Понятное дело, что в такую стремную погоду никто не станет летать. Все полеты отменили. Нимы, ни немцы не совались в небо. Кстати, такая погода типична для Британии. И даже летом здесь никого не удивишь туманами, густой облачностью и дождями. Бр-р-р! Не люблю я всю эту слякоть. Потому и принял решение жить в солнечной Австралии, а не здесь в слякотной и дождливой Британии.

А дожди все продолжали идти, и синоптики уверенно говорили, что вся эта непогода опустилась на Англию надолго. В связи с чем, нашу эскадрилью решили перебросить на авиабазу Каттерик. Она находилась в северном Йоркшире, что было довольно далеко от линии фронта. Там нас должны были пополнить личным составом и самолетами. А то от 54-й эскадрильи в ходе этих боев мало что осталось. Сточилась она за несколько дней, теряя людей и технику. Отчего боеспособность была довольно низкой. Вот командование и решило нам дать отдых, а заодно и пополнить наши ряды. Мне, в связи с этим, дали короткий отпуск на четыре дня. Все равно, нашу эскадрилью пока не планировалось привлекать к боевым действиям. А мне такое было только на руку. Я сразу же рванул к жене. Анна Мария меня там заждалась. И я ее прекрасно понимаю. Бросил, понимаешь беременную супругу одну в чужом городе. Но она у меня не только красавица, но еще и умница. Идеальная жена боевого офицера. Она у меня хорошо понимает, за кого замуж вышла. И не бухтит без лишнего повода. Повезло мне с ней. Живем душа в душу. Хотя я давно заметил, что здесь в этом времени женщины не такие меркантильные и стервозные, как это было в двадцать первом веке. Вот там у них все завязано на комфорт, деньги и материальное благополучие. И человеку военному очень сложно найти терпеливую и понимающую супругу. Способную терпеть все тяготы и лишения военной службы вместе с мужем. Мало там таких баб было. А мне вот повезло встретить самую идеальную офицерскую жену. Но для этого пришлось умереть там и возродиться здесь в 1935 году.

Жена сильно обрадовалась, увидев меня на пороге нашей квартиры. Она же думала, что здесь все как в Советском Союзе. Это там если муж уехал на войну, то его не будет несколько месяцев. Вот и здесь думала, что будет также. А тут такой сюрприз. Приятный. Мне тоже было приятно. Честно говоря, нужен был мне этот отдых. Уж слишком силен был накал боев в воздухе над Британией. Слишком много вылетов и сражений, в которых гибли мои боевые товарищи. Тяжело это для психики. Нельзя все время воевать без роздыху.

Перерывы нужны во всех этих сражениях. А то ведь так и свихнуться можно. Кстати, это не я сам выдумал. У многих пилотов после нескольких недель воздушных боев начинался нервный срыв. Эта проблема была известна всем воюющим странам. А я вот вспомнил, что в Великой Отечественной войне советские летчики и другие военнослужащие так и будут воевать аж четыре года подряд. Без отпусков или перерывов, между прочим. И как они такой прессинг на психику только смогут выдерживать? Не знаю. Не знаю. Уже за одно это им всем памятники надо ставить при жизни.

Но вернемся к нашему повествованию. Пока я отдыхал дома с женой. Ко мне пришло приглашение на церемонию награждения в Букингемский дворец. Не забыл обо мне король. Он же там обещал разобраться с моими наградами. И слово свое сдержал. 22 августа я находился в королевской резиденции. Награждали не только меня одного. Награждаемых было довольно много. Несколько десятков. В основном — это были летчики и моряки. Присутствовали среди них и зенитчики. Даже один сержант пехотинец имелся. Он получил медаль за захват сразу нескольких немецких парашютистов. Всех, между прочим, награждал Георг Шестой лично. Мне он выдал сразу две награды: планку второй степени на мой орден «За выдающиеся заслуги» и крест «За выдающиеся летные заслуги». Вторая награда была серебряным крестом, висящем на серебряной узкой планке с белой лентой в косую фиолетовую полосу. Этот крест тоже был первой степени. И к нему также потом добавлялись планки за каждое следующее награждение. В общем, сразу две висюльки мне британцы выдали по совокупности моих боевых заслуг. Я уже успел сбить 25 германских самолетов, находясь на службе Его Величества. И снова стал самым результативным асом только не советских, а уже Королевских ВВС. Пока ни один британский пилот столько воздушных побед не имел. Я стал первым э-э-э... «австралийцем» и подданным британской короны, который столько врагов уничтожил в воздухе.

На церемонии награждения я также познакомился с одной интересной исторической персоной. Ее звали принцесса Елизавета Александра Мария. Да, да! Та самая! Которая в последствии станет знаменитой на весь мир королевой Елизаветой Второй. Меня ей представил сам король. Ее папа Георг Шестой. Мы вроде бы, с ним были уже хорошими знакомыми? По крайней мере, меня британский монарх особо выделял из всей этой толпы награжденных. Мы с ним начали общаться на авиационные темы. И тут к нам буквально подлетело это чудо. Эта девочка четырнадцати лет была довольно милой. Не сказать, что красавица. Но довольно симпатичная и улыбчивая. И общительная до невозможности. Так, что папе приходилось ее несколько раз одергивать. Этой будущей королеве было все интересно о моей службе, о самолетах и о войне в воздухе. Она с ходу забросала меня вопросами. Причем, было видно, что интересуется искренне и ей это действительно интересно. И общалась она со мной с такой детской непосредственностью. Что я невольно засомневался, что передо мной сейчас находится та самая великая и ужасная Елизавета Вторая. Ну, никак не походила эта открытая и общительная особа на ту чопорную и стервозную старушенцию, которую я видел там в своей прошлой жизни. В двадцать первом веке. М-да! Как же корона портит людей, однако?

Но это были не все сюрпризы на сегодня. К нашей компании как-то незаметно подошел премьер-министр Уинстон Черчилль. Я его сразу не заметил. Меня принцесса Елизавета отвлекала своими вопросами. Вот он и подкрался. Блин! Дожили. Такого борова не заметить — это надо уметь. Совсем хватку теряю как летчик-истребитель. Расслабился. И по сторонам перестал смотреть, понимаешь! Ну, это я так. Шучу! Кстати, вот с Черчиллем я

тоже один раз уже встречался до этого. Меня ему представили раньше. Когда решалась моя судьба. Типа, быть мне подданным британской короны или нет. Вот тогда мы в нем и встретились. И перекинулись парой слов. И мне тогда показалось, что я ему не понравился. Смотрел он на меня довольно подозрительно. Хотя и поздоровался, вежливо пожав руку. Политик одним словом. Смотрел на меня и прикидывал, как же ему это использовать в его политических играх. В общем, с этим персонажем у меня дружбы не получилось. А не очень то и хотелось. Мне Черчилль не симпатичен. С его маниакальной ненавистью к коммунистам и СССР. Не сможем мы с ним стать друзьями. Вот с королем я уже наладил контакт. С Георгом Шестым мне комфортно общаться. А Черчилль хоть и улыбается и руку жмет, а глаза у него холодные и расчетливые. Как у змеи, которая решает куда вонзить свои ядовитые клыки. Очень неприятный человек. Очень. Но мне с ним сориться не с руки. Поэтому я улыбаюсь в ответ и жму руку премьер-министру Великобритании, изображая радушие.

А подошел ко мне Черчилль не просто так. Такие политики как он ничего просто так не делают. А задумал наш английский боров очередную пиар-акцию. Помните, я 18 августа в первом вылете сбил два «Мессершмитта» Вf-109Е? Пару. Ведущего и ведомого. Ведомый тогда взорвался и погиб вместе со своим истребителем. А вот ведущий немец с нарисованным зеленым сердцем под кабиной был ранен в правую руку пулей из моего пулемета, но смог выпрыгнуть из горящего «Мессера» и спастись на парашюте. Повезло, в общем, арийцу. Немца этого на земле приняли британские пехотинцы. Оказали первую медицинскую помощь, не дав истечь кровью. И отправили на допрос. После допроса германского пилота ждал лагерь для военнопленных. Стандартная процедура, однако. Но во время допроса немец представился как гауптманн Ханнес Траутлофт, командир третьей группы 51-й истребительной эскадры Люфтваффе. И потребовал встречи с пилотом, который его сбил. Большую, жирную, желтую пятерку на фюзеляже моего истребителя он хорошо рассмотрел. Поэтому меня вычислили довольно быстро.

Вот Черчилль об этой просьбе сбитого немецкого аса как-то узнал. И решил это использовать. Решил нашу с ним встречу осветить в прессе. Газетчиков и кинооператоров он заранее пригласил. Впрочем, тут на награждении их и так хватало. Вот так под прицелом фото и кинокамер мы с моим врагом и встретились. И поговорили немного. Каюсь! Не сдержался и сказал этому немцу пару ласковых. Вот не рыцарь я ни разу. Это англичане любят изображать из себя благородных рыцарей. Придумывают все эти ритуалы общения с поверженным врагом. Культурные и вежливые с расшаркиванием. Только я не британец. Я русский. И я прекрасно знаю, что будут творить соплеменники этого немца с русскими пленными и евреями. Это с англичанами они благородных рыцарей из себя изображают. Но я то знаю, какие мерзкие преступления против человечности эти арийские твари будут совершать на моей Родине. Как они будут там себя вести. Ни разу не по-рыцарски. Поэтому у меня с ними разговор будет короткий. Увидел — убил! Хороший нацист — это мертвый нацист! Этому немецкому асу повезло. Он после встречи со мной в небе выжил. Правда, руку я ему хорошо так раздробил пулей. Повезло ему, в общем.

Кстати, я о нем где-то слышал. Траутлофт, Траутлофт? Знакомая фамилия? Вроде бы, ас не из самых крутых? Точно! Середнячок. Должен был сбить в конце войны около шести десятков самолетов. И большая часть из них на Восточном Фронте в России. Но не это главное. Этот ас Люфтваффе прославился как самый выдающийся командир знаменитой 54-й истребительной эскадры. Той самой с эмблемой зеленое сердце. Русские пилоты их из-за

такой эмблемы будут еще называть «зелеными задницами». Кстати, зеленое сердце было изначально личной эмблемой Траутлофта. Ему ее за какие-то там заслуги присвоили. А уже потом 54-я эскадра Люфтваффе решит взять себе эмблему своего знаменитого командира. Ох, и попьют они русской кровушки во время Великой Отечественной войны. Хотя, нет! Уже не попьют. Сейчас я раздавил огромную такую бабочку. И внес изменение в истории, сбив Траутлофта над Британией. В другой то истории он уцелел и продолжил летать. Но здесь он уже никуда не полетит, а всю войну просидит в лагере для военнопленных. У англичан с этим строго. Не будет успешных побегов из их лагерей. А значит, и Траутлофт не будет командовать «зелеными задницами» при нападении на Советский Союз. И возможно, из-за этого они будут менее эффективны в бою? От командира зависит многое. Не даром говорят, что овцы под предводительством льва круче львов под командованием барана. Впрочем, меня взбудрило уже то, что одного немецкого аса из этой истории я все же выпилил. И теперь он не убьет несколько десятков русских летчиков. А значит, я уже не зря тут летал.

Глава 13

Новый аэродром

Но 24 августа 1940 года мой отдых закончился. Погода, наконец-то, пришла в норму и противник возобновил налеты на Британию. В связи с этим, нашу эскадрилью перебросили на новое место службы авиабазу Манстон. Этот аэропорт на восточном побережье Кента до войны использовался гражданской авиацией. А с наступлением войны его начали эксплуатировать Королевские ВВС. Расположенная недалеко от моря, авиабаза находилась ближе к побережью Франции и Голландии, оккупированных немцами, чем Хорнчерч. Именно оттуда к нам прилетали вражеские самолеты. То есть Манстон считался передовой линией фронта. И был более опасным местом службы чем Хорнчерч, на котором мы базировались ранее. И это было видно сразу же по приземлении. В глаза бросались многочисленные воронки от авиабомб, засыпанные землей. Но на травяном поле они все равно были отчетливо видны. Как круглые заплатки цвета земли. Два ангара имели серьезные повреждения. Следы пожаров и взрывов также виднелись в разных частях авиабазы. Останки сгоревших английских самолетов тоже встречались. Их британцы стащили в одно место на окраине аэродрома, чтобы не мешались. На бетонной взлетной полосе также виднелись четыре воронки, наспех забетонированные. Свежий бетон был прекрасно виден на фоне старого, потемневшего от времени. И еще прямо возле авиабазы метрах в восьмистах лежал на земле сбитый немецкий самолет «Юнкерс» Ju-87. В общем, все это намекало на то, что служба здесь будет не такой легкой и комфортной, как на авиабазе «Хорнчерч». Это вам не тыловой аэродром. Тут все по-взрослому. Видимо, бомбили его уже не один раз. И это меня сильно насторожило. И заставило с ходу предложить Литхэрту организовать боевое дежурство. Чтобы на аэродроме всегда имелась хотя бы одна пара наших истребителей, готовая к взлету. Он со мной согласился, заявив, что и сам уже об этом задумался. А то в Хорнчерче мы сильно расслабились. Там мы находились довольно далеко от линии фронта. Поэтому заранее получали предупреждение о появлении самолетов противника. И всегда успевали взлететь наперехват раньше, чем немцы могли до нас добраться. А тут вот, судя по всем этим повреждениям аэродромной структуры и сгоревшим самолетам, которые были разбомблены на земле, мы можем и не успеть вовремя среагировать на вражеский авианалет. Поэтому нам придется держать в готовности дежурную пару истребителей. Не расслабляться и быть готовым к вылету в любой момент.

Хочется немного рассказать про наше пополнение. Большую часть из новых летчиков составляли совсем не опытные асы. Это были молодые летчики, только что закончившие летные школы. Совсем еще безусые юнцы. Правда, один «новичок» порадовал нашего командира. Точнее говоря, он был совсем не новичком, а членом нашей 54-й эскадрильи. Которого сбили во время моего первого боевого вылета 15 августа. И звали этого заслуженного кадра Алан Кристофер Дир. Он был уроженцем Новой Зеландии и имел звание летчик-офицер Королевских ВВС. То есть старший лейтенант по советским меркам. Это был довольно опытный летчик-истребитель, на счету которого уже имелись сбитые самолеты противника. Но он не этим прославился среди своих сослуживцев, а своей феноменальной выживаемостью. Этого пилота сбивали уже третий раз с начала войны. И всякий раз ему везло. Он выживал, не получал тяжелых травм и ранений при этом. Сослуживцы его в шутку даже обозвали «Человек Катастрофа».

Вот и 15 августа 1940 года его «Спитфайр» был подбит и загорелся. Алан выпрыгнул с парашютом, но при этом умудрился повредить ногу о хвостовое оперенье своего истребителя. Такое с летчиками случается часто. Не всегда удается выпрыгивать благополучно из горящих самолетов, которые еще и падают вниз. При неудачном покидании кабины можно сильно удариться о хвост своего самолета. И от этого получить травму, а то и сознание потерять. Но Алану Диру повезло. Он ударился о руль высоты не головой, а левой ногой. И при этом даже ногу не сломал, а только сильно ее ушиб. Но этого хватило, чтобы загреметь в госпиталь. Но там новозеландец долго не задержался. И пролежав в госпитале Виктории несколько дней, удрал оттуда обратно на фронт. Правда, к тому времени нашу эскадрилью отвели в Каттерик для отдыха и пополнения. Поэтому нашему герою пришлось туда добираться на попутках. Но он все же добрался. И сразу же захотел приступить к своим служебным обязанностям. Хотел летать. Однако, был жестоко обломан врачами. Они Диру хотели обратно в госпиталь отправить. Он все еще ощутимо хромотал и морщился от боли при ходьбе. Но тут за «Человека Катастрофу» вступился Литхэрт. Здесь он размышлял как друг и хороший командир. Такими опытными пилотами как Алан Дир грех разбрасываться. Сейчас у нас каждый летчик на счету. Наших то новичков кто-то должен обучать премудростям воздушного боя. А то программа, по которой они выпускались из летных школ, была ускоренной. И их там особо воевать не учили. Не учили выживать в суровом фронтовом небе. Поэтому нашей 54-й эскадрилье Королевских ВВС до зарезу нужны были пилоты с боевым опытом. Чтобы разбавить неопытных новичков и приглядывать за ними в бою. Поэтому Литхэрт Диру у докторов отбил. Правда, пообещал им, что Алан больших нагрузок на больную ногу давать не будет. И станет наблюдаться у наших медиков на авиабазе. Дир на все сразу был согласен. И режим соблюдать и лечиться. Но только в расположении нашей части. Правда, потом с началом активных полетов он о своем обещании благополучно забыл и начал летать наравне со всеми. И все закрыли на это глаза. Так как враги опять стали устраивать массированные авианалеты на Британию. Тут уже было не до соблюдения медицинских норм и требований. Тем более, что Алан Дир у нас был мальчиком взрослым. Который сам отвечает за свои поступки. Вот решил он гробить свое здоровье. Решил летать с больной ногой. Это его решение. И пускай потом не жалуется. Наш командир ему потом об этом прямо сказал. И я был тому свидетелем. Впрочем, мы об этом потом ни разу не пожалели. Летал этот новозеландец очень хорошо и дрался с вражескими самолетами в небе тоже совсем неплохо. Так наша эскадрилья получила хорошего летчика-истребителя, а он разрешение летать и воевать. И никто в накладе не остался.

В Манстон наша эскадрилья перебазировалась к обеду 24 августа. Обстановка тут была нервная. Кроме нас здесь базировались еще две эскадрильи: 264-я и 65-я. 264-я была вооружена истребителями «Дифайент». Помните, тот смешной «турельный истребитель»? У которого не было курсового вооружения, и стрелять вперед он не мог. Вот целая эскадрилья таких странных самолетиков и базировалась здесь на авиабазе Манстон. Правда, в дневных боях их не использовали. Командованию хватило мозгов этого не делать. Хотя раньше 264-я эскадрилья и участвовала в отражении дневных авианалетов нацистов на Британию. И понесла при этом огромные потери. Тихоходные самолеты Болтон-Пол «Дифайент» были беспомощны против шустрых и маневренных «Мессершмиттов» Vf-109E. Немцы быстро это поняли и устроили «Дифайентам» тотальный геноцид. К счастью, там в британских штабах это тоже быстро сообразили. И теперь 264-я эскадрилья переключилась на ночные перехваты вражеских бомбардировщиков. А вот 65-я эскадрилья Генри Сойера летала на

таких же «Спитфайрах» как и мы. Они тоже как и мы летали днем. Поэтому в дальнейшем мы чаще контактировали с парнями из 65-й эскадрильи. А пилоты 264-й днем отсыпались, а вот по ночам воевали в небе.

Не успели мы приземлиться в Манстоне и кое-как обустроиться. Как нам пришлось экстренно взлетать. Британские радары засекали большую группу вражеских самолетов, которая двигалась в нашу сторону. Комэск 65-й эскадрильи нам успел рассказать, что они сегодня уже летали на перехват и успели подраться в воздухе с самолетами «джерри». И вот сейчас немцы опять прилетели. Кстати, зря я хвалил здесь интеллект британского командования. Перехвалил я их, однако. 264-ю эскадрилью тоже вместе с нами отправили в бой. М-да! Везде большие военные начальники одинаковы. Я то раньше думал, что только в советских вооруженных силах существовало вот такое затыкание дыр и заваливание врага телами своих солдат. Но здесь я понял, что и педантичные англичане тоже подобным идиотизмом грешат. Вот на фига они сейчас отправили на перехват «Дифайенты», которые мало приспособлены для дневных боев? Это же только лишние и ненужные жертвы с нашей стороны. Полноценно драться сейчас они не смогут, а нам будут только мешать. Это ночью от «Дифайентов» есть хоть какая-то польза. А днем — это просто мясо. И еще они нас сильно тормозили. Скорость «Спитфайра» выше чем у «Дифайента». И мы не могли рвануть навстречу к врагу на полной скорости. Но, наконец, мы приблизились к группе немецких самолетов. И тут меня неприятно удивило соотношение бомбардировщиков и истребителей противника. В этой группе было только сорок «Хейнкелей» He-111 и семьдесят истребителей «Мессершмитт» Bf-109. И в дальнейшем такое соотношение сохранялось. В последующих налетах на Британию всегда немецких бомберов было меньше чем истребителей, охранявших их. Уже позднее от пленных немецких летчиков мы узнали, что Геринг издал специальный приказ. В котором и ввел такое положение о количественном составе самолетов, участвующих в дневных налетах на Британию. Не понравилось ему, что Люфтваффе теряли до этого слишком много бомбардировщиков. Кстати, многих старых командиров истребительных эскадрилий и эскадр снимали и понизили в званиях из-за этого. Командующий Люфтваффе им пенял на трусость и отсутствие инициативы. Мол, они плохо охраняли бомбардировщики от английских истребителей. Вместо прощтрафившихся и осторожных истребительных командиров пришли новые молодые и дерзкие асы.

Но сейчас мы ничего этого не знаем. И летим, ускоряясь, наперерез бомбардировщикам противника. Немецкие истребители нас заметили и рванули нам навстречу. «Дифайенты» 264-й эскадрильи ожидаемо отстают. 65-я эскадрилья вырывается вперед. Эти пока тесными тройками летают, в отличие от нашей 54-й эскадрильи. Литхэрту понравилась тактика пар, подсказанная мной, и сейчас мы все летаем только парами. А вот 65-я летит впереди нас плотным клином. Тот самый «строй идиотов», как его немцы презрительно называют. Наш же строй более разряженный и гибкий за счет парного построения. При этом эскадрилья разбита на две группы. Основная группа под командой Литхэрта включает восемь «Спитфайров». И вторая группа из двух пар. Ею командую я. Мой ведомый по прежнему Колин Грей. Сначала Литхэрт предложил ему возглавить другую пару. Но Колин отказался и выразил желание летать со мной. Понравилось ему, как я воюю. И еще он мне по секрету признался, что, летая со мной в паре, он начал очень быстро пополнять свой личный счет воздушных побед. Раньше он так не сбивал. В общем, нашему командиру эскадрильи Колин заявил, что ему еще есть чему поучиться у меня. Вторая пара в моей группе состоит из новичков. Дэн Райс и Гарри Сорм. Дэн ведущий, а Гарри ведомый. Моя группа в данный

момент летит чуть в стороне и выше группы Литхэрта.

«Спитфайры» из 65-й эскадрильи без особых затей пошли в лобовую атаку. Немцы не хотят. «Мессершмитты», постреляв издалека, прыснули в разные стороны. Кстати, попали. По такому плотному строю самолетов, которым выстроились англичане, трудно промахнуться даже издалека. Поэтому я не удивился, увидев как один «Спитфайр» 65-й эскадрильи выпал из строя и, разматывая полосу дыма по небу, устремился к земле. Ну, вот впереди закружилась карусель из британских и немецких истребителей. Группа Литхэрта с ходу ныряет туда. Вот любит наш комэск драки на виражах. А я же предпочитаю так не рисковать. Поэтому лечу дальше, высматривая цель. Так, так! Что это тут у нас? Не я один здесь такой хитрый, оказывается. Шестерка «сто девярых» тоже осталась на высоте и высматривает, кого бы оттуда клюнуть. Немчура такую тактику любит. Впрочем, как и я.

Сегодня на небе хватает облаков. Ныряем в ближайшее. Надеюсь, что наши новички смогут удержаться за моим «Спитфайром». В Колине то я уверен. Этот точно удержится за моим хвостом. В любом случае теперь бояться поздно. Немного пролетев в нужном направлении, вываливаюсь из облака. Не забыв при этом дать команду Дэну и Гарри. Быстро оглядываюсь по сторонам. М-да! Кругом пусто. Той шестерки «Эмилей», которую я надеялся тут подловить на месте уже нет. Вон они пикируют вниз, нацелившись на кого-то из наших. Дерущихся там внизу. По каналу эскадрильи предупреждаю наших парней об опасности сверху. Хоть так, но помогу. Теперь у этих фашистов внезапной атаки не получится.

А наша группа развалилась. Из облака синхронно выскочили только три «Спитфайра». Мой, Колина Грея и Дэна Райса. А вот четвертый вылетел немного погодя и в стороне. Гарри Сторм не справился с этим маневром. Не рассчитал немного. И проскочил мимо, не удержавшись за хвостом своего ведущего. Гонять его еще и гонять. Он же совсем еще салага. Ему до опытного пилота еще очень далеко. Хотя тот же Дэн его однокашник. Они вместе учились и закончили летную школу. Но Дэн более умелый в пилотаже. Потому его Литхэрт и назначил командиром пары. Притворно ругаю Сторма, заставляя его встать в строй. А сам еще раз оглядываюсь. Вот оно! То что нам надо. Кандидаты в наши охотничьи трофеи. Четыре «Мессера» только что выскочили из общей свалки и рванули вверх. И теперь довольно бодренько набирают высоту. Пара «Спитфайров» пошла за ними, но отстали. Скорость у них сейчас не та, чтобы лезть на вертикаль.

Ну, вот настал и наш черед вмешаться в это сражение в воздухе. Ухожу резко вниз с переворотом и начинаю пикировать на тех четверых поднимающихся немцев. При этом стараюсь держаться со стороны солнца, которое сейчас пробивается сквозь облака. Нацистики нас замечают, когда мы приблизились на четыреста метров. И тут же ныряют вниз, понимая, что здесь наверху ловить нечего. Опытные гады. Сразу видно. Это новички, обычно, с радостным визгом любят кружиться вот в таких хаотичных «собачьих свалках» посреди неба. А настоящие профессионалы предпочитают туда не лезть и бить исподтишка. Нацелились, ударили и ушли. Потом высматривают добычу издалека. И снова атакуют. Я и сам такой. И прекрасно понимаю этих хитропопых немцев. Эти кадры пытаются уйти от нас вниз. Но катастрофически не успевают набрать скорость. И вот задний «Мессершмитт» из этой четверки уже в моем прицеле. Обзор назад у «Эмиля» никакой из-за высокого гаргрота за кабиной пилота. Поэтому этот фашистик летит, не дергаясь из стороны в сторону. Он меня не видит. А я вот его отлично вижу. И нажимаю на гашетки, отправляя в сторону «сто девятого» пулеметно-пушечную смерть. Есть контакт! Истребитель противника окутывается вспышками попаданий, а потом загорается. Отлетался, болезный!

Видимо, пилот этого «Эмиля» предупредил по радиации своих соратников о том, что его убивают. Вон как шустро немцы прыснули во все стороны. Не успел я срезать следующего, как он ушел вправо на вираж. Хочет поиграть в догонялки? Я только «за». Мой «Спитфайр» к таким гонкам на виражах очень хорошо приспособлен. Вираж, змейка, горка, полупетля, двойная бочка. Все! Спекся, фашистик. Быстро догоняю «Мессершмитт», потерявший скорость от всех этих головокружительных кульбитов. И всаживаю в него смачную очередь из всех стволов. Готов, дракон бумажный! Этот тоже отлетался. Не судьба ему увидеть небо над СССР.

Внезапно слышу сзади пулеметную стрельбу. Хм! Резко оглядываюсь и вижу пару «сто девярых», уходящих в сторону. За передним из них тянется слабенькая струйка дыма. Ага! Эти гады пупырчатые хотели меня подстрелить, подкравшись сзади. А мой бдительный ведомый не дал им это сделать. И вовремя отогнал их своими пулеметами. Вон даже одного подранил. Неплохо, неплохо! Молодец, Колин Грей! Кстати, наши новички все же отстали от нас. Не видно их. Не выдержали такой бешеный темп. Я же этого немца гонял по жесткому. На самом пределе возможностей моего истребителя. И немец сломался первым. Не выдержал этой гонки и теперь падает вниз в неуправляемом полете.

Делаем сейчас, а сожалеем после. Надо добить того немца, которого Колин так удачно подранил, отгоняя от моего хвоста. Эта нацистская парочка недалеко ушла. Бросаю свой «Спитфайр» за ними. Хорошо, что мы сейчас находимся в стороне от общей свалки. Вот если бы эти немцы рванули туда, то вполне могли и уйти. Я бы за ними туда не полез. Слишком там опасно для здоровья. Но эти «джерри» решили уходить на юго-восток. В сторону от воздушного боя. И это нам на руку. Чтобы набрать скорость, немцы уходят в пике. Мы тоже рвемся за ними вниз. В пикировании «Мессер» немного быстрее «Спитфайра». Но сейчас один из «сто девярых» поврежден. Я наблюдаю тонкую полосу дыма, тянущегося за истребителем противника. И потихоньку это начинает сказываться. Мы медленно, но верно догоняем их. А чтобы этот процесс шел быстрее, я врубаю еще и форсаж. Пять минут усиленной мощи двигателя у меня есть. Колин также включил ускорение и не отстает. Немцы выходят из пике возле самой земли. И передний тут же окутывается толстыми клубами дыма. А потом из под капота его мотора начинает вырываться пламя. Головной «Мессершмитт» еще больше замедляется.

А его ведомый вырывается вперед. Похоже, он понял, что его товарищу приходит конец. И решает спасти свою шкуру в гордом одиночестве. Истребитель ведомого уходит в сторону от горящего собрата и, включив форсаж (это видно по густым выхлопам из раструбов мотора), резво уходит на вертикаль. Нам сейчас не до него. Нас интересует другой «Эмиль», который сейчас хоть и горит, но все еще летит. Летит, летит, летит, постепенно снижаясь. Вот он уже касается земли. В клубах дыма и пыли его протаскивает по полю. Пока на его пути не встречается трактор. М-да! Не вовремя британский фермер решил выехать на свое поле. Трактор и немецкий истребитель исчезают в яркой вспышке. Делаю круг над этим местом. Внизу на земле горит большой костер. Вот так, так! Кто бы мне такое рассказал, я бы ему не поверил. Истребитель погиб, столкнувшись с... трактором. Смешной курьез, однако. Вот только тому фашистику сейчас там внизу было совсем не смешно. Он же почти сел. И тут такое. Трактор!!! Нелепая смерть, однако. Кстати, фермер то выжил в этой атаке. Я видел, как он перед столкновением выскочил из трактора. И сейчас бегает вокруг разгорающейся техники. Представляю, как он там в данный момент матерится внизу. Давя улыбку, поздравляю Колина с еще одной воздушной победой. Хорошо он этого немца

подстрелил тогда. Качественно!

Так, так! Отключаю форсаж и оглядываюсь по сторонам. Удравший от нас немец уже далеко улетел. И о реванше не помышляет, удирая в сторону моря. Этого мы не догоним. Но возвращаться на базу нам еще рано. Патроны пока мы не все расстреляли. Топливо в норме. Самолеты к бою готовы. Поднимая свой «Спитфайр» повыше, прикидываю, что делать дальше. Бросаю взгляд на воздушную карусель. Нет, на фиг, на фиг! Туда соваться мне совсем не хочется. А вот к немецким бомберам я бы слетал. Они ведь продолжают все также упрямо лететь к цели. И что характерно, летят в сторону Лондона. Как бы эти уроды город бомбить не стали. Решено. Летим бить нацистские бомбовозы.

А к бомбардировщикам противника нездоровый интерес проявили не мы одни. «Дифайенты» 264-й эскадрильи тоже тут. Мы еще были на пол пути, когда эти «турельные истребители» добрались до бомбардировщиков нацистов. И начали их атаковать. Один «Хейнкель» они подожгли с ходу. Еще два повредили. И сами потеряли один «Дифайент». А потом дело у них застопорилось. А тут еще и истребители нацистов рванулись на помощь своим избиваемым бомбардировщикам. Вот тогда «Дифайентам» стало совсем кисло. Пока мы подлетали к месту боя, 264-я эскадрилья потеряла еще три «турельных истребителя». Против юрких и быстрых «Мессершмиттов» Bf-109 эти нелепые британские пародии на истребитель не тянули. От слова СОВСЕМ! Я еще раз убедился, что предчувствие меня не обмануло. Не зря я тогда назвал «Дифайенты» полным дерьмом. Не годятся они для воздушного боя против нормальных истребителей. И из-за этого сейчас там по-черному впухали простые британские пилоты и бортстрелки. Платя своей кровью за ошибки британских авиаконструкторов.

Ничего, ничего, парни! Вы там только продержитесь немного! Кавалерия уже близко! Немцы сильно увлеклись веселой охотой за неуклюжими «Дифайентами» и проворонили наше появление на этой сцене. Сейчас мы их за это проучим. Вот за одиночным «Дифайентом» гонятся два «сто девярых». Британский истребитель не в самой лучшей форме. Дыры от попаданий немецких пуль и снарядов отчетливо видны даже на такой дистанции. И как он еще в воздухе то держится с такими повреждениями? Не самолет, а сплошное решето. Кстати, турель «Дифайента» молчит и не стреляет по немцам, которые сейчас находятся в секторе ее стрельбы. Скорее всего, бортстрелок убит. Или патроны закончились. И для немчуры сейчас — это легкая добыча. Которую они с веселым хохотом гоняют по небу короткими очередями. Но никак не могут сбить. Пора и нам вмешаться. Пролетаю над этим воздушным сафари выше и наискосок. Не забыв облить ведущего «Эмиля» короткой очередью из всех стволов. Ах, эти пушки! Чудо как хороши! Как они разворотили этому арийцу мотор и пол кабины. А ты не обижай маленьких, собака нацистская! Пока я разбирался с головным фашистом, Колин обстрелял его ведомого. Не попал, но напугал его до обделанных штанов. Его «Мессершмитт» так резко дернулся, что невольно свалился в штопор. Уж очень неожиданно это было для немцев. Эх, жаль, что фактор внезапности утерян. Штопорящий вниз немец успел проорать по радио о том, что его с ведущим тут сейчас обидели гадкие «Спитфайры». Это он про нас с Колином, если кто вдруг не понял. Хотя тут я немного пофантазировал. Конечно, я не слышал, что там сейчас орет этот нацистик. Частота то у немцев не та, на которой мы переговариваемся в воздухе. И слышать я их не могу, а только догадываюсь как этот немецкий ведомый убитого мною ведущего выплескивает в эфир свой страх и негатив. И его явно слышали другие немцы. Вон сразу четверо «Эмилей» ринулись в нашу сторону.

А так даже интереснее. Нас двое против четверых. Нормальный такой расклад. Тем более, что мы с Колином сейчас находимся выше немцев примерно на тысячу метров. И я это преимущество по высоте терять не хочу. Начинаю заходить вверх по плавной дуге, посматривая на тех четверых «сто девярых». Поиграем господу нацисты? Если вы думаете, что я сейчас к вам вниз нырну, то вы ошиблись адресом. Мы подождем и посмотрим, что вы станете делать. А немчура внизу очень хочет нас достать. Не понравилось им, что мы сбили одного из них. И теперь красуемся наверху, как бы дразня их. И они повелись. Все четыре «Мессершмитта», врубив форсаж, начинают лезть вверх. Думаете, что я тут же ринулся на них в атаку на сходящихся курсах? А вот и не правильно вы обо мне думаете. Я не храбрый, я умный. Шибко умный, однако! Поэтому сразу бросаться в атаку не стал. Немного протягиваю над немцам и отхожу в сторону. И только потом начинаю валиться вниз через крыло. При этом захожу на цель не по прямой, а по спирали. Немцы это видят и пытаются реагировать. Доворачивают носы своих истребителей в нашу сторону. Все больше и больше теряя при этом скорость. И тут им даже форсаж не помогает особо. Сейчас законы физики на нашей стороне. Мы то падаем на врагов сверху, разгоняясь не только тягой воздушного винта но и силой тяжести. А вот немцам эта сила земного притяжения очень сильно мешает.

Наконец, скорость головного «Мессера» падает настолько, что он начинает заваливаться вниз. Его соратники тоже зависают в воздухе, а потом проваливаются. Попались, птеродактили плюшевые! Сейчас мы вас будем бить больно. Ногами по голове и по яйцам. «Мессер», ставший неуклюжим на такой маленькой скорости, очень легкая добыча для меня. Это как мишень в тире. Короткая очередь. Есть контакт! Головной «сто девятый» вспыхнул ярким пламенем. Пронось мимо него, успеваю загнать в прицел его ведомого и пробить того такой же короткой очередью из всех стволов. Пушки выплюнув пару снарядов замолкают. Все! Снаряды кончились! Жаба внутри верещит, заставляя меня беречь боеприпасы к пулеметам. Их у меня не так уж и много осталось. Третьего и четвертого «Мессершмитта» в этой атаке обстрелять я уже не успеваю. Слишком уж быстро все происходит. Скорость то в пикировании мы набрали приличную. А вот Колин Грей успевает это сделать. И третий немецкий истребитель обзаводится несколькими дырками от пуль на своем правом крыле. Четвертый же отделяется легким испугом. Резко ухожу на вираж, высматривая наших противников. Так, так! Те, кого я подстрелил, уже никуда не полетят. Оба падают. Один горит, а второй крутится в штопоре, выбрасывая дым. Третий немец, подстреленный Колином, пока летит. Но как-то неуверенно. Что-то мой ведомый у него сломал? По неуклюжим маневрам «сто девятого» понимаю, что у нацистика перебило рулевую тягу крыла. И теперь он может с большим трудом развернуться в воздухе. Пора его прикончить. О чем сообщаю Колину, пропуская его «Спитфайр» вперед. А сам не забываю осматриваться по сторонам. Но никто на нас нападать не спешит. Немцы оценили, как быстро и показательно мы расправились со своими противниками. И теперь не горят желанием лезть к нам. Впрочем, их уже не так и много осталось. Всего пять «Мессершмиттов». Уже четыре. Колин догнал своего подранка и всадил в него длинную очередь из восьми пулеметов со всей пролетарской сознательностью. Немцу этого хватило.

«Дифайенты» в это время тоже без дела не сидели. Немецкие истребители напор на них ослабили. И 264-я эскадрилья этим воспользовалась на полную катушку. Один зазевавшийся «Мессер» они подожгли и вплотную занялись вражескими бомбардировщиками. И тут германские пилоты меня очень сильно удивили. Немецкие истребители бросили свои бомбовозы и начали отходить. Очешуеть! Что это было? Первый раз такое вижу. Это прямо

какое-то паническое бегство. Обычно немцы свои бомбардировщики защищают до конца. А тут вот взяли и бросили нам на растерзание. Впрочем, нам такое бегство противника с поля боя только на руку. Правда, патронов у меня не так уж и много осталось. Да, и Колин в этом бою успел хорошо так пострелять. Но кошмарить вражеские бомбардировщики необходимо. Поэтому, я разворачиваю свой «Спитфайр» и лечу в сторону «Хейнкелей».

Больше никого в этом бою мне сбить не удалось. У меня патроны закончились после одной длинной очереди по отставшему от своих He-111. А вот Колин его добил, записав на свой счет еще одну воздушную победу. Истребители 264-й эскадрильи также смогли приземлить еще два «Хейнкеля». После этого у пилотов немецких бомбардировщиков сдали нервы. И они начали избавляться от своих авиабомб. Сбрасывая их в поля. Свою задачу мы выполнили. Вражеский налет сорвали. И теперь с чувством выполненного долга возвращались обратно на авиабазу Манстон.

Глава 14

Мастер-класс для новичков

В общем, этот авианалет мы смогли отбить. Наша эскадрилья при этом потеряла два истребителя. Один пилот из новичков был убит, а один выбросился с парашютом и благополучно спасся. 65-я эскадрилья не досчиталась троих «Спитфайров». Про потери «Дифайентов» из 264-й я уже говорил ранее. Они были большими. Впрочем, это и неудивительно. Нельзя эти нелепые самолетики отправлять в бой против «Мессеров». Правда, потом у командования все же возобладал здравый смысл и оно больше в этот день не посылало на вылеты 264-ю эскадрилью. Вместо этого ее «Дифайенты» летали ночью, стараясь перехватить вражеские бомбардировщики среди темного британского неба.

И нам еще три раза пришлось вылетать на перехват этим днем. Но все три вылета прошли вхолостую. Люфтваффе перешло к довольно хитрой тактике «растаскивания». Это когда немцы высылали к берегам Британии группы истребителей. Британцы вынуждены были реагировать на это и посылать наперехват свои эскадрильи. На радаре же не видно, что там летит. Истребители или бомбардировщики. И немцы этим пользуются. Не вступая в бой, вражеские истребители разворачивались и уходили назад. А мы, бесцельно покружившись в воздухе, вынуждены были возвращаться на базу. Так и не вступив в бой с противником. Такая тактика изматывала людей. И заставляла зря тратить топливо и моторесурс наших истребителей. В итоге, мы не смогли отреагировать на реальный налет немецких бомбардировщиков на авиабазу Хорнчерч. А к вечеру из-за просчетов летчиков из 10-й истребительной группы (наших соседей) немецкие бомбовозы смогли прорваться к Портсмуту. И на этот британский город упало около двухсот 250-кг. бомб, которые убили сто четыре человека, двести тридцать пять человек было ранено. Бомбы поразили жилые дома, магазины, фабрики, казармы и верфи. И на следующий день все британские газеты вышли под мрачными заголовками «Портсмут пострадал от тяжелой бомбардировки». При этом, чтобы не шокировать британских обывателей, количество убитых и раненных было напечатано мелким шрифтом. До этого Британия не знала таких крупных потерь от вражеских бомбардировок. Портсмут стал первой ласточкой в череде массовых смертей. Еще не раз и не два Британия содрогнется от вражеских бомбежек.

И еще в ночь на 25 августа Люфтваффе нанесли несколько точечных ударов по целям в Кенте, Сассексе и Суррее. Несколько германских самолетов было направлено против нефтяных складов в Таймсхевене и авиазавода в Рочестере. Кроме этого, несколько немецких бомб упали и на английскую столицу. К счастью, моя жена не пострадала, так как жила сейчас на северной окраине Лондона. А бомбы фашистов упали в центре и на юге этого большого города. Но это все же заставило меня поволноваться. Кстати, Черчилль был этими ночными бомбардировками Лондона очень сильно недоволен. И в категоричной форме потребовал от бомбардировочного командования нанести ответный удар по германской столице. Вторая Мировая война начала входить в фазу обоюдного геноцида. Теперь не только немцы, но и англичане начали совершать вылеты для бомбардировок мирных городов своих противников.

Утром 25 августа 1940 года немцы совершали рейды небольшими группами истребителей, с целью выманить британские истребители на бой. Однако, английское командование уже раскусило тактику нацистов и больше не поддавалось на эти уловки.

Около полудня радарная станция в Венторе зафиксировала группу из трех сотен самолетов, летевшую над Ла-Маншем из Шербурга в направлении Уэймута. Британцы подняли на перехват несколько эскадрилий истребителей. Наша 54-я также была в их числе. В этот раз мы твердо знали, что этот вылет будет не холостым. К месту воздушного боя у Портсмута мы прилетели позже всех. Так как наш аэродром был самым дальним отсюда. На подходе я увидел два очага воздушного боя. Самая большая карусель из самолетов медленно смещается в сторону Портсмута. Другая «собачья свалка» кипела в районе авиабазы Вармвэлл. И в общей сложности там присутствовали около трехсот немецких самолетов. Не ошиблись операторы британских радаров. Верно посчитали. Здесь на примерно сотню бомбардировщиков «Юнкерс» Ju-88 приходилось вдвое больше немецких истребителей «Мессершмитт» Bf-109 и Bf-110. Против них в небе кружились около шести эскадрилий «Спитфайров» и «Харрикейнов».

Литхэрт решает атаковать бомбардировщики нацистов, приближающиеся к Портсмуту. Наша эскадрилья в полном составе идет на перехват. Строй стандартный. Моя группа из четырех «Спитфайров» сверху на пяти тысячах метров. Ниже на четырех тысячах летят семь самолетов Литхэрта. Незамеченными нам пройти не удалось. Немцы нашу эскадрилью заметили, и два десятка «Мессершмиттов» Bf-109Е рванули на перехват. Не хотят они нас к своим бомберам подпускать. По приказу Литхэрта эскадрилья начинает забираться вверх. Моя группа тоже уходит на вертикаль поближе к облакам. Вражеские «Эмили» также лезут на верхотуру. Но наша эскадрилья сюда забралась раньше них. И группа Литхэрта нацеливается в атаку, пикируя сверху на немчуру. Хоть какое-то, но преимущество у них теперь есть. Атаковать сверху всегда проще.

Но мы пока торопиться не будем. Подождем. Поклевки. А вот и она. Пара «Мессеров» выскакивает вверх и начинает разворачиваться для атаки на «Спитфайры», мельтешащие внизу. Нас они не видят что ли? Или думают, что мы еще далеко, и они успеют удрать вниз. Вот нырнули. Нет, нет, фашистики! От меня вы так просто не уйдете. Опускаю нос своего истребителя вниз, врубаю форсаж и начинаю пикировать наперерез этой парочке «сто девярых». Все правильно я подсчитал. Хорошо их подрезал. Головной «Мессершмитт» заскакивает в мой прицел. Успеваю взять упреждение и нажать на гашетки. Опыт не пропьешь! Дымная очередь авиапушек с проблесками пулеметных трассеров, проносится перед носом вражеского истребителя, втыкается в него а потом пробегает по его моторному отделению. Хорошо попал! Душевно! Двигатель «Мессершмитта» такого издевательства не выдерживает. Там же никакой брони нет. Ух, как загорелся! Красиво горит! Пролетаю мимо, успев заметить, как Колин Грей обливает из пулеметов второй «Мессер». В темпе вальса проскакиваем вперед, разворачиваясь для повторной атаки. И зря. Оба немца довольно живописно падают вниз. Оба горят. Мой выпрыгивает. Раскрывается. Повезло нацистику. Не убил я его в этой атаке. Теперь он эту войну переживет за забором лагеря для военнопленных. Да, и ладно! Главное, что он не попадет на войну с Советским Союзом. И второй немчик, которого Колин Грей подстрелил, тоже с русскими драться уже не будет. Этот вон не выпрыгнул. Похоже, убит или ранен?

Вот такие пироги с котятами. Эти двое нацистиков нацеливались на один из «Спитфайров» из группы Литхэрта. Увлеклись немного в охотничьем азарте. И поплатились за это. Нельзя в бою так расслабляться и терять бдительность. Но мне некогда об этом рассуждать. Я увидел, что одному из наших «Спитфайров» нужна помощь. За ним сейчас гонятся два «сто девярых» и лениво поливают его очередями из своих пушек. Дымные

трассы 20-мм снарядов пролетают то слева, то справа от британского истребителя. Его пилот отчаянно маневрирует, но никак не может оторваться от назойливых немцев. Парню требуется помощь. Которая уже здесь. Бросаю свой самолет по левой дуге вниз, заходя в хвост тем двум Vf-109. Эх, заметили. Глазастые гады, однако! Бросив свою жертву, немецкая пара отвернула в сторону. Опытные фашистики мне попались. Эти даже в азарте погони бдительности не потеряли. И мою атаку на них вовремя засекли. А кто говорил, что будет легко?

Ухожу на вираж за теми двумя немцами. Какое-то время мы там танцуем на горизонтали. Внезапно справа выныривает еще одна пара «Эмилей» и пытается клюнуть меня в бок. Предупреждающий крик моего ведомого. Но я и сам их заметил вовремя и ухожу вниз с переворотом. Слышу стрельбу. По звуку определяю, что это немецкие авиационные пушки работают. Это по мне. Мимо! А потом заговорили пулеметы. Это уже один из наших новичков отметился. Бросаю взгляд назад и вижу, что немцы, ранее атакующие меня, прыснули в сторону. А за ними рванула пара «Спитфайров» из моей группы. Истребитель Дэна Райса расцвел сполохами пулеметных выстрелов. Британец ведет огонь на расплав стволов. И не попадает. Машинально прикрикиваю на него по радиации, чтобы не жег зря патроны. Вроде бы, помогло? Дэн перестал заполошно лупить из всех стволов в белый свет как в копеечку. И пытается прицелиться. А сделать это не так уж и просто. Немцы то тоже на месте не сидят. И очень не хотят, чтобы их подстрелили. Вот они выполняют горку, потом с переворотом уходят в пике. А тут уже я кружусь по спирали как тот ворон над падалью. И прекрасно их вижу. Немцы мой «Спитфайр» тоже замечают и пытаются меня атаковать с доворотом на скорости. Но я резвым скольжением влево ухожу из их прицелов. И когда они проскакивают мимо меня вниз, то я ныряю вслед за ними, завалив свой истребитель на левое крыло. Два «Эмиля» успевают пролететь двести метров, пока нос моего «Спитфайра» не нацеливается в их сторону. Ловлю в прицел заднего фашиста и успеваю его обстрелять. Пока он не удрал слишком далеко. Попал, однако. Правда, с одного захода сбить его не смог. Но за этим «Мессершмиттом» потянулась струя дыма. И он начал резко выходить из пикирования. Его ведущий уходит дальше в пике, бросив своего ведомого нам на растерзание. Подстреленный мною «Мессер» тем временем теряет скорость. И летит как-то не очень уверенно.

Оглядываюсь по сторонам. Так, так! Все наши рядом. Колин Грей за моим хвостом. Немного подальше замечаю пару наших новичков. Дэна Райса и Гарри Сторма. Решаю потренировать молодежь.

— Дэн, видишь того «сто девятого» с дымным хвостом? — вызываю я молодого пилота.

— Да, сэр! Вижу! — бодро отвечает мне наш новичок.

— Добей его, — говорю я, добавляя в голос суровости. — Заходи в хвост и бей метров со ста. Мы тебя прикроем. Прикончи этого нациста! Это приказ!

— Есть, сэр! — радостно кричит Дэн Райс с энтузиазмом.

Пара «Спитфайров» резко выходит вперед и ныряет к покалеченному немецкому «Эмилю». Я внимательно наблюдаю за ними, не забывая поглядывать по сторонам. Это чтобы нам вдруг никто не помешал. Первое убийство — дело сугубо интимное. Дэн запомнит его на всю оставшуюся жизнь. Истребитель Дэна Райса почти идеально зашел в хвост дымящему «Мессершмитту», который пытается маневрировать из стороны в сторону. Правда, делает он это так вяло. Скорее всего, немецкий пилот ранен или его истребитель получил серьезные повреждения. Потому он сейчас так себя и ведет неуверенно. Дэн

приближается к врагу, уравнивает скорости и открывает огонь. Первая очередь проходит мимо. Немец успел дернуться в сторону. Успокаиваю и подбадриваю Дэна. Вторая очередь восьми пулеметов распарывает германский истребитель. За ней следует еще одна. Все! Этот «Мессер» спекся. И начинает быстро проваливаться вниз. Фонарь его кабины отлетает в сторону. Потом из кабины самолета выпадает фигурка немецкого пилота. Поздравляю по радио Дэна с его первой воздушной победой. И приказываю ему заткнуться. А то этот парень забил своими радостными воплями весь эфир.

Еще раз бросаю взгляд по сторонам. Так, что у нас тут творится? Литхэрт с компанией гоняет на виражах. Удалось ему туда немцев затянуть. Наш комэск любит драку на горизонтали. Там «Мессеры» послабее «Спитфайров» будут. В общем, у Литхэрта и его людей там пока дела нормально идут. Немцев они заняли делом, но и сами вырваться не могут. А мы вот сейчас совершенно свободны, как птица в полете. Немецкие истребители со своего пути мы разогнали. И теперь можем заняться вражескими бомбардировщиками. И никто нам в этом помешать не сможет. Все, кто пытался это делать, уже внизу костры изображают. А теперь пришел черед нацистских бомбовозов.

И мы ими занялись. Строй «Юнкерсов» Ju-88 все ближе и ближе. Немцы летят на высоте в три тысячи метров. Красиво идут. Плотными клиньями по девять крылатых, двухмоторных машин. Группы вражеских бомбовозов летят на расстоянии метров в триста-четыре друга друг от друга. Выбираю целью ближайšie «Юнкерсы». Заходим на цель с фланга. По бокам у этих двухмоторных бомбардировщиков Люфтваффе пулеметов нет. И с этого ракурса их атаковать можно совершенно безнаказанно. О чем и сообщаю нашим новичкам. Для меня это не бой, а мастер-класс. Я сейчас учу молодых пилотов, как надо правильно воевать. Как правильно подходить к таким бомбардировщикам противника, чтобы не попасть под огонь их бортстрелков. Похоже, что все эту теорию усвоили? А теперь переходим к практике.

Распределяю цели, чтобы никто никому не мешал стрелять. Сам выбираю своей жертвой головной «Юнкерс», летящий впереди клина из девяти бомбардировщиков. Это моя добыча. М-да! После быстрых и юрких «Мессершмитов» Vf-109 эти неуклюжие и тихоходные бомбардировщики были для меня очень легкими мишенями. Приближаюсь к цели как на учениях. Снизу и с правого бока. Обреченный бомбовоз нацистов быстро растет в прицеле. А немцы меня заметили. Бортстрелки самолетов, идущих следом за головным Ju-88, открывают истерический огонь. Не прицельный, а заградительный. Не могут они сюда повернуть свои пулеметы. И я это прекрасно знаю. Вот сзади и сверху меня бы встретило море прицельного огня. Но я туда не полезу ни за какие коврижки. О чем и предупреждаю наших новичков. Типа, чтобы не увлекались особо. С трехсот метров открываю огонь, целясь по кабине головного бомбовоза и не забывая об упреждении. Есть попадание! В районе кабины и правого мотора наблюдаю вспышки снарядных разрывов. Трассеры из пулеметов тоже туда очень бодро повтыкались. Головной «Юнкерс», полыхая мотором, нехотя проседает вниз и устремляется к земле. Из него выпадают только два парашютиста. Но я то хорошо помню, что у Ju-88 экипаж состоит из четырех человек. Где остальные? Похоже, что я пилота со штурманом обнулil. Нормально так попал. Точно. Впрочем, для меня такая стрельба является обычным делом. По такой тихоходной и неповоротливой мишени грех не попасть с трехсот то метров. Вот по шустрому и маневренному «сто девятому» это сделать уже труднее.

Отворачиваю в сторону, чтобы не попасть в зону стрельбы вражеских бортстрелков. Не

зря же я близко подходить не стал. И стрелял с трехсот метров. Маневрируя, наблюдаю за атакой моих подчиненных. Изредка корректируя их действия по радио. В принципе, нормально отстрелялись. Новички повредили два бомбардировщика немцев. А Колину удалось зажечь мотор еще одного «Юнкерса». Правда, падать тот не спешил, а упрямо тянул на одном моторе. Но из строя вывалился и бомбы сбросил куда попало. В поля. До города то эти бомберы фашистов пока еще не добрались. И уже не дойдут. Вон тоже начали избавляться от своих авиабомб. Строй вражеских бомбардировщиков дружно разворачивается и начинает отходить на юг. Подбитый Колином Греем «Юнкерс» тоже летит в ту сторону, но на одном работающем моторе он сильно отстает от своих соратников. Предлагаю своему ведомому его добить. Колин меня понимает с полуслова. И бросает свои истребитель в атаку. Достреливает второй мотор и отправляет этот бомбовоз противника к земле. Еще один сбитый в копилку моему ведомому.

Что делать? Оглядываюсь по сторонам. Молодые рвутся в бой, предлагая снова потрепать отходящие назад бомбардировщики врага. Но я им резонно возражаю. Эти немцы свои бомбы уже скинули и для Портсмута они больше не опасны. А вон та группа немецких бомберов все еще летит в сторону города с подвешенными авиабомбами. Эти если долетят до цели, то много бед наделают. Вот их мы и будем долбить.

Вторую кучку немецких бомбардировщиков нам тоже удалось закошмарить до истерической икоты. Я завалил еще один «Юнкерс», расстреляв весь боезапас до последней железки. Другой бомбер поджег Коллин Грей, но добить его не смог. Тоже патроны кончились. Поэтому этот «Юнкерс» добивали наши новички. И они его таки сбили совместными усилиями. Также истратив весь боезапас на это дело. Восторгов было выше крыши. Кроме этого, еще два «Юнкерса» получили повреждения. Не сильные. Но всего этого хватило, чтобы пилоты германских бомбовозов начали сбрасывать свои бомбы, так и не дойдя до города. Уф! План-минимум мы выполнили. Часть бомбардировщиков противника до Портсмута сегодня не дошла. Правда, другие смогли все же по нему отбомбиться. Но мы сделали все, что в наших силах. И не наша вина, что у нас не хватило патронов на все нацистские самолеты. Боезапас у «Спитфайра» не резиновый. Это вам не голливудское кино. Увы, но в реале боеприпасы очень быстро заканчиваются. А наши новички были очень довольны этим уроком. О чем мне и сообщили при приземлении.

Глава 15

Танцы в небе

Ночью немцы опять летали и пытались бомбить Британию. На нашей авиабазе тоже всю ночь ревели моторы. «Дифайенты» 264-й эскадрильи летали на перехват. Как ночные истребители они тоже были не очень хороши. Но по крайней мере, не несли таких больших потерь как днем. А утром 26 августа 1940 года по Манстону стал гулять слух, что британские бомбардировщики этой ночью нанесли удар возмездия по немецкой столице. И это был первый авиационный налет на Берлин бомбардировщиков Великобритании. Потом подробности этого налета стали известны. Оказывается, особых жертв и разрушений англичане жителям Берлина нанести не смогли. Но психологический эффект от этой бомбардировки был огромным. Ведь Гитлер и Геринг обещали немцам, что ни одна вражеская бомба на столицу Германии не упадет. И когда это случилось, то многие немцы почувствовали себя обманутыми. И поняли, что легкой эта война не будет. Но сделать уже ничего было нельзя. Вторая Мировая война набирала темп. И немецкий народ, зараженный вирусом нацизма, уверенно шел напрямик к своему катастрофическому моменту вечности.

Ранним утром 26 августа Люфтваффе налетов не устраивали. Только выслали несколько самолетов-разведчиков в районы Кента и Сассекса. Но нас на их перехват не гоняли. Литхэрт, сидевший на КП и внимательно слушавший эфир, мне и рассказал об этих германских разведчиках.

— Эти «джерри» что-то нам готовят, — многозначительно заявил наш комэск. — Я не удивлюсь, если они и сегодня опять прилетят в большом количестве.

— И не один раз! — тут же согласился я с Литхэртом.

В общем, уже с утра мы все были на взводе. Готовились и ждали вылета. И дождались. В 11 ч. 35 мин. Большая группа вражеских самолетов пересекла британское побережье. Нашу эскадрилью подняли по тревоге и отправили в сторону Кенли. Эту авиабазу, расположенную к югу от Лондона, немцы почему-то особенно не любили. И бомбили ее при каждом удобном случае. Вот и теперь вражеская воздушная армада уверенно двигалась в сторону Лондона. И аэродром Кенли оказался как раз на ее пути. На нем сейчас базировалась 616-я эскадрилья. И по какой-то причине ее «Спитфайры» начали взлетать слишком поздно. А противник подошел уже очень близко. Поэтому взлетевшие с Кенли британские истребители не успели набрать высоту, как были атакованы немецкими Vf-109. Англичане, застигнутые врасплох, понесли большие потери. Семь «Спитфайров» было сбито. А оставшихся немцы гоняли превосходящими силами.

Когда наша 54-я эскадрилья подошла к месту воздушного боя, то нам открылась печальная картина. Авиабаза Кенли горела. Вражеские бомбардировщики деловито и безбоязненно заходили на цель и сбрасывали свои авиабомбы. По ним к этому моменту даже аэродромные зенитки не стреляли. Видимо, уже кончились? На земле в разных местах догорали костры нескольких самолетов. Уже позднее мы узнали, что это были останки тех семи «Спитфайров», которых немцы уже успели сбить к этому моменту. Фашисты же пока не потеряли ни одного самолета. Пяти оставшимся «Спитфайрам» 616-й эскадрильи приходилось очень туго. Их сейчас по небу гоняли сразу двадцать четыре «Мессершмитта» Vf-109E. Пока британцам удавалось уходить от вражеских атак. Но об атаке на немецкие бомбардировщики с их стороны даже и речи не шло. Литхэрт, увидев все это безобразие,

решил атаковать истребители противника. Надо было спасать остатки 616-й эскадрильи. Тем более, что ее пилоты звали на помощь очень громко. Почти истерично.

Отдаю инициативу нашему командиру эскадрильи. А сам веду группу повыше. Это уже стало традицией. И никого из моих британских сослуживцев не удивляет, что я в начале боя всегда стараюсь забраться повыше. Главное — я приношу результат. И сбиваю самолеты противника. Больше всех сбиваю. На моем счету уже тридцать три сбитых немца. И это только в небе над Британией. Ни один британский пилот пока такого результата не достиг. Кроме меня. Поэтому Литхэрт и дал мне полную свободу действий во время воздушных боев. И особо мною и моей группой не командует. Он у нас является ярким образчиком «командира умного», который не боится здоровой инициативы своих подчиненных. И прекрасно понимает, что может своими приказами только мне помешать. Умный он мужик, однако. Повезло нам с командиром. А то мне за время службы такие альтернативно одаренные командиры встречались. Что невольно вспоминалась армейская поговорка про «армию», «оборону» и «дубы». Пока я приношу результат, то наш командир меня не трогает особо. Признавая мое боевое мастерство, опыт и право действовать, как я хочу.

Немцы заметили группу Литхэрта и часть «Мессершмиттов» Вf-109 ринулись на перехват. В нашу сторону тоже летят шесть штук. Эти были повыше и сейчас спешат к нам. А я с ними лоб в лоб не собираюсь биться. Я не рыцарь. Не люблю действовать прямолинейно. Честные и смелые летчики-истребители долго не живут. Резво ухожу на вертикаль. Поиграем? Немчура тоже хочет играть. Тоже вверх тянут. Так чтобы перехватить меня метров через шестьсот. Ну, уж нет! Ухожу с вертикали на правый вираж. Оглядываюсь. Немцы приняли правила игры и синхронно разворачиваются в мою сторону. Какое-то время кружимся на вираже. Потом приказываю паре наших новичков уйти в сторону. Двое немцев уходят за ними, а остальные за мной. Отлично. Отдаю команду Колину Грею, чтобы приготовился. А сейчас, господа арийцы, вас ждет сюрприз. Оче-е-ень резкий боевой разворот! Уф! Аж в глазах потемнело от перегрузки. Но это того стоило. Немцы от меня такой подлянки не ожидали. Я же все это время от них только убегал. И вдруг внезапно вот так решился на атаку. Правда, головной «Мессер» все же попытался дернуться, поднять нос и парировать мой маневр. Вот только он на такой скорости не успевает этого сделать. А я могу. И делаю. Пушки и пулеметы со ста метров отрабатывают на отлично. Кучно легло! Этому хватит. «Сто девятый», только что получивший от меня «пламенный привет», резко уходит вниз в сполохах пламени и клубах дыма. Один готов!

Остальные немецкие истребители проскакивают мимо, не успев никак на это отреагировать. Колин их обстрелять тоже не успевает. Слишком быстро мы проносимся мимо них. Так, теперь разворачиваемся влево. И на вираже встречаем пару наших новичков. А вы что думали, что я их просто так в сторону отослал и забыл? А вот и нет. Это был мой коварный план. И трезвый расчет. И сейчас я пролетаю на сходящихся курсах мимо «Спитфайров» Дэна Райса и Гарри Сторма. И отрабатываю из всех стволов по тем двум «Мессерам», которые преследовали наших новичков. Есть контакт! Головной «сто девятый», получив несколько попаданий, проскакивает мимо. По второму «Эмилю» успевает отстреляться мой ведомый. Нет, не попал! Эх, мазила! Бывает. От такого никто не застрахован. Да еще и на таких скоростях.

Пролетев вперед, быстро оглядываюсь по сторонам. Что тут у нас? Подстреленный мною «Мессер», дымя мотором, пытается уйти в пикирование. А четыре целых немца отваливают в сторону и бодренько так удирают подальше от нас. В их действиях я не

наблюдаю решимости драться. Уж слишком они испуганно прыснули в разные стороны. И об атаке даже не помышляют. Какие-то они робкие стали? Вот так резко. Странно это! Но подранка надо добивать. А то еще уйдет обратно на свой аэродром. Он пока еще летит. Хотя и с дымом из-под капота. Переворачиваю свой «Спитфайр» на крыло и ныряю вниз за подранком. Немец уже далеко успел уйти, но я включаю форсаж и начинаю его догонять. При этом следую не прямо за ним, а по более пологой дуге. Чтобы выйти ему на перерез, когда он станет выходить из пикирования. Вот примерно так! Не долетев до земли метров сто, немец выводит свой покалеченный истребитель из пикирования. А тут немного позади и выше уже жду я. Беру упреждение и нажимаю на гашетки. Есть контакт! «Сто девятый» сам влетает в трассы моих очередей. Левое крыло немецкого истребителя не выдерживает такого издевательства и отлетает в сторону, перебитое посередине пушечными попаданиями. «Мессершмитт» резко переворачивается и на полной скорости врезается в землю. Море огня! Второй готов!

Отключаю форсаж. Я и так уже неплохо разогнался пока пикировал за этим нацистиком. Значит, скорости мне хватит, чтобы уйти на вертикаль. Отжимаю ручку управления самолетом на себя, уходя вверх. Все истребители моей группы следуют за мной как приклеенные. Молодцы, ребята! Сегодня даже новички сильно не отрывались от меня в бою. Не зря я с ними мучился, проводя воспитательные беседы. Наша группа залезает все выше и выше, а я оглядываюсь по сторонам. Так, так! Что тут у нас? Дела у Литхэрта и компании идут довольно хорошо. Для «Мессершмиттов» Vf-109E британские «Спитфайры» являются очень трудными противниками. Тяжело немцам с ними сражаться. Это вам не тормозные «Харрикейны» или нелепые «Дифайенты». Пока мы летали и дрались с той шестеркой «Эмилей». Другие англичане смогли сбить один «сто девятый» и один повредить. А сами при этом не потеряли ни одной машины. В принципе, нормально.

Если у вас сложилось мнение, что сбивать вражеские истребители, маневрирующие на полной скорости, легко и просто, то вы не правы. Это очень тяжело делать. Особенно, пилотам, которые не имеют того боевого опыта и знаний тактики воздушного боя, что есть у меня. Я то понятно. Не на одной войне до этого момента побывал. И для меня даже все эти немецкие асы пока не являются очень сильными противниками. Опасными, да. Но не сильнее меня. Ведь многие из них пока не добились таких впечатляющих результатов. Еще не скоро они перейдут планку в пятьдесят и более воздушных побед. У английских летчиков-истребителей тоже нет такого обширного боевого опыта. Но они как и немцы имеют очень неплохую летную подготовку. То есть сейчас там в кабинах немецких и английских истребителей сидят пилоты примерно одинакового уровня летного мастерства. Да, да! Немцы еще не стали пока теми монстрами с сотней сбитых самолетов на счету у каждого из них. Они еще только в начале этого пути. И я могу это сказать, исходя из своего опыта. Каким салагой я был в той же Испании? И каким матерым асом я стал сейчас? Сейчас я отчетливо вижу, как можно быстро и относительно безопасно сбить вражеский самолет в бою. Без лишнего риска, глупого героизма и пафосного превозмогания. А тогда я действовал методом проб и ошибок. Воевать гораздо проще, когда ты знаешь как это надо делать правильно. И не в теории, а на практике. Думаю, что профессионалы со мной согласятся.

Пока мы залезали на высоту в четыре тысячи метров, я думал, что нам делать дальше. И решил все же помочь Литхэрту и его ребятам. Да, и парням из 616-й эскадрильи тоже. Они и так уже сегодня отгрести не по-детски. Потеряв столько своих боевых товарищей. К вражеским бомбовозам уже лететь слишком поздно. Опоздали мы. Немцы смогли к этому

моменту долететь до аэродрома Кенли. И с энтузиазмом его бомбили. Пока мы до них доберемся, эти бомберы нацистов уже закончат свое черное дело. Значит, решено! Наша группа уходит к «собачьей свалке», устроенной истребителями. Надо нашим помочь.

По дороге спугнули пару «Мессеров». Те как раз вертелись на верхотуре, высматривая себе цели. Но увидев нашу дружную четверку, шустрыми рыбками нырнули вниз. Понятно. Не захотели связываться с превосходящими силами. Британские «Спитфайры» за эти несколько недель уже успели заставить себя уважать. И немцы усвоили, что на них надо нападать, только если вас больше. А то можно и отгрести полновесных трындюлей. Мы за этой парочкой вслед не ринулись. Слишком далеко. Уйдут, гады! Вместо этого занимаем позицию над клубком воздушной схватки. И внимательно приглядываемся на предмет кого-нибудь схрумкать. Заевавшего.

Первым такую возможность замечает Дэн Райс. Точно. Вон там чуть в стороне резво поднимаются вверх четыре «сто девярых». Вынырнули из общей свалки и рвутся на вертикаль. Похоже, наши клиенты? Только бы не спугнуть. Быстренько прикидываю курс и скорость этих истребителей противника. Куда они выйдут? Отдаю команды по радио нашим новичкам (Колин Грей и так знает, что надо делать). И ныряю в облако, которое так кстати проплывает мимо. Какое-то время летим в серой пелене. Все время! По моей команде вся наша группа резво вываливается вниз. Ух! Хорошо вышли. На этот раз даже Гарри Сторм не оторвался от коллектива. Не зря я его усиленно потренировал вчера в слепом полете. Это чтобы он больше не блуждал в облаках как раньше. Ну, хоть что-то он усвоил и не облажался в этот раз. Но вот длительный полет в облаках я бы ему не доверил. Наверняка, собьется с курса. Учить его еще и учить.

Пока мы летели там в облаке я переживал, что немцы уйдут. Но нет. В этот раз мой расчет оказался правильным. Наша группа выскочила из облачной пелены метрах в трехстах позади от вражеских самолетов. И немцы нас не сразу заметили. А когда это произошло, то стало слишком поздно что-то делать. Смачная очередь из всех моих стволов разваливает головной «Мессершмитт» на куски. Третий готов! Колин Грей также не промахивается по второму «Эмилю». А вот наши новички лишь смогли зацепить третьего немца. Не слишком сильно. Снайпера из них пока не очень хорошие получают. На скорости проскакиваем мимо, видя, как из «Мессера», которого поджег Колин, выпрыгивает летчик в горящем комбинезоне и, не раскрывая парашют, просто летит к земле. Мой «сбитый» падает вниз несколькими кусками. Из него так никто и не выпрыгнул. На войне, как на войне! Этих немцев никто сюда не звал. Сами пришли. Вот теперь и получают по шам. За нашу Советскую Родину! И за Британию тоже! Остальные два «Мессершмитта» уходят в крутое пике. Переворачиваю самолет и ныряю за ними вниз. Не догоню, так согреюсь!

Не догнал. Перепуганные немцы, включив форсаж, смогли от нас оторваться в пикировании. Далеко ушли. Пока мы пролетели мимо, пока развернулись. Пока рванули вниз. Эти «Мессеры» успели набрать бешенную скорость. «Сто девятый» на вертикали в пикировании очень быстро разгоняется. Быстрее чем наш «Спитфайр». Я понял еще на пол дороге к земле. Что мы их не догоним. Поэтому переключив рули высоты и выхожу из пикирования влево. И решаю атаковать пару «Мессеров», которые сейчас гонятся за двумя «Спитфайрами» из 616-й эскадрильи. Ракурс не самый удачный и далековато, но все равно нажимаю на гашетки. Блин, промазал! И пушки мои замолкли. Снаряды кончились! Ох, как же бесит меня такой крохотный боезапас! Шестьдесят снарядов на один пушечный ствол — это настоящее издевательство над летчиками. И это передовая страна? Британцы же так

гордятся своей крутой промышленностью и техникой. А «отсталая» Советская Россия их уже переплюнула в этом вопросе. Советские то истребители И-16 и И-17 имеют куда больший боезапас к своим пушкам. Вот почему для «отсталых» советских оружейников это не стало проблемой, а для продвинутых англичан стало? Может быть, британцы не такие уж передовые и технически продвинутые, как они всем рассказывают? Впрочем, я хоть и не попал по тем «Мессерам», но заставил их отказаться от погони за «Спитфайрами». Уже хорошо!

С прибытием нашей бравой четверки немецкие истребители как-то быстро растеряли свой пыл. И начали выходить из боя. Мы их не преследовали. Наша эскадрилья хоть и не понесла потерь, но несколько самолетов получили повреждения в этом бою. «Спитфайрам» из 616-й тоже досталось и они не горели желанием бросаться в погоню за отходящими немцами. В общем, мы с нацистами разошлись краями.

Уже позднее мы узнали, что в ходе этого воздушного боя я умудрился сбить еще одного знаменитого немецкого аса. Помните тот «Мессершмитт», который я подловил боевым разворотом и сбил в самом начале боя? Вот это и был истребитель майора Вернера Мельдерса, командира 51-й истребительной эскадры Люфтваффе. Этот Мельдерс тоже хорошо запомнил мой «Спитфайр» с большой желтой пятеркой, нарисованной на его фюзеляже. И когда он попал в плен к британцам то все в подробностях выложил об этом своем последнем бое. Вот почему, оказывается, те немцы потеряли желание драться. Я же у них на глазах тогда сбил их командира. Что очень сильно подорвало моральный дух немецких пилотов. Теперь то мне стала понятна та внезапная вялость вражеских истребителей в этом воздушном сражении. Для своих подчиненных майор Мельдерс был образцовым командиром. Он же поднялся из самых низов. Из рядовых пилотов. Воевал в Испании. Стал там лучшим асом легиона «Кондор». И он к тому же еще и считался самым результативным асом Люфтваффе. К тому моменту когда я его сбил, на его счету уже имелось двадцать семь воздушных побед. Другие немецкие асы пока этой планки не достигли. Но дышали в затылок Мельдерсу. У них там в Люфтваффе шло самое настоящее соревнование между летчиками-истребителями. Типа, кто больше самолетов противника собьет. Пока чемпионом был Мельдерс. Но из-за меня он из этой гонки уже выбыл.

Я припомнил, что когда-то в той еще жизни читал про этого немецкого аса. И если мне не изменяет память, то Вернер Мельдерс воевал потом в России. И смог бы сбить сто один самолет. И сделал это самым первым в Германии. За что и был бы награжден (тоже кстати первым) «Рыцарским крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами». То есть первым в Третьем Рейхе получил бы его высшую награду. А погиб бы Мельдерс осенью 1941 года в нелепой авиационной катастрофе. Причем, это случилось даже не в бою, а во время перелета на транспортном самолете. Выходит, что я этому немцу жизнь спас? Вот так вот неосознанно. Хотя пускай живет. Зато он больше никого не собьет. В английском плену этот недобитый немецкий ас будет долго сидеть. Аж до конца войны. И планку в сто один сбитый самолет, большая часть которых были бы сбиты на Восточном Фронте, Мельдерс никогда уже не достигнет. Это же сколько я тогда жизнью наших советских летчиков спас, завалив такого матерого зверя? Впрочем, пока таким монстром этот немецкий майор еще не стал. И уже не станет. И это чрезвычайно радует мою душу. Я ведь на англичан согласился батрачить только ради этого. Чтобы как можно меньше немецких асов потом пришло на земли Советского Союза. Немцы же здесь на британцах немного подучатся. Наберутся опыта и рванут потом убивать советских людей. Я же тут не только нацистских летчиков-

истребителей выпиливаю из этой истории, но и экипажи бомбардировщиков Люфтваффе тоже. Эти гады также потом много горя и страданий принесут моей советской Родине. Я, в отличие от многих попутанцев, уже не стараюсь переделать историю на глобальном уровне. Я попробовал, у меня не получилось. Поэтому я для себя поставил более реальную и скромную задачу. Я сейчас ничего такого фантастического не изобретаю, умные советы правителям не даю, командирские башенки не придумываю и автоматы под промежуточный патрон не создаю. И даже авиацией целой страны командовать не пытаюсь. Я делаю то, что умею больше всего. Я летчик-истребитель. Вот я и истребляю врагов. Сокращаю численность Люфтваффе в меру своих скромных возможностей и сил. Воюю, как умею. И еще я заметил, что уж очень как-то сильно не везет 51-й истребительной эскадре Люфтваффе. Сначала я у них Траутлофта выбил. Напоминаю, что гауптманн Ханнес Траутлофт, был командиром третьей группы 51-й истребительной эскадры. А теперь вот и сам командир этой эскадры мне в прицел попался. И я это не специально делаю. Честно, честно! Мне сейчас без разницы кого сбивать. Главное — чтобы на самолете были нарисованы немецкие кресты. Просто, эти немцы мне на пути попались. И пострадали из-за этого. И уже сколько я сбил самолетов не только 51-й, но и других эскадр Люфтваффе? И буду продолжать это делать и дальше. Не хочу пока останавливаться на достигнутом.

Глава 16

Ошибки и их последствия

Второй крупный налет 26 августа начался после 13.00. Радары обнаружили активность противника возле бельгийского побережья. Я вместе с Литхэртом сидел в тот момент на командном пункте нашего аэродрома и прекрасно слышал, что происходит в эфире. В общей сложности из нашей 11-й истребительной группы было поднято по тревоге одиннадцать эскадрилий. Нас тоже подтянули к этому делу. Немцы летели над морем, разбившись на несколько групп. Нам досталась та, что двигалась к Лондону. Двенадцать бомбардировщиков «Дорнье» Do-17 и двадцать два истребителя «Мессершмитт» Bf-109.

Вражеские истребители засекли нас издалека и ринулись в атаку. А бомбардировщики почему-то развернулись и полетели назад. Э-э-э! Вот этого маневра нацистов я сейчас не понял. Что это было? Обычно, немцы всегда старались прорваться к цели и сбросить на нее свои бомбы. А сейчас бомбовозы противника стали поспешно отходить к бельгийскому побережью. Уже позже от пленных немецких пилотов британцы узнали, что эта группа вражеских самолетов, на самом деле, была отвлекающей. И эти бомбардировщики нацистов летели пустыми. Без бомб. Потому и отвернули сразу же назад. Свою роль обманки, выманившей нас, они выполнили. И теперь спешили убраться подальше от места воздушного боя. А на нас навалились немецкие истребители. Хорошо, что здесь с нами были и «Спитфайры» 65-й эскадрильи. И хотя немцев сейчас было больше, но их преимущество не стало таким уж критичным. Пилоты «Спитфайров» уже привыкли к таким раскладам. Привыкли сражаться с противником, который превосходил их числом.

Моя группа снова занимает самый высший эшелон. Шесть тысяч метров. Остальные самолеты 54-й и 65-й эскадрилий летят ниже. Кстати, летчики из 65-й тоже решили перейти на парное построение. Мы с Литхэртом их немного поагитировали. И смогли доказать на практике, что парой летать удобнее, чем звеном в три самолета. Поэтому сейчас «Спитфайры» 65-й эскадрильи уже не сбиваются в плотный строй как бомбардировщики. На войне люди учатся очень быстро. И стимулов у них здесь для этого очень много. Если ты не хочешь совершенствовать свое боевое мастерство, то ты тут долго не протянешь. Воздушный бой — это вам не сухопутное сражение. Тут в окопе не отсидишься. Вот ты, а вот противник. Он тебя видит и хочет убить.

Немцы ожидаемо рванули к тем, кто летел ниже. Они и до этого шли ниже нас. На пяти тысячах. Нет, четверка «Эмилей» все же попробовала забраться повыше. Но мы этому воспрепятствовали, обозначив атаку на них. Немцы поняли и с переворотом ушли вниз. Мы за ними гнаться не стали. Слишком далеко. Не догоним. Даже на форсаже. Вместо этого сейчас нарезаем неторопливые круги над кружащимися внизу самолетами Германии и Британии. И внимательно посматриваем по сторонам. Ждем добычу. А вот и она. Два «сто девярых» выскакивают из общей свалки и резвыми птичками лезут вверх. На вертикали «Мессер» хорош. Сейчас заберутся повыше и атакуют кого-нибудь из наших там внизу. План хороший у них. Был! Мы здесь наверху как раз и дежурируем, чтобы таких вот хитропопых арийцев отлавливать. Даю команду и переворачиваю свой истребитель, уходя в пики. Вы вот, наверно, скажете, что мне надо другую тактику придумывать. Экспериментировать.

— Зачем? — отвечу я вам, лениво зевнув. — Зачем изобретать, что-то новое, если старое очень хорошо работает? Вот!

Вот и сейчас я ничего нового изобретать не стану. Проверенная во множестве сражений тактика работает безотказно. Простая как лом. Атака сверху на ничего не подозревающего противника. Со стороны солнца. Оно сейчас как раз светит этим немчикам прямо в глаза, мешая им нас разглядеть издали. А когда мы окажемся рядом, то для них уже станет поздно что-то делать. Солнце сейчас наш союзник. В последний момент немцы все же нас замечают. И пытаются отреагировать. Но только это у них очень плохо получается. Забираясь вверх, эти «Мессеры» потеряли скорость. И теперь стали неповоротливыми и не очень шустрыми. Именно скорость делает истребитель смертоносной машиной. А без скорости, он превращается в жертву. И сейчас я это докажу на практике. Ведущий «сто девятый», пытаюсь развернуться и уйти вниз, вырос в моем прицеле. Пора! Открываю огонь из всех стволов. Короткая очередь (надо беречь боезапас) рвет этот вражеский самолет как пиранья раненного бобра. Прносясь мимо, отчетливо наблюдаю пламя, вырвавшееся из-под капота двигателя «Мессершмитта». Один готов! Колин тоже успевает отработать из всех стволов по вражескому ведомому. Тоже попал. Отлично стреляет мой ведомый!

Пролетаем мимо и уходим вверх как на качелях. Быстро оглядываюсь по сторонам. И тут же волосы у меня под летным шлемом буквально встают дыбом. В задней-верхней полусфере замечаю два тонких силуэта «Мессершмиттов» Vf-109E, пикирующих на нас сверху. Как? Как эти гады здесь оказались? И это не наши жертвы. Те, кого мы тут недавно расстреляли в воздухе, сейчас падают вниз, выбрасывая пламя и дым. А эти вот как-то смогли подкрасться к нам незамеченными. Скорее всего, они вынырнули вон из того одинокого облака. И теперь хотят нас схрумкать, как это недавно сделали мы с теми двумя неудачниками. Они почти нас подловили. Криком предупреждаю своих, что у нас на хвосте враги. После чего ухожу на боевой разворот. Рискованно конечно. Скорости пока хватает на такой маневр. Но после него я ее потеряю. Но я рискну. Я хорошо изучил возможности своего «Спитфайра». И в этот раз он меня не подвел. Правда, сейчас ракурс для стрельбы не очень хороший, но я, все равно, открываю огонь. Приближающиеся «сто девятые» тоже стреляют, но не по мне. А по истребителю Гарри Сторма. Этот новичок опять протупил и не успел уйти в боевой разворот за всеми остальными. Вот, что значит отрываться от коллектива. Сторм в панике заметался, отлетел от нашей группы. И именно, его выбрали немцы в качестве мишени. Ну, вот! Попали! Не сбили, но сильно напугали нашего новичка. Это слышно по его истерическим воплям. Но мой ответный огонь все же принес пользу. По этим шустрым «Эмилям» я не попал. Но заставил их бросить стрельбу по самолету Гарри Сторма и уйти в сторону.

Командирским рыком по радиации затыкаю Сторма, кричащего в страхе, и приказываю ему вернуться в строй. Честно говоря, меня этот Гарри, который ни разу не Поттер, уже задолбал. В каждом бою с ним что-то эдакое случается. Какой-то он бестолковый. Вот его ведомый Дэн Райс очень даже смысленный парень. И при должном старании из него может выйти неплохой летчик-истребитель. А Сторм меня нервирует. Не место ему в истребительной авиации. Не его это. Он в нашей группе является слабым звеном. Сегодня я его спас. Но что там дальше будет? Я не нанимался за этим трусом здесь сопли подтирать.

Хотя эти нацистики хитровыделанные меня тоже напугали. Давно так технично ко мне никто не подкрадывался. Вот я загордился и потерял бдительность. Привык, понимаешь, что я в небе всегда самый умный и умелый. Недооценил противников. И они меня чуть было за это не наказали. Преподали бы мне урок сейчас со смертельным исходом. Обидно! Так глупо попасться. Я же сам сколько раз ловил лохов на такую вот уловку. Удар из-за облаков. Это

же классика воздушной схватки. Вот еще один аргумент в пользу того, что в бою нельзя расслабляться ни на мгновение. Расслабишься и ты труп! Спасибо вам, фашисты, за вовремя преподанный урок. М-да! А это приключение для Гарри Сторма даром не прошло. Его самолет сильно поврежден, но пока держится в воздухе. Хреново, но держится. О чем Гарри мне и сообщает. Вот матов просто не хватает! У меня! Приказываю ему возвращаться на базу. Дэна Райса отправляю вместе с ним. Чтобы довел нашего калеку до места и присмотрел, чтобы никто его не обидел по дороге. А то немцы любят таких вот одиноких подранков сбивать.

Пока разбирался с нашими новичками, я не забывал смотреть на тех продвинутых немцев, что нас тут сейчас чуть не подловили. Эта лихая парочка уже залезла на вертикаль и стремительно набирает высоту. У меня к сожалению так не получится. Скорость при боевом развороте я потерял и теперь, чтобы ее снова набрать придется пикировать. Попробуем? Ныряю вниз, предупредив об этом Колина. Впрочем, мог бы и не предупреждать. Ведомый у меня хороший. Он мои бешенные маневры хорошо держит. И не отрывается от хвоста моего «Спитфайра». Немчура на верхотуре сразу же заинтересованно ринулись за нами. Пикируя, поглядываю на них. От нас они пока далеко, но начинают догонять. Форсаж включили. Ню, ню! Так, так! Судя по всему, я и Колин их не интересуем. Я уже успел показать зубы. А вот наши новички выглядят не такими опасными. Особенно истребитель Гарри Сторма, который очень неуверенно держится в воздухе. Видимо, ему рулевые тяги там повредило? Вот он то этим немцам кажется легкой добычей. Да, так и есть. Немцы постепенно уходят в сторону, чтобы перехватить наших новичков, летящих на запад. На всякий случай предупреждаю Дэна и Гарри об опасности. Немцы еще далеко, но бдительности терять не надо.

Следующие минут пятнадцать немцы пытаются пролететь мимо нас с Колином. А мы им в этом усиленно мешаем. Маневрируем и не даем им догнать наших новичков. Мы довольно далеко уже удалились от места общей «собачьей свалки». И теперь играем в салочки с этой парой немцев. А они хороши. Настоящие профи, если судить по повадкам и манере пилотирования. И тоже не любят рисковать как и я. Парируют все мои маневры и не дают себя атаковать. Мы также с Колином Греем им мешаем нас убить. И пугаем, пугаем, пугаем. Блин, какая-то патовая ситуация у нас тут нарисовалась. Ни одна из сторон не может взять верх. Мы уже столько разных фигур высшего пилотажа тут над морем выписали. И мы и немцы. Никто не хочет рисковать и подставляться под чужой огонь. И не лезет в ближний бой. Давно мне такие опытные и умелые противники не встречались. Вот и британский берег показался. Наконец-то, немцы поняли, что я им не дам ни единого шанса на атаку. Покачав крыльями на прощанье, два «сто девярых» резким маневром уходят вверх и в сторону. Рыцари, блин! Устало посмотрев им в след, решаю их не преследовать. Слишком опасно. Патронов мы с этими немцами уже прилично так настреляли друг по другу. Но так и не попали. Ни они, ни мы. Топливо тоже мы поистратили прилично. И нам еще до авиабазы надо долететь. А у немцев с ним и того хуже дело обстоит. Они же сюда из самой Бельгии летели. В принципе, свою задачу мы выполнили. Новичков прикрыли. И дали им уйти на базу. Да, и драться над морем мне не очень комфортно. Если тебя собьют, то не факт, что потом найдут среди волн. А тут еще и Литхэрт по рации прорезался. И приказал всем отходить домой. Чем окончательно развеял мои сомнения.

На аэродроме мы узнали печальную весть. Гарри Сторм до нашей базы долетел, но при посадке не справился с управлением, разбил самолет и сам покалечился. Сильно. В общем, когда мы приземлились, его уже скорая в госпиталь увезла. А обломки его

многострадального «Спитфайра» лежали в стороне от взлетно-посадочной полосы, куда их оттащили, чтобы не мешать посадке наших самолетов. Вот что-то такое я и предполагал. Не создан был этот нескладный юноша для истребительной авиации. Какой-то он был несобранный, неловкий и рассеянный. А небо таких не любит. Там надо всегда быть на чеку. Возможно, если бы у него было время на адаптацию, то из Гарри мог бы и выйти толк? Он бы привык и как-то освоился. И стал бы неплохим пилотом. Но война такого времени ему не дала. Тут же надо сразу приспособливаться к быстро меняющейся обстановке. С ходу въезжать. Решительно и быстро. А иначе, ты сам гробанешься и своих товарищей подставишь. И это Гарри Сторму еще повезло, что он не сгорел в бою, а разбился уже на нашей авиабазе. Где его быстро извлекли из-под обломков и оперативно оказали медицинскую помощь, не дав истечь кровью. Возможно, он и выживет? Побился то Гарри довольно сильно при аварии своего самолета. Хорошо, что эта потеря для нашей эскадрильи в этом бою была единственной. С Литхэртом вернулись все остальные наши соратники. Правда, три «Спитфайра» имели незначительные повреждения. Но все приземлились благополучно.

Третий авианалет Люфтваффе, направленный против Портсмута и Саутгемптона, начался ближе к вечеру. Над островом Уайт были замечены пятьдесят «Хейнкелей» He-111 в сопровождении ста шести «Мессершмиттов» Bf-109 и Bf-110. К этому времени погода испортилась. Поэтому часть британских эскадрилий, высланных на перехват, противника не нашли. Наша 54-я также в этом вылете отлетала в холостую. Тучи стали очень густыми и низкими. И мы не смогли визуально обнаружить немецкие самолеты. В общем, зря слетали и потратили зря топливо. Хотя некоторым британским пилотам из других эскадрилий повезло. Но таких счастливиц было не так уж и много. Потому немцам удалось прорваться и сбросить свои бомбы на многострадальный Портсмут, поразив судоремонтные заводы. Там авиабомбы нацистов попали в ремонтируемые эсминцы «Бульдог» и «Ахерон». А одна бомба попала в минно-торпедный центр британского флота, вызвав там взрыв мин и торпед. Помимо массированных рейдов, немцы использовали и одиночные самолеты, совершавшие атаки на различные объекты Британии. Кстати, пока мы там летали и безуспешно искали противника. Один немецкий самолет сбросил бомбы на Манстон. Нашей авиабазе были нанесены незначительные повреждения. А один авиатехник погиб при этом. Хотя, нет! Одну серьезную проблему этот гадский бомбардировщик противника нам создал. Одна бомба попала прямо в... бар. Печалька, однако! Нет теперь на нашей авиабазе холодного пива. И я этого немцам никогда не прощу!

И еще меня поразил один курьезный случай. Одиночный самолет Люфтваффе сегодня также нанес ошибочный авиаудар по нейтральной Ирландии. Странно, но до этого момента я думал, что Ирландия воюет с Германией как и все Британские доминионы. А оказывается, что нет. Ни фига подобного! Ирландцы в этом конфликте между Германией и Великобританией не участвовали. Во как! И сейчас их правительство стало очень громко возмущаться. Думаете, что ирландцы тут же объявили войну немцам? Как бы ни так! Они требовали (внимание Карл) от Гитлера компенсации за материальный ущерб и убитых граждан Ирландии. И что вы думаете? Немчура на все эти визги отреагировала как-то очень вежливо. А позднее кровавый режим Гитлера даже выплатил Ирландии девять тысяч фунтов стерлингов. Да, шок — это по нашему! Оказывается, были здесь и такие вот страны. Мелкие и шибко наглые, которые осмеливались твякать на сражающихся титанов, прикрываясь своим нейтралитетом.

Глава 17

Внезапные награды и военные хитрости

Утром 27 августа 1940 года установилась облачная и дождливая погода. Впрочем, густая облачность еще вчера на небе появилась ближе к вечеру. Поэтому сегодня я не удивился, когда проснулся утром и увидел, что идет дождь. И для нас это означало, что полеты пока откладываются. Пользуясь паузой в боевых действиях, к нам в Манстон заявился король Георг Шестой. Как всегда, подтянутый и элегантный. Он привез нам новые награды. Ну, не только нам, но и парням из 65-й и 264-й эскадрилий. И я тоже попал в круг награждаемых. Король Великобритании даже пошутил по этому поводу, что для него уже становится традицией, приезжая в мою эскадрилью, видеть меня среди получающих награды людей. В ответ я отшутился, что мне понравилось получать британские награды из рук Георга Шестого. Потому мне и приходится совершать очередной подвиг, чтобы снова встретиться с британским монархом.

На этот раз мне вручили еще одну планку на мой крест «За выдающиеся летные заслуги». Потом мы немного пообщались с королем, а затем он уехал. А мы остались. Ждать когда погода улучшится. Кстати, от короля Георга мы узнали несколько пикантных подробностей из жизни истребительного командования. Оказывается, утром командующий нашей 11-й истребительной группой вице-маршал авиации Парк воспользовался моментом, чтобы провести совещание с командующим 12-й группы истребителей Ли-Мэллори относительно тактики истребителей. Парк ругался с Ли-Мэллори из-за того, что несколько раз истребители 12-й авиагруппы не успевали перехватить самолеты противника. И из-за этого английские города и авиабазы подвергались бомбардировкам. Парк пенял Ли-Мэллори на то, что его подчиненные слишком долго собираются перед вылетом. А Ли-Мэллори упрекал Парка в том, что тот слишком поздно зовет эскадрилью 12-й авиагруппы на помощь и потому сам виноват в том, что немецкие бомбардировщики смогли не один раз прорваться сквозь нашу оборону. Слово за слово. И там на совещании чуть было до драки не дошло. Эх, а я бы на это посмотрел. Как два британских вице-маршала авиации бьют друг другу морды. Это было бы забавно.

К обеду небо немного прояснилось и дождь закончился. И Люфтваффе не заставили себя ждать. Уже в 13.40 они возобновили свои налеты на Британию. Нас держали в состоянии полной боевой готовности, но в бой почему-то не отправляли. Мы так и просидели до сумерек возле своих самолетов. Но приказ на вылет так и не поступил. Немецкие атаки были отбиты без нашего участия. А нас вице-маршал Парк придерживал в резерве. Вот только на этот раз резервы не понадобились. Налет противника был отбит еще над Ла-Маншем совместными усилиями 10-й и 11-й истребительных групп.

Утром 28 августа 1940 года немцы опять начали высылать к Британии группы бомбардировщиков в сопровождении солидного эскорта истребителей. Поэтому попытки перехвата этих групп британскими истребителями вылились в серьезные воздушные бои. Нас отправили в бой в 09.36. Вылетаем всем составом. 54-я и 65-я эскадрильи. На побережье в районе Дувра кипит воздушное сражение. Англичане пытаются остановить немцев и не пустить из глубь острова. Истребители немцев и британцев кружатся в огромном клубке над Ла-Маншем. А вот бомбардировщики противника упрямо летят к Дувру. Они уже почти над ним. Наша эскадрилья подходит очень удачно. Перед нами как раз одна такая группа

немецких бомберов мимо пролетает.

Двадцать четыре «Юнкерса» Ju-88. И восемь «Мессершмиттов» Vf-110, которые летят выше «Юнкерсов». Вот это чистое везение по сегодняшним временам. Бомбардировщики нацистов летят почти без истребительного прикрытия. «Мессершмиттов» Vf-109Е я здесь не вижу. Они сейчас все вон там вдалеке с азартом рубятся с английскими эскадрильями, подошедшими сюда раньше нас. А считать серьезным прикрытием всего из восьми «церштереров» нельзя. Эти тяжелые и неповоротливые двухмоторные истребители Люфтваффе никак нельзя назвать серьезными противниками для наших «Спитфайров». Да, им самим нужна охрана. Не понимаю, почему немцы до сих пор используют эти Vf-110 в дневных налетах? Днем то от них мало пользы. Не тянут они против одномоторных истребителей. С ними даже устаревшие «Харрикейны» могут легко справиться. Не говоря уже о новейших «Спитфайрах». Вот и получается, что бросать их в бой глупо и непродуктивно. Если только использовать «церштереры» ночью.

«Сто десятые» нас заметили и забеспокоились. Начинают перестраиваться. Нервничают. Правильно нервничаете, фашистики. Мы сюда по ваши души пришли. Вас сожрем и бомберами закусим. Литхэрт объявляет атаку, и я увожу свою пару вверх. Дэн Райс, потерял своего ведомого Гарри Сторма и комэск его у нас забрал. Он сказал, что мы с Колином Греем и так справляемся очень хорошо. А у него в группе Ричард Престон летает без пары. Вот к нему Дена Райса и прикрепили. В принципе, правильно. Группа Литхэрта является основной. А мы, вроде как, на подхвате действуем. Как свободные охотники. Поэтому нам в группу много истребителей не надо выделять.

— Командир, мы займемся «сто десятыми», а вы нападайте на бомбардировщики! — связываюсь я с Литхэртом по радиации.

— Принял, — отвечает командир эскадрильи. — Задайте им там, Пятый.

— Обязательно зададим, Командир!

Группа Литхэрта уходит в сторону по широкой дуге, а мы летим вперед. «Церштереры» прямо по курсу и ниже на две тысячи метров. Нас они прекрасно видят. Как и группу Литхэрта. И никак не могут решить, что делать. Наша пара сверху их напрягла. Но и другие «Спитфайры» из 54-й эскадрильи, пытающиеся прорваться к бомбардировщикам, тоже внушают опасение. Наконец, немцы решились. Шестерка «церштереров» рванула к Литхэрту, а пара караулит нас и пытается залезть наверх, накручивая вертикальную спираль. Ох, зря вы, нацистики, разделились. Нырнем вниз и обозначаем атаку на ту шестерку. Я даже очередь из пулеметов по ним дал издалека. Пушками не стрелял. Жаба давит. Там и так снарядов мало. Да, и на такой дистанции попасть нереально. Но мои трассеры, пролетающие мимо, заставляют пилотов этих шести «церштереров» сильно задуматься. И... они отворачивают. И начинают выстраиваться в круг. Это оборонительное построение тяжелых немецких истребителей я уже видел. В таком круге каждый самолет защищает хвост летящего впереди товарища. Но я эти «церштереры» атаковать не стану. Пока. С атакующего курса я их сбил. А теперь займусь той парочкой, что сейчас так активно лезет вверх. Да, «церштерер» — это вам не легкий «Эмиль». У него скороподъемность очень низкая. Слишком уж он тяжелый.

Поэтому мы с Колином все еще выше. И сейчас будем атаковать. Доворот влево, пикирование, полубочка и вот ведущий вражеской пары у меня в прицеле. Огонь! Пушки и пулеметы отрабатывают на пять с плюсом. Головной «сто десятый» горит. Я четко видел, как трассирующие пули из моих пулеметов рикошетили от броневой защиты бензобаков

противника. Но вот мои снаряды калибром в двадцать миллиметров проткнули эту противопульную броню «Мессершмитта» Vf-110 как бумагу. Я целил по бензобакам, которые у этого нацистского истребителя находятся в основании крыльев. И попал. По левому бензобаку. Хорошо так попал. Вон как полыхнуло. Один готов!

На мой взгляд — эти 20-мм пушки являются самым идеальным оружием для истребителя в данном временном промежутке. С 7,7 мм. пулеметами я бы так не смог зажечь этот «цершгерер». Ведомый горящего «сто десятого» пытается задрать нос и жахнуть по мне из всех своих стволов. Но ему это не удается. Скорость и него не та сейчас. А вот Колин Грей по нему стрелять может. И делает это очень хорошо. Тоже попал. Но не так убедительно как я. Пулеметики у него слабоваты против бронированного «цершгерера». Проскакиваем мимо и тут же синхронно уходим вверх. А второй «сто десятый» проваливается вниз. Скорость то у него упала до самого низкого предела. И сейчас этот немецкий истребитель находился на грани срыва в штопор. Но ему повезло. В штопор он не сорвался. И теперь пикирует вниз, набирая скорость. Кстати, его задняя турель нас попыталась обстрелять при этом. Но неудачно. Мы уже успели далеко уйти к тому моменту. Разворот и с переворотом через крыло ухожу в пики. Надо догнать этого недобитка. Который сейчас пикирует, удирая от нас, прямо в центр круга из шести «сто десятых». Они же все так и продолжают летать. По кругу. В принципе, логично. Если этот «цершгерер», недостреленный моим ведомым, доберется до своих соратников, то мы его достать не сможем. Они его там хорошо прикроют своими многочисленными пушками и пулеметами.

Не догнали, однако. Ушел, гад! Зато я смог сбить один из Vf-110, крутящийся в том круге. Второй готов! А потом нам пришлось резко уклоняться, чтобы не попасть под огонь остальных «цершгереров». Пролетев в стороне, захожу снизу на круг, который стал немного короче. Теперь там кружатся в воздухе уже пять «Мессершмиттов» Vf-110. И пузо у них ни чем не прикрыто. Тут даже броня потоньше. Но немцы то тоже не дураки. Начали реагировать на наши маневры. Трое из них опустили носы и пытаются нас с Колином подстрелить. Не, не, не! Я на такое не подписывался. Носовая батарея у «цершгереров» очень солидная. На фиг, на фиг такое счастье! С переворотом ныряем вниз, а потом уходим в сторону. Этим немцам такие резвые маневры ни за что не повторить. Вот перед «сто девятыми» я бы так не рискнул подставляться. А с неуклюжими «цершгерерами» поиграть можно. Тем более, что сейчас их тесный кружок распался. Три «Мессера» рванули за нами. Точнее говоря — попытались это сделать. Безуспешно, правда. А два остались на горизонтали. И как-то не горят желанием за нами гнаться. Какое-то время танцуем на виражах с теми тремя энтузиастами. Потом Колин умудряется подстрелить в бок одного из «сто десятых». И хорошо попал, между прочим! С такой то дистанции немецкая броня пулеметные пули удержать не смогла. Пробило. Левый мотор, который тут же задымил. Подранок выпал из строя и потянул вниз. Хочет разогнаться в пикировании и уйти. А два других «цершгерера» мигом растеряли свой наступательный порыв и свалили в сторону. Видимо, поняли, что мы им не по зубам.

За этой шуговой парочкой мы гнаться не будем. А вот «джерри», подраненного Колином Греем, надо добить. А то ведь уйдет гад пупырчатый даже на одном моторе. Этот вполне может дотянуть до Французского берега. Тем более, что он туда и намылился. Еще раз глянув в сторону той парочки, что отвалила в сторону. Нет, эти продолжения драки уже не хотят. Это видно сразу. Улепетывают на самой большой для них скорости, насилуя, свои моторы. Ну, и хрен с ними. Нельзя объять необъятное. Свою задачу в этом бою мы

выполнили. «Сто десятых» отвлекли на себя. И теперь Литхэрт и его мальчики устраивают геноцид немецким бомбардировщикам. Которые до Дувра так и не долетели чуть-чуть. И сейчас в панике бросают авиабомбы прямо в море. А мы совместим приятное с полезным. Достанем этого подранка, который сейчас упрямо летит в сторону Франции на одном моторе.

Пока мы его догнали. Пока мой ведомый его добивал. Одного захода оказалось маловато. Пришлось Колину Грею делать два. Вся война и кончилась. Шутка! Юмора! Нет, война не закончилась, конечно. Просто, Литхэрт и его группа вдоволь натешились с немецкими бомбовозами, сбив четыре из них и еще три повредив. И заставив немцев сбросить бомбы мимо цели и отвернуть назад. И теперь 54-я эскадрилья отходила назад на нашу авиабазу в Манстоне. Мы тоже решили не играть больше в героев и полетели, догонять своих. Хорошо повоевали. Душевно, однако!

Уже позже мы узнали, что этот наш бой возле Дувра наблюдал сам Черчилль. Он сюда на передовую приехал, чтобы показать свою моральную поддержку простым бойцам. Политик, однако. Что с него взять? Ему необходимо, вот так постоянно мелькать среди простых обывателей и показывать, что он тоже что-то делает для победы над врагом. Иначе, избиратели в нем разочаруются. Вот во время такого планового визита в Дувр под присмотром прикормленных журналистов премьер-министр Великобритании и увидел наш бой с немецкими самолетами. И это зрелище ему очень понравилось. Говорят, что Черчилль пришел в дикий восторг, видя как мы сбиваем немецкие самолеты чуть ли не у него над головой. И на всех участников того воздушного боя потом по настоянию премьер-министра пролился дождь наград. Мне тоже перепало от этих щедрот. К моему ордену «За выдающиеся заслуги» добавилась еще одна планка степени. Хотя, я так и не понял, что такого особо героического мы там совершили. Как по мне, так это самый обычный боевой вылет. Можно сказать — рутинный. Да, мы сбивали. Но у меня бывали вылеты и более впечатляющие. Вот что значит, вовремя попасться на глаза большому начальству. Мы тут немного повоевали, Черчилль нас заметил и поощрил. А кто-то там где-то очень далеко также геройствует. Подвиги совершает, понимаешь. А его никто не замечает. И медали не навешивает. М-да! Война — она такая! Тернистая и непредсказуемая.

Вечером Люфтваффе предприняли провокационный налет. Английские службы наблюдения сообщили, что к Британии приближается группа из трехсот вражеских самолетов. На перехват были подняты одиннадцать британских эскадрилий истребителей. В том числе и наша 54-я. Однако, по прибытии на место бомбардировщиков противника мы не обнаружили. Все немецкие истребители были «Мессершмиттами» Vf-109E. Так немцам удалось втянуть британские истребители в воздушный бой. Позднее мы узнали, что вице-маршал Парк был раздражен тем, что служба наблюдения не смогла отличить вражеские истребители от бомбардировщиков. Из-за этого его эскадрилья понесла ненужные потери. И с этого момента все пилоты нашей 11-й истребительной группы получили приказы, в которых приоритетными целями считались бомбардировщики противника. И еще нам предписывалось докладывать в штаб 11-й группы обо всех обнаруженных немецких самолетах. Тип, курс, высота и скорость. Все это требовалось сообщать незамедлительно. А то служба наблюдения британских ПВО не всегда справлялась со своей задачей. Случались у них там накладки. За которые мы теперь должны были расплачиваться.

Немцы навалились на нас с большим энтузиазмом. В этой драке «Мессершмиттов» было больше чем «Спитфайров» и «Харрикейнов». Кроме этого англичане подходили к

месту боя не одновременно. Мы тоже были там не в первых рядах. Когда наша 54-я эскадрилья приблизилась, то сражение в небе уже вовсю кипело. К нам навстречу рванулись два десятка «Эмилей». Рассуждать было некогда и пришлось с ходу вступить в бой. Наша эскадрилья приняла вызов и ринулась вперед на врага. А вот моя пара резво ушла в облака. Нахрен такой экстрим! Не хочу я в лобовой атаке со «сто девятыми» пушками меряться. Это не мой метод. Ух! Пробив облака быстрыми птичками выскакиваем выше границы облачности. А тут уже пасутся четыре «Мессершмитта». Ага! Не я один здесь такой умный, значит. Хорошо, что немцы были далековато от нас. И не успевают среагировать на наше появление. Нет, заметить то они нас заметили, но сделать ничего не успели. Мы почти сразу же нырнули обратно в мутную пелену облаков. Поиграем в прятки? Перевожу истребитель в горизонтальный полет, не забыв предупредить об этом Колина Грея. Он же меня сейчас не видит. Как и я его. Хорошо, что у нас есть радики. Без них мы бы в этой серой мути давно потерялись. Какое-то время летим в облаках, отходя в сторону. Потом осторожно выныриваем из облачности. На самой нижней кромке. Чисто чтобы осмотреться по сторонам. И в любой момент готовые опять уйти в облака.

Так, так! Что тут у нас? Колин немного отстал, но сейчас меня догоняет. В принципе, нормально он вышел. Не сильно оторвался от моего хвоста. Не все здесь так могут уверенно летать вслепую. Когда можно ориентироваться только по приборам и по своему чутью. Вон тот же Гарри Сторм, наверняка бы, заблудился и отстал. И улетел в другую сторону. А Колин Грей вот он здесь со мной. Итак, наша эскадрилья уже ввязалась в бой и теперь вместе с немцами закручивает в небе очередную карусель. Ага! А вот, похоже, и наши клиенты нарисовались? Пара «Мессершмиттов» Vf-109 только что обстреляла один «Спитфайр» 54-й эскадрильи. И шустро забирается вверх. Хорошо летят! Идеально для нас. Мы сейчас находимся в верхней-задней полусфере от этих немцев. И из-за высокого гаргрота за кабиной пилота «Эмиля» эти нацисты нас не видят. Он сильно загораживает обзор назад. И мы сейчас этим воспользуемся. Опускаю нос своего истребителя и начинаю пикировать по пологой дуге в сторону цели. Захожу так, чтобы оставаться в слепой зоне этих двух «сто девярых». Ближе, ближе. Еще ближе. Самое то! Вражеский ведомый раскорячился в моем прицеле во всей своей красе. Нажимаю на гашетки, выпуская в его сторону огненно-свинцовую смерть. Есть контакт! Немец вспухает огненным взрывом, разбрасывая обломки фюзеляжа и крыльев в разные стороны. Все! Отлетался, птеродактиль бумажный! Один готов! Но любоваться на эту картину разрушения мне некогда. Передний то «Мессер» еще ничего не успел понять. И все также спокойно летит вверх по прямой. Поэтому я, прежде чем проскочить мимо него, успеваю приподнять нос своего «Спитфайра» и облить его очередями из всех стволов. Есть попадание! Прямо по кабине пришлось. Все ее стекла в чем-то красном. Похоже, наповал? С такой малой дистанции даже бронеспинка на пилотском кресле двадцать миллиметров не удержит. Немец резко проваливается вниз и начинает свой путь к земле в неуправляемом полете. Второй есть!

Колин Грей меня поздравляет со сбитыми. И шутивно бурчит, что я ему не дал ни разу стрельнуть. Отшучиваюсь тем, что врагов вокруг еще много. И пострелять ему все равно придется. Опа-на! А что я говорил? Сейчас, похоже, постреляем. Метрах в шестистах из облаков выскакивают четыре «сто девярых». Интересно — это те самые, которых мы недавно видели там над облачностью? Впрочем, мне пофиг! Те — эти. Всех убьем! Хорошо, что я после расстрела той парочки «Эмилей» предусмотрительно ушел вверх и пристроился у самой нижней кромки облаков. На всякий пожарный случай. А немцы нас тоже заметили и

пытаются атаковать. Правда, вышли они из облаков не совсем удачно. Боком к нам. Мы тоже к ним повернуты сейчас правым боком. И я решаю не ждать, пока эта немчура развернется в нашу сторону. И сам планирую их подрезать на вираже. Немцы начали закладывать рули на горизонталь. Тоже хотят поиграть в эту игру? Ню, ню! Посмотрим, как у них это получится.

Резво гоню свой самолет по правому виражу. Немцы пытаются меня переиграть, но у них это плохо получается. Разворачивается на горизонтали «Спитфайр» быстрее «Мессершмитта». Вот на вертикали «сто девятому» равных нет. Скороподъемность у них выше. Но сейчас то мы мчимся на виражах. И я догоняю. Самого концевое «Эмиля». Он в этой четверке летит последним. И первым попадает в мой прицел. Огонь! Черт! Мимо! В последний момент этот нацистик дернулся в сторону, вываливаясь с виража вниз. Куда? Не уйдешь, собака коричневая! Снова загоняю вражину в прицел и нажимаю на гашетки. Ну, вот. Другое дело. Попал, однако! Третий есть! Этот выпрыгивает с парашютом. Повезло фашистику. Теперь в британском плену отсидится до конца войны. А его товарищи резко передумали нас убивать и рвутся на вертикаль. В облака хотят уйти? И уходят. Пока я гонялся за этим «Мессершмиттом», другие ушли в облака. Тучки то тут рядом. Мы сильно вниз от них не уходили. Какое-то время ходим кругами, надеясь, что сбежавшие враги вернуться. Ага! Держи карман шире! Никто больше из-за облаков не выскочил.

Внезапно слышу в эфире голос Литхэрта.

— Пятый, слышишь меня? — напряженно спрашивает командир эскадрильи.

— Отчетливо тебя слышу, Лис, — отвечаю я, не забывая поглядывать по сторонам. — Зачем звал?

— Нам нужна твоя помощь, — быстро говорит Литхэрт, напряженным голосом. — Ты нас видишь? Мы внизу как раз под вами.

— Вижу вас, — говорю, бросая взгляд вниз и невольно присвистывая. — Ого! У вас проблемы?

— Да, черт меня побери! — рявкает комэск, перебивая меня. — Престона сбили! А Райсу повредили самолет. Нам надо выходить из боя. А эти чертовы «джерри» нас не отпускают. Помоги нам. Отсеки «Эмили» от наших хвостов.

— Уже делаю! — бодро проорал я, опрокидывая свой «Спитфайр» вниз и уходя в пике.

М-да! Потрепали сейчас наших. Истребитель Престона падает, выбрасывая за собой густую струю дыма. Пилот, вроде бы, выпрыгнул? Точно выпрыгнул! Вон его парашют внизу спускается. Так, а вот и самолет Дэна Райса. Тоже с дымом, но пока еще летит. Другие наши «Спитфайры» отгоняют от него назойливые «сто девяты». Которые очень хотят добить подранка. Пора и нам вмешаться. Падаем с Колином Греем сверху на головы врагов как два карающих архангела. Только вместо крыльев за спиной и пылающих мечей у нас есть наши «Спитфайры». Вот четверка «Мессеров» заходит на дымящий истребитель Дэна Райса. Ловлю в прицел головного. Короткая очередь из всех стволов (надо экономить боезапас) вспарывает его левое крыло. Ну вот, что я говорил? Пушки отстреляли все до последней железки и смолкли. Мой ведомый также открывает огонь. Немец резко уходит в сторону. Быстро драпает. Видимо, ничего жизненно важного я ему там не смог повредить. Жаль! Но в бою так бывает. А вот Колину Грею повезло больше. Он своими пулеметами смог хорошо зацепить второй «Мессершмитт». Тот сразу же задымил и пошел вниз. Готов дракон фанерный? Ну, вот! Выпрыгнул! Раскрылся!

Еще одна воздушная победа на счету моего ведомого. С чем его и поздравляю. Остальные немцы сразу же забывают о Дэне Райсе и очень шустро отваливают в сторону.

Вывожу свой истребитель из пике и резко рвусь на вертикаль. Надо забраться повыше. Не люблю я драться на малых высотах. Я люблю большую высоту. Тут я король. И немцы тоже это понимают. Как-то все вдруг они отворачивают в сторону и выходят из боя. Не хотят рисковать? Хм! Я их понимаю. Топлива то у них сейчас, наверное, в обрез. И боеприпасов тоже не очень много осталось. У наших также с патронами не густо. Много им в этом бою пострелять пришлось. По пути домой «Спитфайр» Дэна сдох окончательно. Райсу пришлось прыгать с парашютом. Сажать самолет с заклинившим мотором на вынужденную посадку Литхэрт ему запретил. Нет у Дэна Райса еще опыта, необходимого для этого. В общем, минус еще один наш самолет. Зато пилот уцелел. И скоро мы его увидим. Тут же внизу наша территория. А вот все немцы, выпрыгивающие с парашютами из своих подбитых самолетов, попадут прямиком в лагерь военнопленных. Он здесь в Британии у англичан один еще. Слишком мало пленных немцев у них имеется тут пока.

Глава 18

Неожиданный разгром

Ночью немцы бомбили Ливерпуль, Бристоль, Алтринчам и Ковентри. Правда, каких-то серьезных разрушений и жертв они не нанесли. Британцы были крайне дисциплинированной нацией и неукоснительно соблюдали светомаскировку. Что очень сильно затрудняло прицеливание для немецких ночных бомбардировщиков. Немцы просто не видели цель и бомбили по площади. Не всегда верно определив координаты. Поэтому около трех сотен вражеских бомбардировщиков ночью не смогли добиться никаких впечатляющих результатов. Англичане, впрочем, тоже в долгу не остались и этой же ночью совершили второй авиационный налет на Берлин.

29 августа 1940 года Люфтваффе продолжили применение тактики использования больших групп исключительно истребительного состава. В два часа дня наши радарные станции сообщили о приближении группы в «семьсот плюс» вражеских самолетов. Предполагая, что это происходит очередной налет бомбардировщиков противника. Вице-маршал Парк поднял одиннадцать эскадрилий из своей истребительной группы на перехват. Однако, первые три британские эскадрильи (610-я, 85-я и 603-я), вступившие в бой с немецкими самолетами, доложили о том, что вражеские бомбардировщики в небе отсутствуют. Там находились только истребители Люфтваффе. Мы как раз летели к месту воздушного боя, когда пришел приказ Парка. Вице-маршал отзывал все эскадрильи, которые еще не успели вступить в бой. Он не считал целесообразным разменивать свои истребители на немецкие. У немцев то их все равно больше. Пришлось подчиниться и уходить на базу. Тут я с Парком был согласен по всем пунктам. В этом грандиозном сражении за Британию главной ударной силой немцев были именно бомбардировщики. Если их выбить, то весь смысл немецкого наступления на Англию терялся. Британцы уже знали цели и задачи Люфтваффе в операции «Морской лев». Разведка у них работала очень хорошо. И все понимали, что без бомбардировщиков немцы много не навоюют. Поэтому командир 11-й истребительной группы правильно поступил, когда приказал нам отступить. Я бы и сам точно также сделал на его месте. Немцы хотели поймать нас в истребительную ловушку. И она сработала лишь частично. Только три британские эскадрильи в нее угодили. Из одиннадцати. В течении дня немцы еще два раза поднимали крупные группы своих истребителей. Которые демонстративно пролетали над Кентом. Однако, на этот раз англичане на эту уловку не повелись. И свои истребители на перехват не отправляли.

Ночью с 29 на 30 августа немцы продолжали атаки на Ливерпуль. Всю ночь около сотни вражеских бомбардировщиков совершали спорадические налеты на город. Долго и нудно бомбили. Однако, впечатляющих результатов добиться не смогли. Подожгли пару домов и убили несколько человек. Гражданских. Никакого военного эффекта эти налеты не оказали.

В пятницу 30 августа 1940 года радары обнаружили крупные группы самолетов над Кале. А наблюдательные посты сообщили, что среди них есть и бомбардировщики. И в этот раз нас, наконец-то, отправили на перехват. Признаюсь честно. Тяжело было сидеть на земле вчера, когда вражеские самолеты безнаказанно бороздили небо Британии. Мы все рвались в бой. Видимо, немцы посчитали, что силы британской авиации ослабли. Ведь вчера им никто не давал отпор. Поэтому сейчас истребительное прикрытие немецких бомбардировщиков было не таким многочисленным. Нашу 54-ю эскадрилью отправили к

Биггин Хиллу. Эту авиабазу должны были прикрыть истребители из 12-й авиагруппы. Но их пилоты приказ не выполнили и ринулись на перехват самолетов противника, летевших к Лондону. А аэродром Биггин Хилл остался без прикрытия с воздуха. Говорят, что потом Парк очень жестко поругался с Ли-Мэллори из-за этого. Меня тоже эти постоянные косяки наших соседей из 12-й истребительной группы уже начали напрягать. Они уже не один раз вот так лажали и подставляли нас под удар. В ВВС ходили упорные слухи, что все это делается не просто так. А потому что вице-маршал Ли-Мэллори ненавидит Парка и всячески старается ему навредить. И от этого страдает наша 11-я истребительная группа. Не знаю, правда это или нет. Но ошибок со стороны пилотов 12-й группы здесь хватало.

И вот сейчас британская авиабаза Биггин Хилл орала на всех частотах о том, что находится под вражеской атакой. Когда мой «Спитфайр» приблизился к месту событий, я увидел следующую картину. Немцы, действительно, добрались к Биггин Хилл раньше нас. И сейчас увлеченно бомбили эту авиабазу. И редкие разрывы зенитных снарядов им особо не мешали. Бомбардировщики деловито подлетали к цели и вываливали свой смертоносный груз. Немецкие истребители кружились в стороне. Подальше от огня британских зениток. И сейчас это оказалась нам на руку. Ведь вражеские бомбовозы, сбросив свои бомбы на ангары и взлетную полосу, выходили из атаки напрямик в нашу сторону. Литхэрт этим решил воспользоваться. И комэск 65-й эскадрильи его в этом также поддержал. Обе эскадрильи с ходу ринулись на немецкие «Хейнкели» He-111, которые только что отбомбились. Вот их мы и атаковали. Немецкие истребители нас тоже заметили. Но сделать уже ничего не успевали. Мы и эти бомберы были слишком далеко от них. И между нами находилась авиабаза, с которой все еще вели огонь английские зенитки. Поэтому пилотам истребителей Люфтваффе пришлось лететь в обход. А это время. Время, которое стоило жизни многим членам команд «Хейнкелей».

Англичане с огромным энтузиазмом атаковали немецкие бомбовозы. Они уже так много дней не могли об этом даже и мечтать. Раньше то приходилось с боями продираться к бомбардировщикам через многочисленных истребителей противника. И часто этого сделать не удавалось. А тут прямо праздник какой-то? Бомбардировщики и без прикрытия. Сами к нам прилетают. Нет, прикрытия из истребителей у немцев имеется. Но когда оно еще сюда подоспеет? Мы поймали нацистиков со спущенными штанами. И сейчас этим воспользуемся. Атакую ближайший «Хейнкель», заходя с верхней-левой полусферы. С этого ракурса его оборонительные турели меня не достанут. Вообще-то, He-111 неплохо защищен от атак истребителей. Пулеметов у него хватает. Когда такие «Хейнкели» летят в плотном строю, во все стороны ошестинившись своими пулеметами. То подступиться к ним тяжело. Они очень хорошо друг друга прикрывают. Но сейчас этот вражеский бомбер только что вышел из атаки на аэродром. И летит в гордом одиночестве. Как и еще несколько других бомбардировщиков противника в этом секторе неба. Им после атаки необходимо было снова собираться в плотный строй. Но времени для этого мы им не дали. И теперь английские «Спитфайры» с азартом атакуют одиночные «Хейнкели».

А этот вон там впереди является моей законной добычей. Немцы меня заметили, обзор во все стороны у этого немецкого бомбовоза отличный. И даже попытались среагировать на мое приближение. Пилот He-111 хочет развернуться ко мне носом и подставить меня под носовой пулемет. Но я ему не даю этого сделать. И парирую все его потуги, просто уходя в сторону. «Хейнкель» He-111 — это даже не «Мессершмитт» Bf-110. Это еще более тормозная мишень для моего быстрого и маневренного «Спитфайра». Ну, вот и все!

Наконец-то, я подлетел достаточно близко, чтобы открыть огонь. Мои пушки и пулеметы выдают смачные очереди, разбивая кабину пилотов в дребезги и задевая правый двигатель. Резко отворачиваю в сторону, наблюдая как этот «Хейнкель» неуклюже заваливается вниз и устремляется к земле, полыхая простреленным мотором. Первый готов! Пушки по стеклянной кабине — это сильно! Тут бы и моих пулеметов хватило с избытком. Вот что значит опыт. Раньше бы с такой дистанции я стрелять не стал. Ближе бы подошел, чтобы бить наверняка.

Пока этот убитый мною He-111 летит вниз, я осматриваюсь по сторонам, выискивая другую жертву. Вот этот подойдет. Еще один «Хейнкель», который только что вынырнул из боя, успешно отбомбившись по одному из ангаров на Биггин Хилл. Привет, привет! Ты то мне и нужен! Ухожу на вираж, обходя немца с правого боку. Его верхняя-задняя турель пытается по мне стрелять. Но безбожно мажет. Далековато и скорость я успел набрать не самую маленькую. Кстати, этот фашист так и летит по прямой, пытаюсь залезть повыше. Первый то был поумнее. Хотя бы пытался маневрировать и подставить меня под огонь своих турелей. А этот вон летит, как и летел раньше. И никуда не сворачивает. Скорее всего, там сейчас за штурвалом сидит не очень опытный немецкий пилот. Который растерялся и не знает, что надо делать в таких случаях. Вот никогда тебе уже не стать опытным военным преступником, фашистик. Я об этом позабочусь. Бок вражеского бомбера растет в прицеле. Пора! Жму на гашетки, работая по цели из всех стволов. Есть контакт! Попал! Похоже бензобак? Вон как полыхнуло! Горит! Красиво горит! Второй готов!

Шустро разворачиваюсь. Ага! Картина маслом. Наши «Спитфайры» также без дела не сидели. Пока я тут развлекался, они успели поджечь четыре бомбера нацистов. И теперь весело гоняют еще троих, заходя на них со всех сторон. Бросаю взгляд в сторону немецких истребителей. Где там они? Не, не, не. Еще далеко. Умные и осторожные немцы полетели в обход авиабазы, чтобы не попасть под огонь британских зенитчиков. Молодцы, фашистики. Бережете свои жизни. Так держать! А мы продолжим свою охоту. Кстати, об охоте. Вон те два «Хейнкеля» пытаются сбиться во что-то, напоминающее группу. К ним спешит еще один товарищ. Нет, такой хоккей нам не нужен. Будем бить, пока они там не собрались окончательно в кучу.

Все также подхожу к врагам сбоку. А что? Не хочу я велосипед изобретать. Так атаковать He-111 наиболее безопасно. Спереди и сзади к ним лучше не соваться. Расстреляют нафиг! А вот в бок пулеметы этих бомберов не бьют. Радиуса разворота у их турелей не хватает для этого. Поэтому мы их отсюда и будем атаковать. Итак — двойная цель. Я беру переднего, а мой ведомый займется вторым «Хейнкелем». А то он там уже успел немного заскучать. Первых то двух я завалил в одно рыло. А Колин Грей так ни разу и не стрельнул в этом бою. И вот теперь я ему такую возможность предоставляю. На этот раз открываем огонь с более близкой дистанции. Это из-за пулеметов моего ведомого. Они же у него не такие дальнобойные как мои пушки. А я хочу, чтобы он сбил своего «джерри» с одного захода. Отлично все прошло. Колин по своему бомбардировщику не промазал. Я ему советовал целить по кабине пилотов. Она у этого бомбовоза Люфтваффе большая и стеклянная. И брони противоположной там нет. В общем, он моего совета послушался и теперь записал на свой счет еще один сбитый самолет противника. Растет мальчик. Матерет по тихой. Уже начинает сбивать самолеты врага с одного захода. Моя школа. Ах, да! Я в своего тоже не промахнулся. Этот также красиво загорелся. В общем, третий готов!

Правда, на этом праздник жизни закончился вместе со снарядами к моим

автоматическим пушкам. Все никак не могу привыкнуть к этому куце му боезапасу английских авиационных пушек. Эх, только веселиться начали и пушки стрелять перестали. Печалька, однако! А вместо слов одни междометия! Кстати, не я один тут такой печальный оказался. Литхэрт тоже все патроны расстрелял до единого. И не он один. Его парням в этом бою много стрелять пришлось. Пулемет винтовочного калибра — это ваш не пушка в двадцать миллиметров. Им надо долго ковырять такую большую цель как «Хейнкель». А если учесть, что не все британские пилоты могут хорошо стрелять. То патронов они тратят очень много, чтобы сбивать вражеские бомберы. В общем, наш командир скомандовал отход. И мы ушли по-английски. Не прощаясь. И оставив недобитые немецкие бомбардировщики в покое. А немецкие истребители нас так и не догнали. Впрочем, они как-то не сильно к этому стремились. Отогнали нас и на этом успокоились. Им же еще надо было довести до Франции тех, кто выжил после нашей атаки. А мы и ушли спокойно, не потеряв ни одного своего истребителя в этом бою. Хорошо повоевали. На пять с плюсом. Вот всегда бы так.

После приземления нам долго отдыхать не дали. Немцы сегодня как с цепи сорвались. И начали наносить удары небольшими группами самолетов. После обеда они уже не собирались в одну большую воздушную армаду. А прилетали в хаотическом порядке. По готовности. А мы пытались им противостоять. Только не всегда у нас это получалось. 30 августа Люфтваффе планировали вывести из строя большую часть аэродромов Королевских ВВС в Южной Англии. К нам в Манстон они тоже прилетали. В первый раз нас успели вовремя предупредить посты наблюдения, и мы все смогли взлететь и встретить приближавшиеся бомбардировщики противника в воздухе. Даже «Дифайнтам» из 264-й эскадрилье пришлось принять участие в отражении этого вражеского авианалета. Восемнадцать «Дорнье» Do-17 и двадцать три «Мессершмитта» Bf-109 до Манстона так и не долетели.

Мы их приняли над морем. И смогли заставить вражеские бомберы побросать свои авиабомбы в воду. И отвернуть назад. В том бою я смог сбить только один «Мессер». А два других повредил, но добить не смог. Не дали. Пришлось отвлекаться на других немцев, которые жаждали до меня добраться. И в итоге — подранки благополучно удрали. Из этого боя я привез шесть пробоин в фюзеляже и крыльях моего «Спитфайра». В этот раз нам попались какие-то особо опытные и настырные немецкие пилоты. Которые меня чуть было не достали. Это я про истребители говорю, если кто не понял. С бомбардировщиками то мне тогда повоевать не пришлось. Мы (54-я эскадрилья) немецкие истребители отвлекали на себя. Пока другие наши парни разбирались с «Дорнье».

А вот второй вражеский авианалет на Манстон мы благополучно прохлопали ушами. Точнее говоря, тут были виноваты не мы. Немецкие бомбардировщики в ходе одного из спорадических налетов по ошибке разбомбили узел энергоснабжения нескольких радарных станций. Да, да! Вы не ослышались. Немцы этот узел электропитания уничтожили случайно. Изначально они не планировали это делать. Это уже позже стало известно от немецких пленных из экипажей сбитых бомбардировщиков противника. А тогда это выглядело как коварный план нацистов. Типа, лишить энергии британские радары и ослепить Штаб Истребительного Командования Королевских ВВС. Но оказалось, что это было случайное стечение обстоятельств. Которое привело к печальным для нас последствиям.

Наблюдательные посты, расположенные возле Манстона, слишком поздно заметили, самолеты противника, пролетавшие над ними. И сообщили нам об этом. Конечно, мы

попытались взлететь на перехват. Вот только не успели это сделать. Когда на взлет пошла дежурная пара, в которую в тот момент входили Алан Дир и Ричард Престон. То немецкие самолеты уже были над нашей авиабазой. Шесть «Мессершмиттов» Vf-110 атаковали взлетающие «Спитфайры» дежурной пары. Они сбросили бомбы на взлетную полосу. Да, немцы эти тяжелые двухмоторные истребители в этот раз использовали в качестве бомбардировщиков. А что. Из «цершпереров» вышли неплохие легкие бомбардировщики и штурмовики. И они сейчас это доказывали на практике. В этом вражеском налете участвовало всего двенадцать Vf-110, а дел они натворили много. Наши зенитчики из аэродромного ПВО тоже их проспали. И открыли огонь только когда на авиабазу Манстон начали падать вражеские авиабомбы.

Дежурную пару немцы накрыли своими бомбами. Оба британских истребителя разорвало на куски. Истребитель Ричарда Престона загорелся. А у «Спитфайра» Алана Дира оторвало взрывом хвост и одно крыло. Но нам было некогда смотреть на это. Бомбы падали рядом с нами. И я до своего истребителя так и не смог добраться. Помнится, во многих фильмах про войну и военных летчиков, которые я смотрел еще в прошлой жизни. Там в далеком двадцать первом веке. Там очень популярным был такой вот сюжет. Внезапный налет вражеских самолетов на аэродром. Героический летчик быстро взлетает и сбивает самолет противника. А то и два. Например, в голливудском фильме «Перл-Харбор» brave американские летчики-истребители гордо и смело, наплевав на все законы физики, под бомбами и огнем противника взлетают на своих истребителях P-40. И очень быстро сбивают аж несколько новейших японских истребителей «Зеро». Да, да! Те самые знаменитые на весь мир «Зеро». Которые по всем параметрам превосходили устаревшие P-40. Хотя в реальности такого не было и быть не могло. Но на то он и Голливуд, чтобы вот так приукрашивать действительность. А здесь в суровой реальности немцы нас очень грамотно подловили. И даже дежурная пара, которая находилась к этому моменту в постоянной готовности к вылету, не успела взлететь. Вон их останки догорают на взлетной полосе. Многие наши истребители сейчас были просто не готовы к экстренному взлету. Это в кино все делается быстро и просто. Завел двигатель и полетел. Ага! Только почему-то никто не упоминает там, что перед взлетом мотор самолета надо еще и прогревать на холостом ходу. Желательно потом погонять его на всех режимах, стоя на земле. И уже потом начинать взлетать. А для этого надо вырваться на взлетку на самолете из капонира или ангара. Потом разогнаться по прямой и взлететь. И все это придется делать под бомбами и вражеским обстрелом. «Цершпереры», сбросив бомбы, начали обрабатывать нас своими 20-мм авиапушками и пулеметами. Стволов у них хватает.

Хотя в экстренных случаях как сейчас можно взлетать и не только с бетонной взлетной полосы. Можно и с травяного поля нашей авиабазы это попробовать сделать. Оно тут довольно ровное. Но ведь и немцы не дураки. Они это тоже знали прекрасно. И в первую очередь обработали своими бомбами взлетную полосу и поле возле ангара и капониров с нашими истребителями. Натыкав там воронок, чтобы уже никто не мог спокойно разогнаться и взлететь. Грамотно сработали гады фашистские. А теперь носятся вдоль и поперек нашей авиабазы и уничтожают все, что видят. Строения, технику и людей. Поэтому я быстро понял, что летчиком из фильмов мне не стать. Не успею я добежать до своего «Спитфайра». Тем более, что он стоит сейчас в самом дальнем ангаре. Без боезапаса и топлива. Его там ремонтируют. Дырки, полученные в прошлом вылете, заделывают. В общем, не готов мой истребитель сейчас к полету и героическому воздушному бою в стиле

Голливуда. И я принял самое верное решение в такой неприятной ситуации. Я запрыгнул в небольшой окопчик и залег на самое дно, прикрыв голову руками. Очень неприятно, когда рядом рвутся бомбы. Очень! Хорошо, что хоть таких вот простеньких земляных укрытий англичане догадались понаделать возле каждого строения нашей авиабазы. Вот и пригодился окопчик. И не только мне. Вместе со мной там засели еще две девицы из аэродромной службы. Оказывается, у англичан в вооруженных силах служат не только мужчины. Хватает тут и женщин. На небоевых должностях. Всякие там связистки, официантки в летной столовой, сигнальщицы, санитарки, операторы постов наблюдения и прочие бойцы вспомогательных служб тыла. И у нас в Манстоне они тоже были.

Это безобразие длилось минут двадцать. Немцы славно здесь порезвились, разрушив три ангара, один склад с вещевым имуществом, столовую, одно из хранилищ топлива. Кроме того, были на земле уничтожены еще десять британских истребителей. Девять человек погибли, а шестнадцать получили ранения. Но несмотря на это, кое-что все же уцелело. Из нашей эскадрильи аж два «Спитфайра» остались целыми. Мой и Дэна Райса. И ангар, в котором они ремонтировались, тоже не сильно пострадал. Он стоял на самом отшибе и немцы в этой атаке ему уделяли мало внимания. В общем, повезло. Мне и Дэну. А вот остальные летчики из нашей эскадрильи остались без самолетов. Из пилотов 54-я эскадрилья потеряла только Ричарда Престона. Бедняга сгорел в своем истребителе прямо на взлетной полосе. А вот когда мы стали разбирать обломки «Спитфайра» Алана Дира, то нас всех ждал очень большой сюрприз. Человек Катастрофа выжил и в этот раз. И когда его извлекли из кабины, то увидели на нем только несколько царапин и синяков. Никаких серьезных травм или ранений этот феноменальный счастливчик не получил. Он только находился в шоке. Потом пришлось его отпаивать виски. Бутылка которого нашлась у наших авиатехников. Они у нас очень запасливые ребята. Впрочем, мы потом тоже к той бутылке приложились. Надо было запить этот стресс.

Понимаете. В небе война не такая страшная. Да, там тоже можно увидеть взрывы и огонь. Но пилот все это видит из герметичной кабины, где звуки, идущие извне, довольно сильно гасятся. Там они какие-то приглушенные получаются. Не такие громкие и страшные. А вот когда рядом с вами на земле рванет авиабомба. То вас такой взрыв пробирает до костей. Очень неприятное чувство тогда возникает в организме. И еще, сидя под бомбами в том окопе с двумя связистками, я чувствовал свое полное бессилие. В небе ты сам все решаешь. Как тебе воевать и как тебе умирать. Там ты сам выбираешь и рискуешь жизнью. И ты можешь там в воздухе повлиять на ситуацию. Можешь победить и уничтожить противника. А в том окопе от меня мало что зависело. Там все решал случай и воля немецких летчиков, которые сбрасывали на нас свои бомбы. А потом обстреливали нас из своих пушек и пулеметов. И я с этим мало что мог поделать. Не люблю я вот так бессильно сидеть и ждать случайной смерти. Меня это бесит. Я уже привык сам решать свою судьбу в пекле воздушных схваток. Там я король. А на земле я никто.

Глава 19

Перегруппировка

Понятное дело, что после такого фееричного разгрома наша 54-я эскадрилья перестала существовать как эффективная боевая сила. Пять пилотов, всего два поврежденных самолета и одна овчарка по кличке Крэш. Это, вообще, ни о чем. Между прочим, наш живой талисман показала себя во всей красе. На этой овчарке после бомбардировки, разрушившей наш аэродром, даже царапины не нашлось. Никого даже не удивило, что нас отправили на переформирование. Все туда же на авиабазу Каттерик, находившуюся в центральной части острова Британия. Те места считались тылом. Так как вражеские бомбардировщики туда не долетали. И там нас начали в быстром темпе пополнять людьми и техникой. Чтобы потом снова бросить нас в бой.

Под это дело я опять получил краткосрочный отпуск. И убыл в Лондон к жене. И в этот раз обстановка в британской столице мне совсем не понравилась. Кругом были видны следы разрушений. Хотя на северных окраинах Лондона, где жила Анна Мария сейчас, их было не так много. Немцы больше внимания уделяли центру и югу города. И каждую ночь прилетали бомбить. Первую ночь что я там был, в городе ревели сирены воздушной тревоги. И нам с Анной Марией приходилось ночевать не в квартире, а в бомбоубежище, расположенном неподалеку от нашего дома. Очень нервная какая-то обстановка. И мне все это не понравилось. Не могу я воевать спокойно, зная, что моя беременная супруга живет под бомбами нацистов. Не нравится мне такая вот смертельная лотерея. Моей Аннушке покой сейчас нужен, а не эти ночные нервытрепки. Поэтому я решил заняться этой проблемой.

И обратился не куда-то там в штаб ВВС к маршалу Даунингу, который меня терпеть не может, а сразу же к британскому монарху. А что? Наглеть, так наглеть. Мне Георг Шестой благоволил. Мы с ним уже стали почти приятелями. Поэтому я и решил с ним связаться. И попросить новое жилье где-нибудь на севере Англии для моей любимой Анны. И о том, что она ждет ребенка сейчас, я тоже напомнил. Где ее там поселят, мне было все равно. Главное, чтобы туда не долетали немецкие самолеты. Мне так спокойнее будет потом драться в небе с ордами «джерри». Так все и выложил британскому королю в телефонном разговоре. Георг Шестой меня внимательно выслушал. Поздравил уже с сорок шестым германцем, сбитым мною в небе над Британией. И пообещал разобраться с моей проблемой. И знаете что? Он таки разобрался. И сделал это очень быстро. В рекордные сроки. Уже через два дня нам выделили новую квартиру в офицерском городке авиабазы в шотландском городе Эдинбург. Таким решением вопроса я остался доволен. Теперь мне хоть не придется бояться, что мою любимую жену убьет какая-нибудь шальная авиабомба, наобум сброшенная на ночной Лондон с немецкого бомбардировщика.

Кстати, такую быструю реакцию британских властей на мою просьбу я понял, почитав британскую прессу. Все британские газеты и журналы пестрели статьями про героических летчиков, защищавших сейчас Англию от смертельного врага. И портреты наиболее выдающихся асов Великобритании там тоже имелись. А среди них очень часто стала мелькать и моя физиономия. Простые англичане меня даже стали на улицах узнавать. Оказывается, что на сегодняшний момент я стал очень популярной личностью. Самый лучший воздушный ас Британской Империи. В газетах меня так и называли. И даже счет сбитых мною самолетов нацистов вели очень оперативно. Английскому обществу,

изнемогавшему под немецкими бомбардировками, нужны были герои. Зримые образы защитника империи. И я стал одним из них. Вот ведь странная вещь эта человеческая психика. Совсем недавно в тех же газетах меня называли беглым и подозрительным чужаком из страшной Советской России. Но теперь прошло не так уж и много времени, а я уже герой британской нации и надежда Великобритании. Никто сейчас и не вспоминает из тех газетчиков, с каким подозрением они обо мне писали. Теперь я для них свой в доску парень. Тут даже специальные фотокарточки с лицами наиболее знаменитых летчиков Королевских ВВС начали продаваться в магазинах. И мое изображение там тоже было. И их охотно раскупали. Кстати, все средства от продаж потом шли в фонд обороны Великобритании. Вот такая наглядная агитация и бизнес одновременно.

Кстати, за эти дни пока мы отдыхали и пополняли ряды. Положение 11-й истребительной группой стало критическим. Все аэродромы в зоне нашей ответственности немцы бомбили не один раз. И не только наша эскадрилья потеряла при этом большую часть своих самолетов и людей. Другие подразделения 11-й группы тоже понесли огромные потери. И теперь наш сектор обороны прикрывала и 12-я группа. Раньше то ее истребители использовались здесь эпизодически. И в основном, охраняли наши авиабазы. А вот теперь когда силы 11-й группы иссякли в боях, то 12-я группа стала летать и на перехват вражеских самолетов вместе с нашими эскадрильями. А мы пока лихорадочно пополняли наши ряды. И надо сказать, что 12-я истребительная группа вице-маршала Ли-Мэллори пока плохо справлялась со своей задачей. А немцы в течении трех дней получали очень слабый отпор. В связи с чем, у Геринга сложилось впечатление, что британские ВВС разгромлены. Поэтому командующий Люфтваффе на совещании в Гааге 3 сентября 1940 года решил перенести всю тяжесть авиаударов с английских аэродромов на столицу Великобритании. Из-за чего по плану Геринга немецкая авиация снизила интенсивность своих авианалетов, чтобы подготовиться к атакам на Лондон.

3 сентября 1940 года закончился мой краткий отпуск. И я вернулся в расположение 54-й эскадрильи. Комэск встретил меня усталой улыбкой и отправил знакомиться с нашим пополнением. На этот раз новички меня удивили своей экзотичностью. Англичан среди них было только двое: Генри Ноэль и Джек Дэвис. А вот все остальные новые пилоты нашей 54-й эскадрильи были иностранцами. Иностранцами добровольцами, которые прибыли в Англию, чтобы сражаться с немцами. Там были: американец, два чеха, француз и испанец. И у каждого из них была своя история.

Американца звали Артур Донахью. Этот двадцати шести летний американский парень не был военным летчиком. До войны он был пилотом коммерческих авиалиний в США. А чтобы попасть в Королевские ВВС он назвался канадцем. Кстати, Артур уже не был новичком. Ему пришлось немного повоевать в небе над Британией. Он 3 августа 1940 года был назначен в 64-ю эскадрилью, базировавшуюся в Кенли. Поучаствовал в нескольких воздушных боях с немцами. Был сбит и с ожогами ног попал в госпиталь. А вот теперь американец оклемался и был переведен в нашу эскадрилью.

Чехов звали Франтишек Файтль и Владимир Горский. Файтль был самым настоящим кадровым военным летчиком. Он служил когда-то в ВВС Чехословакии. А потом когда его страна была оккупирована немцами, то Франтишек бежал во Францию. Где вступил во французские военно-воздушные силы. Он летал на французских истребителях «Моран-Сольнье» M.S.406 и сражался с Люфтваффе в небе Франции. После падения Франции он бежал в Северную Африку и через Порт-Вендр отправился в Великобританию. Где и вступил

в Королевские ВВС. В общем, называть Франтишека Файтля неопытным новичком было не совсем корректно.

Владимир Горский меня сильно удивил. Поначалу когда я услышал его имя и фамилию, то подумал, что встретил здесь соотечественника. Такого же русского, сбежавшего из СССР. Но оказалось, что Владимир был чехом. По крайней мере, он себя таковым считал. И хотя фамилия Горский ему досталась от отца, который был этническим поляком. В Чехословакии поляков тогда хватало. Но Польшу и поляков Горский не очень любил. Он не мог простить полякам их предательства и коварства. Многие, наверное, не знают, что когда Германия оккупировала Чехословакию, то Польша тоже поучаствовала в этом мероприятии, оттяпав у чехов часть земель. Почему-то историки Запада, рассуждая о коварном разделе Польши между Гитлером и Сталиным, очень не любят вспоминать такой же подлый поступок поляков. Которые точно также рвали на куски обреченную Чехословакию. И, между прочим, делали это вместе с тем самым Гитлером, на которого потом европейцы всех собак повешают, чтобы скрыть уже свои преступления. Поэтому здесь я Владимира Горского понимал. И полностью его поддерживал в его нелюбви к заносчивым и хитропопым полякам. Кстати, Горский тоже был когда-то военным летчиком. Еще в Чехословакии до ее оккупации. Они вместе с Франтишеком Файтлем служили. И вместе бежали сначала во Францию. А потом уже и в Великобританию.

А вот Пьер Блез был чистокровным французом. И он у нас тоже не новичок. Служил в ВВС Франции. Воевал с немцами. А после капитуляции Французской республики решил продолжить борьбу с нацистами уже в Англии.

Но больше всех меня заинтересовал Родриго Бельтран. Оказывается, этот испанец когда-то был лейтенантом ВВС Республиканской Испании. И он сражался против франкистов в небе над Мадридом. Примерно, в то же самое время, когда и я там был. В качестве добровольца. Вот такой привет из моего бурного прошлого нарисовался. Родриго я как ни тужился, но вспомнить не смог. Мы же тогда с испанцами не сильно старались контактировать. Наши особисты и политруки за этим строго следили. Видимо, опасались вражеских шпионов и диверсантов. Которых там в Испании в то время действительно было очень много. А вот испанец меня узнал. Оказывается, про мой воздушный таран вражеского самолета испанским товарищам подробно рассказывали. И газету с моей фотографией тоже показывали. Их тогда это очень сильно потрясло и взбудоражило. Кстати, там в Испании я был первым, кто таранил самолет противника своим истребителем. Это уже потом советские летчики-добровольцы стали брать с меня пример. Им же тоже все уши комиссары прожужжали про мой дурац... э... беспримерный подвиг. И потом стали находиться такие же отморозенные герои, таранившие врагов своими самолетами. И даже среди республиканских пилотов также такие люди нашлись. В общем, Родриго Бельтран меня знал хорошо. Его история тоже была похожа на крутой боевик. Сначала война в Испании. Потом когда республиканцы проиграли, было бегство с риском для жизни через французскую границу. После чего служба в ВВС Франции. Война с Германией. А под занавес бегство в Англию и вступление в ряды Королевских ВВС.

Вот так в нашей эскадрилье собрались все эти разные люди. Которых объединяло одно. Ненависть к немецкому фашизму. И они были готовы с ним драться, не щадя своей жизни. А вы что думали, что я тут один такой вот беглец со своей Родины? Тот кого приютили англичане и потом поставили в строй, умирать за интересы Британской Империи. Нет, тут таких вот изгоев хватает. Тех у кого отняли Родину орды Гитлера. Если уж в далеком

двадцать первом веке на загнивающем Западе были люди, ненавидевшие фашизм. И которые не только громко возмущались, но еще и сражались против него. Я сам про таких читал как-то в интернете. Про граждан США, Франции, Сербии, Мексики и Аргентины. Их, конечно было мало, но они там были. И приехали сражаться на Донбасс против украинских нацистов. А здесь в 1940 году таких людей было гораздо больше. Тех, кто ненавидел фашистов и готов был с ними бороться с оружием в руках. Пока еще их тут много. Пока еще страны Запада не оскотинились окончательно, как это будет лет через восемьдесят. Когда даже в странах, воевавших с Гитлером, в тех же США, Франции и Англии, начнут обелять нацистов. И активно их поддерживать.

Кроме новых людей мы получили и новые самолеты. В нашу эскадрилью вместо старых «Спитфайров» Mk.1 прибыли истребители «Спитфайр» Mk.2 с более мощными моторами. При этом среди них были и шесть штук Mk.2B в пушечном варианте. С двумя 20-мм авиапушками и четырьмя пулеметами. Мой прежний «Спитфайр», побитый пулями, остался в Манстоне, а я пересел на новый истребитель тоже с пушками. Этот самолет мне понравился. За счет более мощного мотора он стал еще более скоростным и маневренным. Вооружение тоже меня устраивало. Еще два пулемета добавилось к тому, что было ранее. Что в свою очередь увеличило и урон от моей стрельбы. Новенькие пушки тоже нареканий не вызывали. На них также стояла продвинутая система обогрева орудий. И эти 20-мм авиапушки великолепно работали без задержек и заклиниваний. Все же смогли английские оружейники исправить недостатки своих первых авиационных пушек, которые постоянно выходили из строя во время стрельбы. И довольно быстро справились с этой проблемой, между прочим. Зря я их ругал. Правда, с боезапасом для 20-мм пушек все было по-прежнему. Он был все таким же возмутительно маленьким. По шестьдесят снарядов на ствол.

На этот раз по тактике эскадрильи мы ничего менять не стали. Все также Литхэрт возглавлял основную ударную группу из восьми истребителей. А вспомогательной группой из четырех «Спитфайров» продолжал командовать я. Только теперь у меня появился новый ведомый. Им стал Родриго Бельтран. Я его сам выбрал, погоняя наших новичков на тренировочных полетах. А вот Колин Грей возглавил свою пару, которая вошла в мою группу. Кстати, Колин долго упирался и хотел продолжать летать моим ведомым, но Литхэрт его уломал. Ведомым Грея стал наш француз Пьер Блез. Сейчас меня порадовало то, что почти все наши новички были опытными пилотами с боевым опытом. И это внушало оптимизм и надежду. Что нашу эскадрилью теперь не смогут выбить также быстро, как это случилось после прошлого пополнения, когда нам прислали только неопытных летчиков. Впрочем, бои покажут, был ли я прав.

Глава 20

Снова в бой

4 сентября 1940 года мы снова прибыли на фронт. Теперь наша 54-я эскадрилья перебазировалась в Хорнчерч. Та самая авиабаза, на которой и начиналась моя служба в Королевских ВВС. Сейчас Хорнчерч выглядел не так пристойно как раньше. Было видно, что этот британский аэродром долго и упорно бомбили. Из всех ангаров уцелел только один. И то он был частично разрушен. Столовая, оба склада, казарма для летного состава и бар лежали в руинах. Долбаные арийцы! Вот чем им наш бар не угодил то? Оставили нас без холодного пива, понимаешь. Козлы! Воронок от авиабомб тоже кругом хватало. Часть их уже засыпали. Сгоревшие машины и самолеты здесь также имелись. В общем, унылая картина разгрома в полный рост. Из-за разбитой в хлам казармы спать нам пришлось в палатках. Пехотинцы из аэродромной команды лихорадочно сооружали капониры для наших истребителей.

На авиабазе Хорнчерч наша эскадрилья была не единственной. Еще тут базировалась 74-я эскадрилья «Спитфайров». Ею командовал Адольф Малан по прозвищу Матрос. Такое прозвище у Малана появилось из-за его прошлого. Когда-то он плавал на торговых кораблях Южноафриканского союза. Кстати, сам Адольф Малан тоже был уроженцем Южной Африки. Потомок белых колонизаторов выглядел как настоящий английский аристократ. Высокий, подтянутый офицер с мужественным лицом и аристократическими манерами. Мне этот кадр не понравился. Какой-то он был слишком высокомерный. Не сложились у нас с Маланом нормальные отношения. Со своими подчиненными он общался слишком высокомерно и чересчур строго. А еще мне рассказали, как Адольф Малан пытался свалить свою вину на своих подчиненных.

В британских ВВС этот прискорбный инцидент обозвали «Битвой при Баркинг-Крик». Когда из-за ошибки Адольфа Малана, командовавшего 74-й эскадрильей в том бою, были сбиты два британских «Харрикейна» из 56-й эскадрильи. И при этом погиб английский офицер Монтегю Халтон-Харроп. Вот такой вот «дружеский огонь» по своим. Конечно, сбивали своих пилоты 74-й эскадрильи, но действовали они по прямому приказу Малана, который спутал дружественные «Харрикейны» с немецкими «Мессершмиттами». И отдал приказ к атаке. В общем, этот кадр ошибся. А потом на трибунале попытался свалить всю вину на своих пилотов, выгораживая себя. Очень мерзкий поступок. И он хорошо характеризует этого человека. Не люблю я таких подлых мажориков. Гнилой он человечиска, однако. Поэтому с этим Матросом мы активно не общались. А 74-я эскадрилья тут уже находилась несколько дней. И успела понести потери. В строю у них на тот момент имелось всего семь самолетов. Других авиачастей на этой авиабазе не было.

Не успели мы там как следует освоиться, как пришлось взлетать на перехват вражеских самолетов. Вообще-то, уже второй день Люфтваффе сбавили темп. И стали летать не так интенсивно и массово как раньше. Немцы готовились к атаке на Лондон. Копили силы и перегруппировывались. Но все же летали небольшими группами. Тревожили нашу оборону. И в основном, для этого использовались «Мессершмитты» Vf-110. Эти двухмоторные истребители сейчас прилетали в Англию с подвешенными бомбами. Бомбили британские аэродромы, а потом быстро отходили. Вот и нас отправили перехватить такую группу «церштереров», которая направлялась к Биггин Хилл. Этот несчастный аэродром немцы

почему-то особенно не любят. И постоянно его бомбят. Даже сейчас. Когда англичане отказались от его эксплуатации. Там вся инфраструктура была уже разрушена до основания. Все эскадрильи, базировавшиеся на Биггин Хилл, англичане оттуда уже вывели. И по большому счету бомбить там было нечего. Но тем не менее, Люфтваффе все же присылали туда свои самолеты. И с каким-то маниакальным упорством продолжали бомбить Биггин Хилл.

Перехватили мы эти Vf-110 уже когда они, отбомбившись, летели назад. И сделали это очень технично. Подкрались к противникам под прикрытием облаков и внезапно атаковали сверху. В первом же заходе разваливаю своими пушками и четырьмя пулеметами один из «церштереров». Хорошо врезал. Душевно! У этого тяжелого «Мессера» аж левое крыло отвалилось и полетело вниз, кувыркаясь в воздухе. Первый готов! Мой испанский ведомый тоже неплохо себя проявил, всадив смачные очереди в «сто десятого», летящего левее. У Родриго Бельтрана «Спитфайр» тоже пушечный. Поэтому для немца эти попадания оказались фатальными. Кстати, вся моя группа в данный момент летает на пушечных истребителях. Даже Колин Грей решил перейти на пушки.

В первой атаке немцы потеряли сразу четыре «Мессершмитта» Vf-110. И это произвело на них угнетающее впечатление. После чего группа «церштереров» распалась на отдельные кучки. И мы принялись их гонять в охотничьем азарте. Странно, но в этот раз прикрытия из «Мессершмиттов» Vf-109 не было. Люфтваффе, ободренные пассивностью Королевских ВВС послали эти «сто десятые» в гордом одиночестве. И теперь немецкие пилоты за этот просчет своего командования расплачивались по полной. Нельзя отправлять «церштереры» без прикрытия более легкими истребителями. Против «Спитфайров» данные Vf-110 — это просто мясо. Слишком уж они неповоротливые. Впрочем, я об этом уже говорил раньше.

Пока у меня не закончились боеприпасы, я успел сбить еще два «сто десятых». После чего этот праздник закончился. Кстати, сбивал не только я один. В общей сложности, Люфтваффе в этом бою потеряли аж десять «Мессершмиттов» Vf-110. Что для реалий этой войны было очень круто. Обычно, англичане таких выдающихся результатов не добивались. Но тут для немцев сложились очень неудачные обстоятельства. Если бы тех «церштереров» прикрывали более легкие и маневренные «Эмили». То нам бы так легко не было. А так мы по сути своей, безнаказанно избивали группу легких бомбардировщиков. Да, да! Вот не поворачивается у меня язык, чтобы назвать «Мессершмитты» Vf-110 полноценными истребителями. Не тянут они на такую роль. И почему командование Люфтваффе не понимает такую очевидную вещь? Вот зачем иметь такие «истребители», которым требуется прикрытия других истребителей? У них же нет никаких шансов в воздушном бою против британских «Спитфайров» или «Харрикейнов». Бред какой-то! Но немцы все еще упорствуют в своем невежестве и продолжают посылать на убой неуклюжие «церштереры». Которые несут чудовищные потери в воздушных боях. А нам такое заблуждение немецкого командования только на руку. Пускай еще присылают таких вот двухмоторных монстров без прикрытия. С ними очень легко сражаться. Тем более, что мы в этом бою потерь не имели. Нет, несколько наших самолетов получили повреждения. Легкие. Но ни убитых, ни раненных с нашей стороны сейчас не было. Хорошо повоевали, однако!

В этот день наша эскадрилья вылетала на перехват еще два раза. Но пострелять по противнику в тех вылетах мы так и не смогли. В первом случае вражеский налет отбили без нашего участия. Мы туда просто не успели добраться, как немцы сбросили бомбы в Ла-Манш, так и не долетев до Британии, и стремительно удрали. Во втором случае мы опять не

успели перехватить группу вражеских самолетов. Эти летучие нацисты успели отбомбиться по цели на южном побережье Великобритании. После чего быстренько смылись домой. А мы их догнать не смогли. И больше 4 сентября мы не летали. Хочу подчеркнуть такой любопытный факт. Во всех этих вылетах сегодня Люфтваффе использовали только «Мессершмитты» Bf-110 с подвешенными бомбами. Вот об этом я и говорил. Из «церштереров» вышли хорошие легкие бомбардировщики. Скоростные и более маневренные чем классические бомбардировщики, используемые Германией. Они могли быстро подойти к цели, сбросить бомбы и также быстро уйти. Однако, в таком качестве их использовали редко. Люфтваффе эти самолеты почему-то по прежнему пытались использовать в качестве истребителей.

Глава 21

Боевая работа

Утро 5 сентября началось с традиционного налета вражеских самолетов на многострадальную авиабазу Биггин Хилл. Что Люфтваффе там бомбили? Для меня это так и осталось загадкой. Никаких британских самолетов или солдат там не было к тому моменту. И немцы тупо тратили боезапас, швыряя бомбы по пустым руинам. Впрочем, нам такой просчет немецкой разведки был на руку. Мы вместе со «Спитфайрами» 74-й эскадрильи смогли подловить вражеские бомбардировщики уже на отходе от Биггин Хилла. Сегодня для разнообразия немцы пустили в бой не только «Мессершмитты» Vf-110, шалившие накануне. Нашими противниками в этом воздушном бою стали три десятка «Юнкерсов» Ju-88 и двадцать три «Мессершмитта» Vf-109. 74-я эскадрилья отвлекла «Мессеры» на себя. А мы ударили по вражеским бомбардировщикам.

Двухмоторный «Юнкерс» в пятнистом зелено-сером камуфляже быстро растет в моем прицеле. Ближе, еще ближе. Пора! Нажимаю на гашетки, посылая в сторону неуклюжего немецкого самолета дымные пушечные трассы с росчерками трассирующих пуль. Кучно легло. С такой дистанции я не промахиваюсь. Точнее говоря, промахиваюсь (я же не бог), но редко. Очень редко. Тем более, что эта большая мишень даже не маневрирует, а летит по прямой. Надеюсь на свои оборонительные турели. Зря надеется. Пулеметы этого «Юнкерса» меня достать не смогут. Я для них сейчас нахожусь в непростреливаемой мертвой зоне. И я это прекрасно знаю. И работаю без нервотрепки как в тире. Ух! Правый мотор «Юнкерса» ярко вспыхивает, а кабина пилотов разлетается вдребезги. Мастерство не пропьешь, однако! Один готов! Быстро проскакиваю выше обреченного бомбардировщика нацистов. И, проносясь над строем пятнистых немецких бомбовозов, успеваю поджечь еще один Ju-88. Чисто сработано! Второй готов! Тоже летит прямо в ад! Внезапно рядом с кабиной проносятся огненные росчерки трассеров. Это бортстрелок соседнего бомбардировщика «джерри» пытается меня достать. Чертыхаюсь и резко ухожу на вертикаль, сбивая прицел вражеским стрелкам.

Фух! Ушел, кажется? Быстро осматриваюсь по сторонам. Так, так! Мой испанский ведомый вот он рядом. Висит за моим хвостом как приклеенный. Пока у меня нареканий к нему нет. Родриго Бельтран показал себя довольно опытным пилотом. Правда, со стрельбой у него не все в порядке. Часто мажет парнишка. Но такой недостаток здесь имеется у многих военных летчиков. А иначе, тут бы в каждом воздушном бою самолеты пачками сбивали. А так сойдутся несколько десятков крылатых машин. Покружатся в небе. Постреляют друг в дружку. А в итоге — от одного до трех сбитых. И это за весь бой. Потому что стреляют пилоты не очень хорошо. Особенно, мало потерь бывает, если сражаются истребители с истребителями. Попасть в быстро маневрирующий самолет очень не просто. Особенно, когда ты сам должен управлять своим самолетом. Поэтому даже если здешние летчики и могут очень неплохо пилотировать свои истребители. То стреляют они отвратительно. Нет, те что поопытнее, сбившие десять и более самолетов противника. Те могут. Понимают уже на уровне инстинктов, куда надо целиться, чтобы попасть в быстро летящую цель. Думаю, что бывалые охотники меня поймут? По летящим уткам и гусям тоже не сразу начинаешь попадать. Такое умение приходит с опытом. А воздушный бой очень сильно похож на такую охоту. Правда, здесь твоя охотничья добыча сама может тебя подстрелись. Если ты ушами

будешь хлопать.

Вот примерно как сейчас, когда я пролетал над строем немецких бомбардировщиков. Вот там у вражеских бортстрелков были шансы меня сбить. Но я решил рискнуть и проскочить простреливаемое пространство. И сделал это очень быстро, не давая противникам взять меня на прицел. Они по мне там наобум стреляли. Тупо в мою сторону шмаляли. Это настоящая лотерея. И я в ней выиграл на этот раз. Немцы в меня не смогли попасть.

Забравшись повыше, осматриваю пространство воздушного боя. Ага! Вся моя группа здесь со мной. Пара Колина Грея рядом болтается. Кстати, они по тем бомберам нацистов неплохо так отметились в этой атаке. Одного точно сбили. Я сам видел. Колин, в отличие от Родриго Бельтрана, очень неплохо стрелять стал. Прокачался под моим чутким руководством, однако. Я ему в этом помог немного. Дал теорию. И с практикой помог. И теперь мой бывший ведомый стал попадать в цель гораздо лучше, чем он это делал до нашего знакомства. Бросаю взгляд туда, где сейчас резвятся Литхэрт и его группа. Веселятся ребятки. Вьются как мухи возле немецких бомберов. И покусывают их потихоньку. А вот это уже лишнее. 74-я эскадрилья не смогла все же удержать на себе все истребители фашистов. Шесть «Мессершмиттов» Vf-109 вывалились из свалки и сейчас спешат к избиваемым бомбардировщикам. Те, наверное, уже всюду зовут на помощь по радио и жалуются, как мы их здесь обижаем. Вот «Мессеры» и рвутся к ним на помощь. Нет, нет, нацистики! Не так быстро. Сейчас мы вас притормозим. Отдаю приказ своей группе и ухожу вниз с переворотом. Атака сверху. Это дело я очень люблю. Просто обожаю. К сожалению, немцы нас заметили. «Сто девятыя» резко отворачивают в сторону, а потом уходят в пикирование. Не хотят с нами биться. А мы их вот так. Сейчас преимущество на нашей стороне. Мы находимся выше. И скорость у нас большая. Успели разогнаться. Да и пикирую я не тупо за немцами. А беря упреждение. Чтобы перехватить их, когда те станут выходить из пике. И немцы это тоже поняли. Стараются сманеврировать. Уйти в сторону. Не выходит. Я бдительности не теряю и парирую все их потуги. А вот это они хорошо придумали. Догадались, наконец-то. Четверка «Эмилей» резво уходит влево на вираж. Командой по радиации отправляю за ними Колина Грея и его ведомого.

А передняя пара «джерри» выходит из пике у самой земли и тут же пытается удивить меня боевым разворотом. А вот зря вы это сделали, фашистики! Боевой разворот, конечно, есть очень хитрый маневр. И очень эффективный в таких вот ситуациях. Когда противник вас догоняет. Вот только немцы одного не учли. Они же перед этим разогнались до величин, запредельных для «Мессершмитта» Vf-109. На таких бешенных скоростях надо очень аккуратно маневрировать. И тем более, нельзя совершать вот такие резкие маневры. В общем, крылья у тех двух «сто девятыя» не отвалились только чудом. Но на них начала отслаиваться обшивка. Из-за чего оба «Эмиля» вместо красивого боевого разворота, чуть было, не сорвались в штопор. Но удержались. Не сорвались. Однако, при этом потеряли скорость и маневренность. А к этому моменту мы уже были рядом. И открыли по ним огонь. М-да! В таком положении «Мессершмитт» практически беспомощен. Без скорости и маневра. И вниз не уйдешь, чтобы разогнаться в пикировании. Земля то близко. Высоты здесь метров сто. Не больше. В общем, эти немцы сами себя перехитрили. Вот не стали бы они изображать тут этот хитрый боевой разворот. Глядишь, еще бы и пожили. Немного. Отпускать то их я бы в любом случае не стал. А так получилось даже лучше. Не пришлось за ними экстремальные гонки устраивать у самой земли. Моя шестиструйная очередь

буквально разрезает головой «сто девятый» пополам. Парашют? Вы что смеетесь? На такой то низкой высоте он даже раскрыться не успеет. В общем, третий помер! Пока обломки ведущего «Мессершмитта» сыпались вниз, Родриго Бельтран обстрелял своего немца. И попал, наконец-то. Чистая победа! Молодец! Красавчег-г-г! Поздравляю своего ведомого со сбитым и увожу «Спитфайр» вверх. Не люблю я эти сверхнизкие высоты. Они меня нервируют. Тут же запросто можно врезаться в какой-нибудь дом, скалу или дерево. А то и линию электропередачи зацепить. Не нравится мне вот так летать возле самой земной поверхности. Я высоту люблю. И чем выше, тем лучше.

Пока мы поднимаемся по спирали, к нам успевают присоединиться пара Колина Грея. Они своих немцев упустили. Те, врубив форсаж, смогли уйти. В принципе, пофиг! Главное — что истребители нацистов мы отогнали и не дали им атаковать Литхэрта и его людей. Какое-то время решаю, что делать дальше. Литхэрт, вроде бы, и без нас справляется неплохо. А вот 74-й явно нужна наша помощь. Они уже два «Спитфайра» потеряли к этому моменту. А сбили только одного «Эмиля». И не справляются с таким количеством противников. Многовато там немцев. Решено. Идем на помощь 74-й эскадрильи. Связываюсь с Литхэртом. Получаю от него разрешение. И направляю свой самолет в сторону воздушной карусели истребителей. Как всегда к цели подходим на большой высоте. А тут уже пасется пара «Мессеров». Увидев нас четверых, немцы не стали играть в героев и шустро ныряют вниз. Мы тоже пикируем. Пытаемся их перехватить. Неудачно. Немчура уже успела разогнаться и без труда отрывается от нашего преследования. Поняв, что мы их не догоним. Я с ходу переключаюсь на другую цель. Вот очень удачно прямо под нами пара «сто девярых» гонит одинокого «Спитфайра». Выхожу из пикирования и эффектным боковым разворотом сажусь им на хвост. В этот раз немцы меня не замечают. Они сейчас в охотничьем азарте следят за своей жертвой. Которая мечется и не дает себя убить. Пальцы на гашетках у них подрагивают от нетерпения. Они уже видят себя победителями в этой воздушной схватке. А вот хрен вам по всей морде, господи фашисты! Нельзя так расслабляться в бою. С упреждением бью по самолету вражеского ведомого. Есть контакт! «Мессершмитт», разбрасывая во все стороны куски обшивки, резко проваливается вниз. Фонарь кабины немецкого истребителя отлетает в сторону. И из нее как чертенок из табакерки вываливается пилот. Четвертый все! По нацистскому ведущему я успеваю лишь чиркнуть краем очереди. Опытный гад. Мигом просек, что случилось. И очень резким маневром ушел вниз с линии моего огня. Я в него тоже попал. Но как-то несерьезно. И ничего жизненно-важного у этого «Эмиля» не повредил. А жаль! И тут еще как назло пушки замолкли. Снаряды кончились, однако! Ничего. У меня еще четыре пулемета есть. Повоюем.

Вот только повоевать больше мне не пришлось. Так ни разу и те стрельнул больше. Появление нашей бравой четверки «Спитфайров» произвело на немцев удручающий эффект. Теперь их численное превосходство над английскими истребителями стало не таким весомым. Да, и патроны с топливом у арийцев тоже были не бесконечными. В общем, они начали выходить из боя. И делали это очень профессионально и быстро. Чувствуется, что этот маневр у них отработан до автоматизма. Что, что, а убегать с поля боя немецкие пилоты умеют очень виртуозно. Литхэрт тоже, натешившись с бомбовозами противника, начал отводить свою группу. У них тоже патроны закончились. 74-я эскадрилья после всех своих потерь также в бой не рвалась. И за удиравшими немцами вдогонку бросаться не спешила. Вот так этот воздушный бой и закончился. Кстати, наша эскадрилья опять потерь не имела. Праздник продолжается, однако!

Следующий налет Люфтваффе устроили на Лондон. Но на его отражение мы были не готовы вылететь. Мы же только что вернулись с предыдущего вылета. И наши авиатехники копошились у самолетов. Заправляли топливо, заряжали боеприпасы и проводили мелкий ремонт. Были у нас повреждения в этом бою. Были. Но слава Богу, никого из наших не сбили. В отличие от 74-й эскадрильи, которая понесла потери. Когда я вылез из своего истребителя, то возле него меня уже встречала Крэш. Эта овчарка как-то быстро приняла меня за своего. И особо выделяла из толпы. Впрочем, это и не удивительно. Я же ее постоянно подкармливаю всякими вкусностями из летной столовой. Люблю я собак, понимаешь. А что тут такого? Это моя жена их терпеть не может. Ее в детстве собака покусала. И потому у нас дома собак не было. Мы с Анной Марией об этом договорились. Но здесь я оторвался по полной. Всячески баловал живой талисман нашей эскадрильи. И Крэш отвечала мне преданностью. Собаки чувствуют, когда их любят. И чтобы там ни говорили разные яйцеголовые ученые. Но я верю, что собаки могут очень тонко чувствовать эмоции людей. Вот и сейчас, дождавшись когда я спрыгну с крыла «Спитфайра» на траву, овчарка радостно ткнула своим носом мне в ладонь. А я ее машинально погладил. Это у нас с ней такой своеобразный ритуал уже сложился. Крэш всегда меня встречает из вылета. Ни разу не пропустила. Удивительная пунктуальность.

В общем, в отражении этого вражеского налета на британскую столицу мы не участвовали. Там другие эскадрильи Королевских ВВС отличились. Кстати, самой удачливой из них была 303-я эскадрилья. Ее англичане еще польской называли. Так как там служили в основном поляки. Эти кадры видимо уже успели всех достать. Постоянно с ними возникали какие-то скандалы и неприятности. Уж что-что, а подраться поляки любили. Особенно, когда выпьют. Вот поэтому командование британских ВВС мудро решило, что всех поляков надо направить для прохождения службы в отдельные эскадрильи. Чисто польские. Правда, на первых парах там все же командирами назначали британцев.

Мне Литхэрт поведал байки про недисциплинированность поляков. Там было все. Пьяные драки, пререкание с командирами, невыполнение приказов и неподчинение. Так например — некий Людвиг Парскевич из 303-й эскадрильи сопровождал группу английских бомбардировщиков на своем «Харрикейне». Но потом заметил вдалеке немецкие бомбардировщики, бомбившие британский город Дебден. И без приказа ринулся в атаку. В одно рыло. На кучу вражеских бомберов и истребителей. Этому дурному поляку повезло. Немцы такой наглости и дурости от одиночного «Харрикейна» не ожидали. И благополучно прошляпили его атаку. Поляк сбил один «Мессершмитт» Вf-109 и вернулся на свою авиабазу. И знаете что? Его за это даже не наказали. Не понимаю я этих англичан. В советских ВВС такого недисциплинированного пилота, который во время боевого вылета подставил под удар свои бомбардировщики, самовольно покинув строй. И, послушавшись приказов командира, ринулся в глупую атаку. И этому инициативному дураку еще повезло, что немцы его тогда не сбили. Так вот. За такие художества в СССР этого поляка бы судили судом военного трибунала, а потом бы ему лоб зеленкой намазали. Чтобы пуля, войдя в мозг (хотя я сильно сомневаюсь, что он там был), не занесла туда инфекцию. И тут я с советским трибуналом был бы солидарен. На войне нет места таким вот сумасбродствам и дурным инициативам. Тут дисциплина необходима. Иначе, за ошибки такого вот «хероя» заплатят своей жизнью его товарищи. Которых он бросил и не прикрыл в бою. А уж бомбардировщики без истребительного прикрытия в воздушном бою долго не живут.

Глава 22

Засада

6 сентября 1940 года немцы провели три авианалета на Британию. Нашей эскадрилье пришлось поучаствовать в отражении двух из них. Первый вражеский налет отражали другие эскадрильи. И там все было очень сложно. Британские истребители понесли большие потери. Особенно досталось 303-й эскадрилье. Той самой где служили поляки. Они потеряли в этом воздушном бою сразу семь истребителей «Харрикейн». Правда, и сами смогли сбить пять «Мессершмиттов» Vf-109 и два бомбардировщика Люфтваффе. Но на мой взгляд такой размен был неприемлем. У немцев сейчас было самолетов больше чем у бриттов. И терять один свой истребитель за один сбитый немецкий самолет нельзя. Это явный проигрыш по очкам. Своих летчиков и самолеты нам надо беречь. Иначе, немчура нас числом задавит, тупо завалив телами и битой техникой. Кроме этого, в первом налете вражеские бомбовозы смогли прорваться к цели и сбросить свои бомбы. А значит, героически погибшие поляки свою задачу не выполнили. И налет Люфтваффе сорвать не смогли.

В отражении второго вражеского авианалета уже участвовали как наша эскадрилья, так и наши соседи из 74-й эскадрильи. И там были не только мы и 74-я, но и еще шесть британских эскадрилий. На этот раз немцы нас не смогли застигнуть врасплох. Радарные станции их воздушную армаду засекли еще над Ла-Маншем. Поэтому немцев не пустили даже к побережью. Эта драка шла над морем. Над проливом Ла-Манш. Мы туда прибыли одними из последних. А что вы хотите? Хорнчерч то находится довольно далеко от южного побережья Великобритании. Поэтому в бой с немецкими самолетами раньше всех вступали те английские эскадрильи, что базировались ближе к побережью. Они успели перехватить вражескую армаду и теперь в этот воздушный бой влетали все новые и новые истребители британцев.

При подлете к месту боя я увидел уже привычное зрелище гигантской воздушной свалки. Эта карусель истребителей кружилась прямо над морем. В этот раз немцы отправили в налет сотню самолетов. И из них только треть была бомбардировщиками. Остальные самолеты нацистов оказались истребителями «Мессершмитт» Vf-109. Знакомая тактика. При таком раскладе британским истребителям всегда было довольно трудно пробиться к вражеским бомберам. И на этом строился весь расчет германских стратегов. А сейчас эта схема прекрасно работала. Британские «Спитфайры» и «Харрикейны» никак не могли прорваться через завесу многочисленных «Мессершмиттов» и атаковать вражеские бомбардировщики. Пока эта схема работала. Пока. Так как увидев все это безобразие, я предложил Литхэрта с ходу в бой с истребителями «джерри» не кидаться, а пройти мимо, прикрываясь облаками. А потом атаковать бомберы противника. Которые сейчас продолжают невозмутимо лететь в сторону британского берега. Комэск с моим планом согласился. Приказ вице-маршала Парка он тоже помнил. О том, что нашей главной целью должны быть бомбардировщики врага, а не его многочисленные истребители. Командир 74-й эскадрильи тоже решил поучаствовать в нашей атаке на бомберы Люфтваффе. Он хоть и заносчивый сноб, но совсем не дурак. Тоже быстро понял, что так будет лучше для дела.

М-да! Совсем незаметно подкрасться у нас не получилось. Немцы нас все же заметили и отправили истребители на перехват. Правда, не все они успели это сделать. Многие

«Эмили» просто находились довольно далеко от наших эскадрилий. А прямо перед нами в данный момент болталась группа из восьми «Мессеров». Понятное дело, что атаку семнадцати «Спитфайров» они долго сдерживать не смогли. При этом я еще и успел срезать одного «сто девятого», оказавшегося на моем пути. От моего слитного залпа пушек и пулеметов немец вспух в небе огненным взрывом. Один есть! Мой испанский вedomый по второму «Мессершмитту» ожидаемо промазал. Ну хоть напугал и заставил шарахнуться в сторону.

На полной скорости проскакиваем расстояние до вражеских бомбардировщиков. На этот раз это «Дорнье» Do-17. Довольно слабые противники против нас. Большие неповоротливые бомбовозы. Со слабым оборонительным вооружением. В общем, жертвы. Против пушечных «Спитфайров» они не пляшут. От слова СОВСЕМ! Главное — это не подставляться под их пулеметы. Которых у «Дорнье» не очень много имеется в наличии. Захожу с безопасного ракурса на головной Do-17 и выпускаю по нему солидную очередь из всех стволов. Двухмоторный бомбардировщик — это вам не одномоторный и легкий «Мессершмитт» Vf-109. Его одним снарядом не собьешь. Хорошо, что у меня есть пушки. А вот сбивать такие бомберы при помощи пулеметов винтовочного калибра — это та еще морока. Двухмоторные бомбардировщики могут впитать в себя очень много пуль, прежде чем начнут падать. Но пушки — это пушки. Двадцать миллиметров рулят. Вот и этот нацистский бомбовоз не выдержал встречи с ними. И весело запылял в хмуром британском небе. Второй готов!

Быстренько увожу свой «Спитфайр» в сторону. Что за...? Чувствую несколько ударов по корпусу моего истребителя. В меня стреляют. И попадают, заразы! На одних инстинктах выдаю головокружительный кульбит, сбивая противнику прицел. Слышу рокот авиапушек. Это не я стреляю. Это мой вedomый. В кого это он так шмаляет? Быстро оглядываюсь. Вот они, гады пупырчатые. Два «сто девярых» отваливают в сторону. Это по ним мой вedomый стрелял. Это они меня сейчас пытались убить. Откуда они взялись? Я же перед атакой на тот «Дорнье» внимательно осмотрелся по сторонам. И этих двоих «джерри» не заметил. Где же они прятались?

— Родриго, откуда эти немцы взялись? — интересуюсь у своего вedomого.

— Пятый, они выскочили из-под бомбардировщиков, — начинает быстро отвечать Родриго Бельтран. — Прятались там до нашего подлета. Ты там как в порядке? Они в тебя попали? Вижу дым под твоим левым крылом.

— Попали, Родриго, попали и что-то мне сломали здесь, — отвечаю я, осматриваясь по сторонам. — Дым, значит, видишь. Это плохо. Мне надо срочно возвращаться на базу.

— Я с тобой... — говорит мой вedomый.

— Нет, останься здесь! — резко перебиваю его я. — Мой самолет пока летит нормально. И рулей слушается. Сам до базы доберусь. Ты здесь нужнее. Поступаешь под командование Колина Грея. Он теперь главный в нашей группе. Как понял?

— Да, сэр! Вас понял, сэр! — отвечает Родриго обиженным голосом.

— Колин, ты слышал? — вызываю я Колина Грея.

— Отчетливо и ясно, шэф! — тут же отзывается Колин Грей.

— Теперь ты тут главный. Задайте жару этим «джерри». Это приказ! — говорю я, разворачивая свой дымящий «Спитфайр» в сторону нашей авиабазы.

— Есть, сэр! — бодро отвечает Колин и тут же сбивается на озабоченный тон. — Алекс, ты там сильно не рискуй. Если что, то прыгай с парашютом.

— Разберусь как-нибудь! — ворчу я в ответ, удаляясь все дальше на север.

Вот и повоевали. До авиабазы Хорнчерч я добрался без каких-либо происшествий. Я все время переживал, что мой «Спитфайр» загорится в воздухе и мне придется прыгать. Очень не хотелось терять такой хороший истребитель. Но я прекрасно понимаю, что жизнь гораздо важнее техники. Сам же об этом много раз говорил. Но все прошло штатно. Даже двигатель на этот раз не подвел. Нормально работал. Вот так я спокойно долетел и приземлился. Вылез из истребителя и был встречен встревоженной Крэш. Которой тоже не понравился дым, струящийся из моего самолета. А потом мой многострадальный «Спитфайр» облепили со всех сторон техники и пожарные. Дым они ликвидировали. И уволокли побитую крылатую машину в полуразрушенный ангар, где у нас был ремонтный цех.

Глава 23

Время героя

Моя эскадрилья возвратилась минут через тридцать. Одного «Спитфайра» в строю не хватало. В этом воздушном бою не повезло Владимиру Горскому. Его истребитель загорелся и пилоту пришлось прыгать с парашютом. Нет, ранений он не получил, но самолет свой потерял. А мне авиатехники сообщили не очень радостную весть. Ремонт моего «Спитфайра» займет не менее восьми часов. А так как сейчас у нас не было лишних самолетов в резерве эскадрильи, то летать сегодня мне не светит.

Вот так все потом улетели на перехват очередного вражеского авианалета. А я остался на авиабазе. Но мое ожидание особо не затянулось там. Меня срочно вызвали в Букингемский дворец на очередное награждение. Странно. Обычно, нам заранее доводили, что нас будут награждать. А тут все проходило как-то сумбурно и очень быстро. Хорошо, что хоть до королевского дворца долго ехать не пришлось. И еще за мной прислали оттуда шикарный лимузин. В таком сам английский король любит ездить. Георг Шестой эту машину за мной и прислал.

Церемония награждения меня особо не удивила. Я здесь уже видел такое. Король и члены правительства в парадных костюмах. Много репортеров британских газет. И даже один кинооператор. Которые все это действие снимали на свои фото и кинокамеры. Фиксировали факт награждения для истории. Кстати, уже по прибытии в Букингемский дворец, я узнал. Чем меня награждать будут? И за что?

Есть у англичан такая правительственная награда. «Крест Виктории» называется. Это высшая награда Великобритании, вручаемая за выдающийся подвиг на поле боя. Эдакий аналог «Звезды Героя Советского Союза». Только британский. И для Англии — это очень крутая и редкая награда. В отличие от СССР, где к 1940 году уже имелось несколько десятков Героев Советского Союза. В Великобритании кавалеров «Креста Виктории» было не так много. С начала этой войны с Германией «Крест Виктории» успели получить только восемь человек. Я оказался девятым в списке таких героев. Правда, кроме меня награждали и еще одного британца.

Кстати, тоже летчика-истребителя Джеймса Бриндли Николсона из 249-й эскадрильи. Который в воздушном бою возле Саутгемптона на своем «Харрикейне» был обстрелян «Мессершмиттом» Vf-110. Джеймс получил при этом ранение в левый глаз и левую ногу. Его истребитель загорелся. Но британец свой самолет не покинул, а продолжал вести бой, находясь в горящем «Харрикейне». И даже смог сбить один «Мессершмитт» при этом. После чего вынужден был прыгать с парашютом. Этот храбрый парень получил еще и серьезные ожоги рук, лица, шеи и ног. В общем, сильно его судьба потрепала. Но подвиг его действительно крутой. Такое не всякому под силу. Вот так вот хладнокровно, будучи уже раненым, продолжать бой в горящем самолете. Вот я, наверное, на его месте постарался бы побыстрее покинуть такой самолет, который в любой момент мог взорваться или превратиться в персональный крематорий. Смерть в огне — это очень страшно. И все пилоты ее побаиваются. И я боюсь. Вы тут можете меня подловить, указав, что я сам недавно не стал выпрыгивать из дымящегося истребителя. Да, не стал. Признаюсь. Но. Всегда есть «но». Тогда мой «Спитфайр» не горел, а лишь дымился. А это не так страшно. Вот если бы я увидел огонь, то раздумывать бы ни стал. И сразу же выпрыгнул из кабины,

чтобы спастись на парашюте. Мне такой экстрим совсем не нужен. Поэтому здесь я отдаю дань уважения этому безбашенному англичанину. Который смог! Свою награду на мой взгляд он заслужил полностью. Парень дрался на самой передовой, реально рисковал жизнью и здоровьем. Это вам не какой-нибудь толстопузый генерал или маршал, который просидит всю битву в комфортабельном штабе и потом получит на грудь кучу наград.

Ну, а мне мой «Крест Виктории» вручили за пятьдесят немецких самолетов, сбитых в небе над Британией. Вообще-то, к этому моменту я уже имею не пятьдесят сбитых здесь «джерри», а пятьдесят пять. Но это так. Частности. Короче говоря, я тут взял не одним суперподвигом, а количеством сбитых нацистов. Ведь пока еще ни один летчик Королевских ВВС меня не догнал в этом соревновании. Пока я среди них лучший. Что тут же под прицелом множества фотокамер подтвердил премьер-министр Великобритании. Уинстон Черчилль тоже здесь находился. Этот толстяк с добродушной улыбкой и расчетливым взглядом поздравил меня с награждением столь высокой наградой. Пожал мне руку. Что тут же запечатлели многочисленные фотографы и одинокий кинооператор. А потом ошарашил всех еще одной сенсацией. Оказывается, по просьбе английского правительства парламент Британской Империи решил официально признать все мои прежние достижения. То есть все мои воздушные победы англичане признали. Даже те сорок четыре самолета, сбитых мною на службе в советских военно-воздушных силах. Вот так вот! Шок — это по нашему!

— Отныне Британия имеет в своих рядах самого выдающегося воздушного аса всех времен и народов, сбившего аж девяносто семь самолетов немецких и итальянских фашистов! На данный момент — это самое выдающееся достижение в мире! У наших врагов никого подобного нет! И не будет! — начал громко и пафосно вещать перед журналистами Черчилль.

А я слушал его и офигевал потихоньку. Вот, что значит политик с большой буквы. Говоря о моих победах, он очень технично умудряется приписывать их себе в заслугу. Этот шустрый толстяк грамотно так пиарил сейчас не меня, а себя любимого. Расписывая перед журналистами, что без него Великобритания бы могла упустить такого замечательного пилота. И так далее. И тому подобное. Короче говоря, голосуйте за меня. Я лучший. Вот и весь смысл этой пафосной и долгой речи британского премьер-министра. Впрочем, мне эти его политические игры по барабану. Я стою в сторонке и скромно молчу. Даже не стал поправлять Черчилля, что на сегодняшний момент я уже успел сбить не девяносто семь, а девяносто девять вражеских самолетов. И то, что не все сбитые мною ранее самолеты были немецкими и итальянскими. Это я тоже говорить не стал. Хотят англичане считать, что я сбивал только немцев и итальянцев. Пускай считают.

Я не против. Мне же эта инициатива британского парламента и правительства только на руку. Теперь уже никто в мире не сможет оспорить мои достижения. И мне приятно это осознавать. И не потому, что я такой тщеславный тип, который обожает все эти блестящие награды и звания. Вовсе нет. Просто теперь у меня появилась железобетонная репутация лучшего воздушного аса. Если раньше в этом кто-то сомневался. То теперь уже они не смогут это делать в открытую. Англичане для всего цивилизованного мира являются авторитетами. И их мнение многого значит. А мне это очень сильно поможет устроить свою дальнейшую жизнь в этом мире. Теперь же я ни какой-то там беглый и подозрительный коммунист. Сейчас я стал очень знаменитым человеком. Публичной фигурой, которую все уважают. И к чьему мнению начнут прислушиваться. А значит, тронуть меня и мою семью здесь на Западе никто не посмеет. Да и в СССР сто раз подумают, прежде чем устроить

против меня и моей жены какую-нибудь пакость. Это моя страховка от глупых и злых людей, наделенных властью.

А потом мы уже традиционно поболтали с королем. Жора под номером шесть тоже сфоткался со мной для газет, а затем мы отошли в сторону. Его дочурка Елизавета крутилась тут же рядом и с восхищением поглядывала на мою награду. Под это дело Георг Шестой поведал мне одну смешную по его мнению подробность. Оказывается, «Крест Виктории» изготавливался из бронзы русских пушек, которые англичане захватили в Севастополе во время Крымской войны 1854 года. Вот такие пироги с котятами. Меня русского награждают крестом, отлитом из русских пушек. Смешно? Но только не мне. Я над этой шуткой смеяться не стал. А король это быстро понял. И очень ловко перевел разговор на другую тему. Мы с ним поговорили о воздушных боях, что сейчас кипели в небе над Британией. Я ему немного рассказал о своих новых подвигах. Приукрасил, конечно. На то они и есть охотничьи байки. На войну в небе я уже давно смотрю как на охоту. Смертельно-опасную охоту. Где охотник и добыча могут в одно мгновение поменяться местами.

А Елизавета терлась рядом с нами, развесив уши. Было невооруженным глазом видно, что ее вся эта авиационная тематика очень интересует. М-да! Эта девочка еще не потеряла своего восторженного идеализма. А летчиками она восхищается и не скрывает это. Хотя сейчас все девушки ими бредят. Летчик на планете Земля пока считается самой романтической и героической профессией. Это потом пилотов затмят космонавты. А пока мы купаемся в лучах славы и обожания со стороны общества. Летчик, да еще и истребитель — это круто вдвойне. Вот и будущая королева Великобритании попала под эту волну. Я для нее кумир. Живой пример героического летуна в полный рост. И кроме того, она может со мной теперь спокойно общаться. Ведь по придворному этикету принцессам нельзя говорить с незнакомыми людьми. А меня ей представили. И я уже знакомый, с которым и ее отец не брезгует общаться. И нет. Не надо на меня так восторженно смотреть. Ничего у нас с тобой, Ваше Высочество, не получится. Я женат. И своей жене изменять не хочу. Я ее люблю. Да, и не в моем вкусе эта юная Елизавета. Поэтому я с ней тоже общаюсь вежливо. Но границы не перехожу. Тем более, что здесь рядом ее папа стоит. Поэтому все эротические мечты юной принцессы останутся только мечтами. И мы будем с ней лишь друзьями. И не более того.

Кстати, тут особо наглые журналюги пытались у меня интервью взять. Но я кое-как отбил их. И теперь вот прячусь, общаясь с королем и его дочерью. Даже такие беспринципные твари как эти репортеры тоже имеют какое-то уважение к своему монарху. И к нему не лезут с глупыми вопросами как ко мне. Даже близко не подходят. И за это я сейчас Георгу Шестому сильно благодарен. Вот не люблю я представителей британской прессы. Не люблю! И все тут! Они мне весь мозг вынесли, когда я еще просил убежища в Британии и ждал решения своей судьбы. Эти деятели такое про меня и мою жену понаписали тогда. Правда, не все поливали нас помоями на страницах британских газет. Были там и нормальные статьи. Довольно правдивые и позитивные. Но все это теперь заставляет меня держаться подальше от представителей прессы. Не люблю я такую публичность. Впрочем, британский монарх журналистов тоже не сильно жалует. И это понятно. Ему то еще тяжелее чем мне. Жизнь королевской семьи все эти шелкоперы и папарацци под микроскопом изучают. Двадцать четыре часа в сутки охотятся за жареными фактами. Потому король их тоже тихо ненавидит.

Но сделать с ними ничего не может. Это же вам не дикое Средневековье. Сейчас у британского монарха нет никакой власти. Все в Британской Империи решают правительство

и парламент. А король лишь декоративная фигура. Чисто церемониальная. От которой мало что зависит в Британии. Нет, формально король здесь считается главнокомандующим. Но по факту Георг Шестой никем командовать не может. Нет у него таких полномочий. А все военные вопросы решают представители Высшего Военного Командования и премьер-министр. Да, да! Уинстон Черчилль может надавить на военных и вмешиваться в ход боевых действий. Он также уполномочен снимать и назначать командующих на том или ином театре боевых действий. А король. Король просто есть. Ах, да! Еще Георг Шестой лично награждает отличившихся на поле боя героев. И больше ничего. И может быть, потому он не оскотинился до сих пор. Не стал циничным и прожженным политиком как тот же Черчилль.

Глава 24

Зов Родины

Совершенно неожиданно для меня, эта история с моим награждением получила продолжение. Внезапно очнулась советская дипломатическая служба. Чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Великобритании Майский Иван Михайлович выразил желание встретиться со мной. Сначала он предложил, мне и моей супруге явиться в советское посольство. Но я категорически отказался это делать. Уже известны были случаи, когда люди заходили в советское посольство и потом исчезали бесследно. Поэтому нет! Я не хочу быть похищенным и вывезенным из Великобритании в бессознательном состоянии. Советские спецслужбы тут активно практикуют такой вот метод борьбы с врагами советской власти за границей СССР. И это не сказочки для пугливых демократов, а вполне реальные факты. Война спецслужб не останавливается никогда. И сейчас в 1940 году советская разведка очень сильна. А похищения и убийства врагов СССР здесь не редкость. Поэтому и ощущаю так напрягся. И идти в советское посольство отказался наотрез. Зачем чекистам жизнь облегчать? Пускай побегают за мной. Поищут.

К счастью, советские товарищи лезть в бутылку не стали. И вскоре посол СССР выразил желание встретиться со мной и моей супругой где-нибудь на нейтральной территории. Англичанам эти игры советских спецслужб тоже не сильно нравились. Они же сейчас меня считают уже своим ресурсом. Очень важным и дорогим. Поэтому они решили за меня вписаться и предложили советскому послу встретиться со мной в здании британского Министерства Иностранных Дел. И выдвинули требование, что встреча будет происходить в присутствии чиновника МИД Великобритании. На что я, немного подумав, решил согласиться. Почему бы и не поговорить с товарищами? Вот только свою супругу я на эту встречу брать не стал. Незачем ей волноваться лишний раз. Беременным женщинам это вредно для здоровья.

Чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Великобритании Майский явился на встречу ровно в девять утра. А ничего так выглядит товарищ посол. Если бы я не знал, кто он на самом деле. То решил бы, что передо мной настоящий англичанин. Причем, довольно обеспеченный и воспитанный. Из высших слоев британского общества. Хм! Я советского посла по другому себе представлял. Не таким утонченным и интеллигентным. Вот этот уже не молодой дядечка в дорогом английском костюме представился по всем правилам дипломатического этикета. А потом начал говорить.

— Товарищ Матросов, я уполномочен заявить, советским правительством и лично товарищем Сталиным, что все происшедшее с вами и вашей супругой можно считать недоразумением! — как-то торжественно произнес посол СССР.

— Недоразумением? — спросил я, выгнув правую бровь. — То есть арест моей беременной жены сотрудиниками НКВД — это недоразумение.

— Да, Александр Борисович, это было недоразумение, — согласно закивал на мой вопрос Майский. — Это была частная инициатива недобросовестных сотрудиников на местах. После тщательного расследования этого инцидента выяснилось, что ваша супруга была невиновна. Полностью невиновна. Сотрудиники НКВД превысили свои полномочия и злоупотребили служебным положением. Все они уже наказаны по всей строгости советской законности.

— Хорошо, а как же я? — перебил говорившего посла я. — Как быть с моим тяжким преступлением? Я же угрожал сотрудникам НКВД оружием. А потом лишил их сознания и связал. После чего угнал самолет с военного аэродрома и перелетел на нем через границу.

— О, товарищ Сталин, просил передать, чтобы вы не беспокоились насчет этого, — встрепенулся Майский, всплеснув руками. — Ваши действия можно смело классифицировать как самооборону.

— Самооборона, значит, — недоверчиво спросил я, а потом продолжил. — И что товарищ Сталин хочет от меня и моей жены?

— Власти Советского Союза считают вас обоих невиновными в тех преступлениях, что вам инкриминировались ранее, — начал терпеливо объяснять советский посол. — И предлагают вам вернуться в СССР. И забыть это досадное недоразумение. Вам гарантирована неприкосновенность и возможность дальше продолжить службу в прежней должности и звании.

— Вернуться, значит, предлагаете? — пробормотал я задумавшись и покосившись на чиновника из английского МИДа, а потом продолжил. — Передайте товарищу Сталину, что я на него зла не держу. Он же не виноват, что у него есть такие вот инициативные дураки среди подчиненных. Которые могут в своем идиотском рвении любое дело похерить. Мы с моей женой себя не считаем врагами советской власти. Но назад в СССР мы не вернемся. Кто может гарантировать, что подобное не повторится? Что опять где-то далеко от Москвы и товарища Сталина не найдется такой вот инициативный дурак из НКВД, который захочет выслужиться и сфабриковать очередное дело на шпиона или врага народа Александра Матросова или его жену? Страна у товарища Сталина очень большая. Людей очень много в его подчинении находится. И за всеми уследить очень трудно. Даже такому гениальному человеку как товарищ Сталин. Поэтому я больше так рисковать не хочу. Мы из-за этого «недоразумения» чуть было ребенка не потеряли. И больше я таких экспериментов над моей женой ставить не позволю. И еще у меня возникает очень серьезный вопрос к товарищу Сталину и НКВД. Если в моем случае органы ошиблись, то может быть, не все люди, осужденные советским судом, являются врагами СССР? Возможно, и там постарались не в меру ретивые сотрудники НКВД, которые не соблюдали норм социалистической законности в отношении этих людей? Товарищу Сталину стоит задать этот вопрос другим товарищам, отвечающим за советское правосудие. Возможно, стоит проверить законность вынесенных приговоров советским людям. Я не верю, что все они являются врагами. Кое-кто туда мог попасть и по ошибке. Я уверен, что для имиджа Советского Союза здесь на Западе будет очень полезен такой пересмотр дел людей, которые были незаконно осуждены. Раз НКВД допустил одну ошибку в отношении моей жены. То и ошибки в отношении других осужденных советским судом не исключены. В общем, не забудьте и передайте товарищу Сталину, что мы с моей женой не считаем себя врагами Советского Союза.

После разговора с советским послом англичане как-то резко возбудились. Возможно, Черчилль опасался, что я передумаю и все же соглашусь вернуться в Советский Союз. Или опасался происков советских спецслужб. Которые могут похитить меня и мою жену. А что? Тут совсем недавно 21 августа 1940 года агенты Сталина ликвидировали непримиримого врага советской власти Льва Троцкого. Того беглого демона революции агенты Кремля в Мексике нашли. И тупо треснули по башке ледорубом. От чего этот Лев и скончался. И при этом СССР даже и не стал скрывать своей причастности к этому убийству. А у всех еще были на слуху другие случаи убийства и похищения других врагов советской власти, проживавших

на Западе. В общем, Черчилль и его окружение развили бурную деятельность. Меня отозвали из 54-й эскадрильи и предложили мне новое место службы. Британское командование решило отправить меня и мою супругу подальше от Британии, где у советских спецслужб было много агентов.

Мне предложили уехать в Северную Африку. К этому моменту это был самый удаленный от Европы театр боевых действий Британской Империи. Там как раз итальянцы зашевелились. Немцев там пока нет. Немецкий генерал Роммель и его Африканский корпус в Северной Африке только в 1941 году появятся. Если мне память не изменяет. А в данный момент там англичане воюют с итальянцами. Италия же уже стала союзником Гитлера и вовсю сражается с Великобританией. Правда, получается это у потомков древних римлян не очень хорошо. Не умеют они воевать. Вот Черчилль меня и решил на самый дальний и безопасный фронт отправить. В Египте у СССР с агентурой совсем все плохо. По данным английской разведки ее там просто нет. А значит, и опасность для меня и моей жены там минимальна. Я немного подумал и решил согласиться. Честно говоря, мне эта экстремальная война в небе над Британией уже начала надоедать. Слишком там стало тяжело и опасно воевать. Это раньше у меня другого выбора не было. И приходилось рисковать. А сейчас я уже заработал свое место в британском обществе. Вражеской кровью отработал. И теперь уже так напрягаться не хочу. Вот честно. Британия — это не моя настоящая Родина. И никогда ею не станет. И драться за нее насмерть как тот английский летчик, который весь израненный и обгоревший пытался воевать. Вот так остервенело как этот обожженный кавалер «Креста Виктории» я сражаться за Британию не стану. Не моя это страна. И к войне за нее я отношусь как наемник. Мне платят — я сражаюсь. Не платят — не сражаюсь. Я уже и так все обязательства перед Британской Империей выполнил. Вон сколько вражеских самолетов понашибивал, защищая небо над Англией. Ни одному британскому летчику-истребителю такое и не снилось. А Родина у меня одна. Россия. Но я в ней жить не могу, к моему большому сожалению.

Почему же я тогда отказался вернуться в СССР? Сложный вопрос, однако. Боюсь, наверное. За себя и жену боюсь. Не верю я больше советской власти. Я то прекрасно знаю, какая там сейчас царит атмосфера. И вы думаете, что после моего скандального побега за границу меня там простят и все забудут? Ой, что-то я сомневаюсь. Сильно сомневаюсь. Даже если меня там не расстреляют с ходу и не законопатят в северные лагеря лет на двадцать. То я и моя жена там под таким колпаком окажемся. Да, любое наше слово или поступок там будут тщательно анализировать. И ждать, когда мы оступимся и совершим ошибку. А когда война СССР с фашистской Германией случится. В Союзе такой разгул репрессий среди военных начнется! Там же в первые месяцы активно начнут искать виноватых во всех военных проигрышах. Чтобы скрыть свои ошибки и всех собак на них навешать. И расстреливать их без суда и следствия тоже станут. И я в число тех виновных точно попаду. Как особо подозрительный тип. И возможно, английский шпион. С таким то жирным пятном на биографии. Поэтому отказать! В Советский Союз мне путь закрыт. Дс смерти Сталина уж точно. Не думаю, что этот мстительный грузин забудет и простит мой побег. Я же публично усомнился в непогрешимости НКВД и его власти. А такого усатый вождь не прощает. Возьмет на заметку, а потом отомстит. Не сам, конечно. А прикажет каким-нибудь инициативным дуракам. Или намекнет. В общем, ну ее нафиг эту советскую империю. Пока здесь поживу. Целее буду. Я и моя семья.

Как попаданец я все же решил сделать попытку достучаться до разума Сталина. Не зря

же в разговоре с советским послом сказал про ошибки НКВД и пересмотр дел по осужденным. Сомнительно, конечно. Но может быть, усатый вождь и прислушается? И начнет разбираться с этим. Глядишь, кому-то это и жизнь спасет. И еще я тогда в разговоре сознательно ввернул про положительный образ СССР на Западе. Конечно, никакой совести у горца нет. Он еще та тварь кровавая. Но вот на то, что о нем и его стране говорят в странах Запада, Сталин реагирует очень чувствительно. Может хоть, это поможет остановить тот мутный и бессмысленный вал репрессий в Советском Союзе, который сейчас там бушует?

Да, и моей супруге тут больше нравится. Устала она от советского реализма с постоянным дефицитом всего и сразу. Она же у меня в богатой семье родилась. В Испании. И привыкла к совсем другой жизни. А бытовая жизнь в СССР ее очень быстро стала угнетать. Ну, а что вы хотите от нее? Люди они такие. Если им есть с чем сравнивать, то они это делают даже на подсознательном уровне. А Анне Марии было с чем сравнивать. Я, конечно, ее старался обеспечивать. Авиаторы в СССР неплохо получали. Но мы же там не в вакууме жили. Моя супруга видела как бедно живут простые советские граждане. И это ее всегда коробило. Однако, советское руководство тоже можно понять. Не было у него ресурсов, чтобы развивать легкую промышленность. СССР сейчас с большим трудом и жертвами наращивал военное производство. Тяжелую промышленность и машиностроение. А качественная и красивая одежда, модная обувь и разнообразная продукция в магазинах. То есть все чем так гордятся люди Запада. Всего этого у советских граждан не было. Страна готовилась к Большой Войне. А до нужд простых обывателей кремлевским небожителям дела не было.

Они то там и так жили неплохо. Советская элита отоваривалась в особых магазинах. Имела хорошие и дорогие квартиры и дома, шикарные правительственные дачи, машины с личными шоферами, прислугу. В общем, свой социализм для себя верхушка Советского Союза уже построила. А на народ им было наплевать. Это потом и погубит такую великую страну как Советский Союз. Высокомерие советских элит и их нежелание сделать жизнь народа более комфортной и богатой. Сейчас то этот процесс только начался. Многие попаданцы в прочитанных мною когда-то книгах пытаются спасти СССР от развала. Но я уверен, что это напрасный труд. Этот красный монстр обречен. Только не с такой антинародным строем, который уже сейчас начинает активно гнить с головы. И мне очень больно это осознавать. Я же русский человек. Я таким себя считаю. Но почему-то коммунисты с будущим России у меня не ассоциируются. Не смогут эти люди перестроиться. Не захотят. Они же здесь привыкли все силой решать и принуждением. И тотальной пропагандой, которая промывает мозги гражданам, заставляя их терпеть тяготы и лишения ради мифического светлого будущего. Которое не наступит никогда. Тем более, с такой гнилой элитой.

Глава 25

Морской круиз

Транспортный корабль «Черная принцесса» шел противоторпедным зигзагом в составе конвоя британских военно-морских сил. Сейчас мы с супругой стояли на палубе и с тревогой всматривались в бурные воды Атлантического океана. Недавно один из английских эсминцев, охранявших наш конвой, заметил перископ подводной лодки. Скорее всего, это была немецкая субмарина. Никому другому в этом районе делать больше нечего. Германия после оккупации Северной Франции разместила там базу своих субмарин, которые вышли на охоту в Атлантический океан. Немцы начали топить любые корабли, плывущие под флагами Великобритании и ее союзников. Изредка доставалось и нейтралам. Немецкие подводники и их топили по ошибке. Не всегда ведь можно через перископ разглядеть флаг на мачте плывущего вдалеке корабля. Но корабли нашего конвоя были британскими. И являлись вполне законной целью для подводных лодок Третьего Рейха. Кстати, это был уже не первый контакт с противником. Восемь часов назад еще одна субмарина противника торпедировала один наш эсминец. Правда, ее потом долго гоняли другие эсминцы конвоя. И вроде бы, уничтожили. Хотя тут ни в чем нельзя быть уверенным. Это потопление надводного корабля можно увидеть. А с подводной лодкой так не получится. Ее уничтожение можно лишь предположить по косвенным признакам. Масляным пятнам топлива на воде, звукам взрывов и лопающегося корпуса в наушниках гидрофонов. В общем, не понятно. Это вам не самолетики сбивать, которые тут же на ваших глазах падают на землю. Но по крайней мере, та немецкая подлодка нас больше не беспокоила.

И вот опять новый контакт с врагом. И теперь корабли нашего конвоя увеличили скорость хода и начали маневрировать, выписывая противоторпедные зигзаги по поверхности океана. Вот ненавижу я такие ситуации. Ненавижу ощущать свою полную беспомощность. Когда ты превращаешься в мишень. И от тебя ничего не зависит. И ты никак не можешь это изменить. Вот в воздушном бою от меня зависит многое. Если не все. Там я сам все решаю и действую. А не молча жду своей участи, тупо сидя на месте и ничего не делая. Бр-р-р! Сейчас наши судьбы полностью зависят от действий моряков. Наших и немецких. И это меня очень сильно нервирует. Анна Мария вон тоже волнуется. Она сейчас стоит рядом со мной на верхней палубе. Как и я одетая в спасательный жилет. И с тревогой смотрит на волны за бортом, сжимая мою правую ладонь своей узкой ладошкой. Сначала то она хотела в нашей каюте отсидеться. Типа, там все не так страшно. Но я ее вытащил наверх. На палубу. И тут я руководствуюсь вполне практичными соображениями. Все же если нас потопят, то с палубы проще спастись, просто спрыгнув в воду. А вот из недр корабля, где располагается сейчас наша каюта, можно и не успеть вылезти наверх. Такие вот транспортные корабли могут очень быстро тонуть, разломившись от попадания всего одной вражеской торпеды. Поэтому сейчас я так боюсь на случай нашего потопления. Но хоть наши эскортные силы на месте не сидят. Эсминцы сную туда-сюда, прощупывая океан своими эхолотами. Даже с авианосца «Илластриес», идущего в центре ордера нашего конвоя, взлетели в воздух несколько самолетов.

Внимательно присматриваюсь, когда один из них пролетает над нами. И невольно улыбаюсь. Сейчас бы сюда вытащить всех тех псевдоисториков, которые с пеной у рта доказывали, что Великобритания являлась ведущей авиационной державой двадцатого века.

Познакомьтесь. Торпедоносец Фэйри «Суордфиш». Тихоходный, неповоротливый, архаичный биплан с неубирающимися шасси и слабым вооружением. Вот на таком допотопном старье передовые англичане до сих пор и летают. Чисто визуально этот нелепый самолетик очень похож на знаменитый У-2. Такой же летающий уродец, которому давно уже готово место в музее авиации. А продвинутые британцы на них еще воюют. Потому что другого палубного торпедоносца у них нет пока. Ну, и где я вас спрашиваю та хваленая и передовая авиадержава? И ведь это не единичный случай. У англичан только недавно начали появляться вполне современные самолеты. И то их сейчас в Королевских ВВС не очень много имеется. В основном, они сейчас все в Британии концентрируются. В ПВО метрополии. А вот по периферии Британской Империи народ до сих пор на таком жутком старье летает.

Взять хотя бы мою новую эскадрилью. Ах, да! Совсем забыл рассказать. Меня же англичане еще и в звании повысили. Я теперь имею чин командир эскадрильи. Это типа, майор. И должность моя новая тоже похоже звучит. Командир 80-й истребительной эскадрильи. Сейчас моя эскадрилья базируется в Египте. И летает на истребителях Глостер «Гладиатор». Это английский аналог советского биплана И-15. Мы на таких еще в Испании когда-то воевали. Теперь то в советских ВВС И-15 не осталось. Устарели они окончательно. Как и И-16. Сейчас почти все пилоты-истребители Красной Армии пересели уже на новейшие И-17. Не хочу хвастаться, но это произошло, в том числе и благодаря мне. Я тоже к этому процессу перевооружения советских ВВС руку приложил. И очень горжусь этим, между прочим. Я же с момента своего попадания в эту реальность не стал все рассказывать и давать умные советы товарищу Сталину, как это делают многие книжные попаданцы. Беспольный это ход. Тухлый. Сталин бы меня и слушать не стал.

Вместо этого я решил зайти с другой стороны. Всеми доступными способами повышал боеспособность ВВС РККА. Рации, методички по тактике воздушного боя, радары и новый истребитель. Все это я продвигал. Не сам лично. А через нужных людей, которым я внушал свои идеи, а уже они делали дело. Нет, в испытании того же И-17 я лично поучаствовал и помог авиаконструктору Поликарпову протолкнуть этот замечательный истребитель в жизнь. Мой друг Павел Рычагов тоже многое сделал для продвижения новой тактики, радаров и рации на самолетах. С моей подачи, конечно. Хотя Пашка у нас еще тот рационализатор был. Любил он новые идеи внедрять в жизнь. И я этим коварно пользовался. Подсовывал ему идею, а дальше уже Рычагов сам действовал как таран. Жаль, что теперь его рационализаторство закончилось. Пашка сейчас в опале у Сталина. Я только недавно об этом узнал. Рычагова, слава Богу, не арестовали и не посадили после моего скандального побега. А то я за это очень сильно переживал. Все же там знали, что Пашка был моим другом. Да, и служили мы с ним вместе довольно долго. А в НКВД на такие моменты и биографии человека привыкли реагировать. Типа, дружишь с врагом, значит, и сам враг. Арестовать! У них давно уже выработался такой условный рефлекс. Но Пашке повезло. Его не арестовали тогда. И даже не уволили из рядов военно-воздушных сил. А только понизили в звании до полковника и сняли с должности первого заместителя начальника Главного управления ВВС РККА. И отправили служить на север в Мурманск. В общем, запихали самую холодную и захолустную дыру. Наказали, однако. Но зато мой друг жив остался. И на свободе. А насчет высоких званий и должностей ему не стоит переживать. В другой то истории Рычагов очень быстро вылез на самый верх, и это ему счастья не принесло. Скорее наоборот, из-за этого он тогда жизни и лишился. Но сейчас то не лишится. Сейчас его судьбу

мне удалось изменить. И я считаю, что в лучшую сторону. А генеральское звание Пашка себе еще отслужит. Он у нас парень старательный и пилот от Бога. Главное, что живой остался.

Мои размышления о судьбе Рычагова прервали звуки взрывов. Жена сжала мою ладонь своими пальцами и прижалась ко мне.

— Не бойся, зайка моя, — говорю я моей Аннушке в ушко, обнимая ее одной рукой. — Все будет хорошо. Ты же видишь, что это наши эсминцы бомбят немцев. Они их к нашему кораблю не подпустят.

Вот так успокаивая Анну Марию, сам с тревожным интересом слежу за нашими эсминцами. Видимо, они там что-то засекли в глубине своими эхолотами и теперь обрабатывают этот квадрат глубинными бомбами. Немецкой подлодке там сейчас приходится не сладко. И я очень надеюсь, что ей в данный момент не до атаки на наш конвой. Команды британских эсминцев свое дело знают и прессуют немецкую субмарину очень профессионально. Сейчас наш конвой движется вдоль побережья Испании. Скоро будем проходить Гибралтар. Там у англичан военно-морская база располагается. Вокруг которой море патрулируют эсминцы, а в небе летают разведывательные самолеты. В общем, в том районе немецких подводных лодок должно быть поменьше. А когда мы доберемся до Средиземного моря то угроза немецких субмарин исчезнет. Нет их пока в тех водах. Правда, там наш конвой может подвергнуться атаке итальянского флота. Но от Гибралтара до Мальты нас будут сопровождать британские линкоры и крейсера. А авианосец для воздушного прикрытия у нас и так уже имеется. Хотя истребителей на нем не так уж и много. Поэтому меня больше волнует не встреча с итальянским флотом, а налет бомбардировщиков ВВС Италии. Вот это выглядит более правдоподобнее и опаснее. А к итальянскому флоту я отношусь с презрением. Англичане уже несколько раз его трепали почти безнаказанно. И в открытом морском бою итальянские моряки всегда проигрывали бравым бриттам. Не хватает им храбрости и профессионализма британцев. Хотя корабли у ВМС Италии очень неплохие имеются. Не хуже английских. Тут все дело в людях. Из итальянских моряков получаются очень плохие вояки.

Но бдительности терять нельзя. Нашему транспортному кораблю хватить нападения любого военного корабля. С ним даже итальянский эсминец легко справится. Ведь из всего вооружения на «Черной принцессе» стоят только два мелкокалиберных зенитных орудия. Не предназначен этот мирный корабль для боя. У него другое предназначение в этой войне. Этот сухогруз возит полезные военные грузы для британской армии в Египте. Вот и сейчас он идет не порожняком. В его трюме лежат ящики с боеприпасами и оружием. И еще там есть двенадцать самолетов, которые транспортируются в разобранном виде с отстегнутыми крыльями. Это для моих парней подарочек. Когда я узнал, на чем сейчас продолжают летать мои будущие подчиненные, то пришел в ярость. Истребители Глостер «Гладиатор» были устаревшими бипланами, которые нельзя было использовать для современной войны. А люди на них летают, сражаются и гибнут. Впрочем, тут признаюсь честно. Я беспокоился не столько за пилотов 80-й эскадрильи Королевских ВВС, сколько за себя любимого. Мне совсем не улыбалось летать на таком антикварном старье. Это же голимый экстрим. На таких «еропланах» в 1940 году в бой идти нельзя.

В общем, я устроил небольшой скандал в высших эшелонах британского командования. Тут мне в помощь очень кстати пришлось: мое недавнее награждение «Крестом Виктории» и моя бешенная популярность. Кратковременная популярность. Но я ее использовал на полную катушку. Деньги надо ковать, не отходя от кассы. Да, и Черчилль с Георгом Шестым

тоже помогли в решении этого вопроса. В общем, удалось мне выбить с командования ВВС Великобритании новые самолеты для моей 80-й эскадрильи. Правда, военные чиновники меня все же надули, гады пупырчатые! Я то надеялся получить «Спитфайры». Ага, а может быть, вам еще и губозакаточную машинку подогнать? Со «Спитфайрами» меня обломили. Мол, их для ПВО Британии не хватает. И вместо этого подсунули «Харрикейны». Правда, самые новейшие второй модификации с четырьмя 20-мм автоматическими пушками. И этим они меня купили. Вы же знаете, что пушки я очень уважаю? А тут аж четыре штуки на одном истребителе. Мощь!!! И боезапас у них уже был не таким куцом как раньше. По девяносто снарядов на ствол. Хотя все равно мало. Вон в советских авиационных пушках ШВАК на И-17 побольше снарядов прилагается на одно орудие. М-да! Отстают как то англичане от советских оружейников в этом вопросе. Впрочем, меня и такое вооружение устроило. В четыре то ствола можно легко сбивать вражеские самолеты даже короткими очередями. Новые истребители я облетал. После быстрого и маневренного «Спитфайра», конечно, не то пальто. Уступает «Харрикейн» «Спитфайру». Уступает. Но зато и противники у нас там в Северной Африке не такие матерые будут. Итальянские ВВС тоже до сих пор летают на всяком барахле. Это вам не новейшие «Мессершмитты» Vf-109. Да, и пилоты у итальянцев классом пониже будут чем немцы. Поэтому мои «Харрикейны» со своими пушечками должны произвести фурор в Северной Африке. Хотя очень жаль, что «Спитфайры» мне так и не дали, крохоборы британские.

Глава 26

Новое место службы

— Сэр, только что поступил приказ на вылет! — выкрикнул подбежавший флайт-лейтенант Пэт Пэттл.

— Тише, тише, Пэт, — сказал я чуть поморщившись. — Ты меня прямо оглушил своими криками. Что там за приказ поступил?

— Командир, только что на КП звонил маршал Лонгмор, который приказал нашей эскадрилье вылетать на перехват вражеских бомбардировщиков возле Эль-Аламейна! — уже более спокойно доложил Пэт Пэттл.

— Отлично, Пэт! — говорю я, потирая руки. — Вылетаем немедленно всей эскадрильей. Наконец-то, повоюем по настоящему. А то я от наших тренировочных полетов уже успел заскучать. Поднимай всех пилотов по тревоге!

— Есть, сэр! — радостно откликнулся мой собеседник, потом отдал воинское приветствие и рванул выполнять мой приказ.

Уф! Мне тоже пора идти к своему истребителю. На новом месте службы я освоился довольно быстро. В принципе, специфика подобной службы везде одинакова. Хоть в советских, хоть в английских ВВС. Тем более, что я подобное уже проходил когда-то в СССР. Командир прибывает на место, знакомится с личным составом и начинает усиленно гонять их на тренировочных полетах. М-да! Тот антиквариат, на котором до моего прибытия летала 80-я эскадрилья, меня поразил до глубины моей пилотской души. При взгляде на «Гладиаторы», устаревшие морально и физически, мне сразу вспоминалась далекая Испания. Советские летчики-добровольцы там тоже тогда летали на подобном убожестве. Только назывались те бипланы не «Гладиаторы», а И-15. Или «чайки». И уже тогда мне было ясно, что бипланы свой век отжили. Дошли они до своего потолка. И дальше уже их совершенствовать будет бесполезно. Появление более скоростных и современных истребителей-монопланов перечеркнуло все прежние заслуги бипланов. Да, когда-то они были королями воздуха. И царили в небе безраздельно. Но сейчас их время закончилось. И как бы кто ни старался, но реанимировать бипланы не удастся. Это технологический тупик. И в истребительной авиации 1940 года бипланам не место. Нет, на гражданке или во вспомогательных частях они еще полетают. Но война в воздухе уже не для них. Сейчас там появились более опасные и зубастые хищники. И как же мне сейчас приятно осознавать, что по моей «вине» устаревшие бипланы для нужд ВВС Советского Союза уже не производят. А вместо этого все производственные мощности отданы там на изготовление более современных самолетов. И теперь триумфальный воздушный блицкриг немчуре не грозит. Ох, как же умоются кровью хваленые Люфтваффе, столкнувшись в воздухе не с убогими многочисленными «чайками» и «ишачками», а с новейшими И-17. Которые ничем не уступают немецким «Мессершмиттам». И это будет уже другая война. В которой, я очень надеюсь на это, потерь у советских летчиков будет гораздо меньше. Чем в той истории, что я знал.

И вот сейчас англичане, которые так всегда гордились своей цивилизованностью и техническим превосходством, мне очень сильно напоминают СССР в той самой истории, которую я учил с детства. Современные самолеты, вроде бы, у Великобритании имеются. Но их почему-то в данный момент не очень много у англичан. А основная масса Королевских

ВВС летает вот на таком унылом антиквариате. Да, все британские колонии и Доминионы используют напрочь устаревшую технику. И только над метрополией летает что-то современное. И то не очень много. Поэтому пусть все те псевдоисторики, что будут потом с пеной у рта рассказывать об отсталости Советского Союза. Пускай, они внимательно посмотрят, что творится в 1940 году в вооруженных силах Великобритании. Вот очень сильно не похожи сейчас британцы на технически продвинутую нацию. Я очень сильно подозреваю, что миф об отсталой и лапотной России, у которой не было никакой промышленности и нормальной военной техники, придумают на Западе гораздо позже. Когда начнется Холодная война. Это же очень древняя технология психологической войны. Вымарать своего противника грязью, не замечая грязи на себе любимом. А ведь если подумать, то к англичанам в этой войне возникает очень много вопросов. Ведь они также как и СССР будут массово использовать американскую технику. И хваленый ленд-лиз из Америки для победы над Германией больше будет нужен Британской Империи, а не Советскому Союзу. И Британия будет очень сильно зависеть в этом вопросе от США.

Мое прибытие с партией новых самолетов было воспринято здешним командованием с большим энтузиазмом. И еще меня сильно поразили нравы военачальников на этой окраине Британской Империи. Командующий вооруженными силами Великобритании на Среднем Востоке и в Африке, генерал Арчибальд Уэйвелл своими манерами и внешним видом больше походил на английского колонизатора, а не на боевого генерала. И вел он себя тоже соответствующе. Закатил шикарный бал в честь нашего приезда. Тут война идет полным ходом. А этот чудик балы устраивает. Эдакий колониальный плантатор в полный рост. На том балу в Александрии меня представили и моему командиру, маршалу авиации Лонгмору. Который тоже отвечал не за один Египет, а за весь Средний Восток и всю Африку. Во как. Должности этих генерала и маршала звучали очень круто. Но это только на словах. На самом же деле, в их распоряжении было не так уж и много сил. Например — в Египте у того же маршала Лонгмора имелись всего четыре эскадрильи истребителей и три эскадрильи бомбардировщиков. По мне так это очень мало. Правда, меня успокаивало то, что у наших итальянских противников тоже здесь имелось не очень много самолетов. Я то привык к масштабным сражениям «Битвы за Британию». Там где каждый день в небе встречались по несколько сотен самолетов. Кстати, в налете на Лондон 7 сентября 1940 года немцы использовали около тысячи самолетов. Вот и сравните масштаб. Здесь в Египте на весь фронт с каждой стороны по сотне самолетов имеются. И тут таких массовых сражений в воздухе не бывает как в небе над Британией. Да, в сравнении с метрополией, тут просто курорт. Топлива и боеприпасов у обеих сторон мало. Поэтому и летают здесь пилоты не очень часто и небольшими группами.

Я как раз прибыл сюда, когда итальянцы пытались наступать. С 13 по 16 сентября они вторглись в Египет из Ливии и начали продвигаться вдоль морского побережья. Почти не встречая сопротивления со стороны англичан. Итальянские войска смогли захватить Эс-Саллум и Сиди-Баррани, продвинулись к Мактиле. А потом их продвижение застопорилось. И не от того, что британцы начали оказывать сопротивление. Нет. Просто, у итальянцев начались большие проблемы со снабжением. А до укрепрайона британцев возле Мерса-Матруха они так и не дошли аж сто тридцать километров. В общем, тут все было не как у людей. Сплошной линии фронта нет. И между позициями войск враждующих сторон тянется полоса шириной в сто тридцать километров. Эдакая ничейная земля. Нейтральная полоса. Весело они тут воюют, однако. Я то как-то привык к другим режимам войны. А не к такой

оперетте, что здесь творилась. Неудивительно, что потом немецкий генерал Роммель всего с двумя дивизиями сможет навести тут шороху, гоня по пустыне все британские войска. И затем англичане будут с гордостью вспоминать об этой пустынной битве как о своем величайшем достижении за всю Вторую Мировую войну.

Впрочем, мне было наплевать на все эти заморочки местной военной элиты. Я сюда прибыл, чтобы воевать. Так как я умею и знаю. И пускай, я сейчас ношу всего лишь звание командир эскадрильи. Но вес в здешнем высшем обществе я все же имею не маленький. Про мои подвиги в небе над Британией все здесь были уже в курсе. И мой «Крест Виктории» тоже шел в довесок. Ведь до меня тут кавалеров этой высшей награды Британской Империи не было. А англичане всегда с уважением относятся к таким вещам. Кавалеров «Креста Виктории» не так уж и много пока есть на свете. А в Египте я единственный такой вот редкий зверь. Плюс тут еще и сказались светские сплетни, которые привезли в Африку офицеры нашего морского конвоя. Вот они то и порассказали во всех красках о моих матерых связях с премьер-министром и королем. Связях, которые позволили в рекордные сроки выбить из неуступчивых чиновников военного министерства аж целую эскадрилью новеньких самолетов. И это при том, что тот же генерал Уэйвелл никак не может добиться поставок новой техники и подкреплений для своих войск. На все его просьбы из метрополии отвечают отказом. А какой-то командир эскадрильи вдруг смог получить для себя целых двенадцать новеньких истребителей. Это заставило задуматься здешних командиров и палки в колеса они мне не вставляли. Особо не напрягали. Вели себя вежливо. И даже изредка помогали.

А мне такое отношение было только на руку. Жену удалось пристроить очень удачно. В Александрии нам выделили домик в военном городке при штабе. Довольно симпатичный особнячок в колониальном стиле в самом престижном районе города. Поэтому мы с ней виделись очень часто. Моя то 80-я эскадрилья базировалась возле Александрии. Мои новые подчиненные тоже приняли меня хорошо. Я бы сказал, что слишком хорошо. Все они были молодыми пилотами, мечтавшими о подвигах. А тут я являюсь в полный рост весь такой из себя героический. Газеты со статьями про мои подвиги в небе над Англией они тут читали регулярно. Впрочем, там не только про меня писали. Про других британских асов тоже рассказывали. Но я был среди них самым знаменитым. Плюс награды мои тоже свою роль сыграли. У здешних военных их было не так уж и много. Тут же пока не было такого накала борьбы. И боевые действия были не очень интенсивные. Редкие вылеты и еще более редкие стычки в небе с противниками. Поэтому каких-то выдающихся боевых достижений у моей эскадрильи не было. И если подумать, то восхищение этих людей понятно. Я же в одно рыло успел сбить самолетов противника больше, чем сбили все пилоты 80-й эскадрильи за все время этой войны. Поэтому для этих молодых людей я был настоящим кумиром. И живым примером того, кем они хотели и сами стать. То есть героем и известным воздушным асом. Поэтому авторитет у меня в эскадрилье с самого начала был довольно высокий. Никто не гнул пальцы и не пробовал на прочность нового командира. Даже тот же Пэт Пэттл, который должен был занять должность комэска, но тут появился я. Так вот. Даже Пэттл не стал лезть в бутылку из-за этого. Я назначил его своим заместителем и ни разу не пожалел об этом. У парня был талант командира. Из него получится очень хороший командир эскадрильи. Но пока это место занято. Мной. Кстати, Пэта официально звали совсем не так. Мармадюк Томас Сент-Джон Пэттл. Вот как звали моего зама. Но он предпочитал откликаться на имя Пэт. Не нравилось ему когда его звали Мармадюком. Мне бы тоже такое

имечко не понравилось. И еще Пэт Пэттл был очень неплохим пилотом. Лучшим воздушным бойцом 80-й эскадрильи. На этот момент на его счету уже имелось четыре сбитых вражеских самолета.

Нам дали неделю на освоение новой техники. В принципе, каких-то особых сложностей у моих летчиков с «Харрикейнами» не возникло. После «Гладиаторов», которые очень капризны и трудны в управлении, новые истребители осваивались пилотами 80-й эскадрильи довольно быстро. Правда, им все же пришлось привыкать к другому стилю ведения воздушного боя. Ну, про парное построение я говорить не стану. Это было само собой. Первое, что я внедрил в нашу новую тактику воздушного боя. Парни быстро привыкли летать парами вместо троек. Все они были не новичками. Поэтому особых накладок во время тренировочных полетов не случилось. Правда, один раз у Эйпа Каллена заглох мотор во время выполнения фигур высшего пилотажа. Но к счастью, он смог посадить свой «Харрикейн» даже с неработающим мотором. Потом мы выяснили, что случилось. Во всем виноват долбаный песок. Здешний климат мне не нравится. Он мне сразу не понравился, как только я сюда попал. Ненавижу пустыню. Нет, возле моря еще жить можно. А вот в глубине пустыни царит душное пекло. Первое время было очень тяжело. Организм не привык к такому климату. Сколько же с меня потов сошло, пока я адаптировался к местным реалиям. Но это никогда не заставит меня полюбить пустыню. И как тут люди всю жизнь живут то в этом песчаном аду? Так вот. Главной проблемой здесь в Египте является вовсе не жара, а обычный песок. Который проникает во все дыры и щели. И забивает все внутренности любой техники. От этого моторы работают не очень хорошо. И ресурс у них снижается в несколько раз. В этой пустынной войне обе стороны несут потери не столько от вражеского огня, сколько от поломок техники в самых ненужный момент. В общем, жить в этой долбанной пустыне тяжело, а воевать еще тяжелее.

— Командир, вижу противника на десять часов! — прервал мои воспоминания голос Пэта Пэттла.

— Ага, я тоже их увидел, — говорю я, оглядевшись по сторонам. — Действуем по второму варианту, Пэт. Я займусь истребителями, а на тебе бомбардировщики. Выполняй!

— Есть, сэр! — радостно гаркнул Пэттл в ответ на мой приказ.

Эх, понеслась! Наконец-то, начинается настоящая боевая работа. А то меня эти тренировочные полеты уже в скуку вгонять начали. Сейчас проверим на практике в реальном бою все, что мы на них там наработали. Так, так! Что тут у нас? Вдалеке маячит группа из девяти итальянских бомбовозов. Привет, привет, старые знакомые! Давно же я вас не видел. Еще с Испании. Именно там я впервые сбил этот трехмоторный бомбардировщик ВВС Италии. Итак, перед нами «Савойя-Маркетти» S.79. с официальным прозвищем «Ястреб». Но итальянские пилоты его называют «проклятый горбун». Это из-за большого горба над пилотской кабиной. По мне так этот неуклюжий бомбер больше похож не на «Ястреба», а на горбатую ворону. Профиль у него совсем не ястребиный. Помнится, в Испании мы эти «Савойя-Маркетти» S.79 не могли догнать на своих тихоходных И-15. Тогда эти бомбовозы легко отрывались от нас по скорости. Но сейчас у них такого преимущества не будет. «Харрикейны» их догонят без особых усилий. Кстати, мне мои подчиненные много рассказали про здешнюю войну в воздухе. У английских «Гладиаторов» те же проблемы со скоростью имелись. И очень часто они не могли догнать такие вот бомбардировщики. М-да! Но теперь на площадку вышли новые игроки. И лафа итальянцев закончилась.

Но теми бомберами противника сейчас займутся шесть «Харрикейнов» под

командованием Пэта Пэттла. А моя группа тоже из шести истребителей будет сражаться с другими противниками. А вот и они. Познакомьтесь. «Фиат» CR.42 «Фалко» (или «Сокол»). Аж двенадцать штук вижу сейчас в небе. Вот любят итальянцы свои самолетики именами различных хищных птиц называть. Но только этот устаревший и тихоходный итальянский биплан совсем не «Сокол». По своим техническим характеристикам он сильно похож на британские «Гладиаторы». Поэтому я, узнав, с какими противниками нам здесь в Африке придется иметь дело, решил в тренировочных боях использовать против «Харрикейнов» «Гладиаторы». Которыми прежде и была вооружена 80-я эскадрилья. Вот на них мы и отрабатывали свою новую тактику воздушного боя. Эти старые британские истребители обладали теми же пороками и достоинствами, что и все другие бипланы этого класса. «Гладиаторы» были тихоходными, но очень маневренными самолетами. По горизонтальному маневру на виражах, они значительно превосходят «Харрикейн». Что мы очень быстро выяснили на практике. Зато в скорости они ему сильно уступают. Исходя из этого, мы и тактику свою отрабатывали. При этом я учил своих летчиков не ввязываться в ближний и маневренный бой с юркими «Фиатами». Разогнался, ударил на скорости и ушел на вертикаль или в пикирование. И конечно же, лучше атаковать противника сверху. Как я и люблю это делать. Мне рассказывали, что итальянские пилоты не любят драться на больших высотах. На CR.42 кабины летчиков не герметичные. Потому «Фиаты» выше трех тысяч метров над землей стараются не подниматься. Кстати, это всех бипланов касается. Чем у них ниже высота полета, тем выше скорость. Я эту особенность заметил, еще когда на «чайках» летал. В общем, способы борьбы с маневренными но тихоходными бипланами мы отработали неплохо. Будем надеяться, что мои парни о них не забудут в пылу воздушной схватки.

Группу Пэттла я придержал немного по радию. Нечего им сейчас вперед лезть. Нельзя нервировать раньше времени итальянские истребители. Поэтому шестерка Пэта сейчас маневрирует ниже мой группы. И понемногу оттягивается назад. Приманивая «Фиаты» на себя. И итальянцы ведутся на это дело. Странно. Видимо, с «Харрикейнами» в бою они еще не встречались. Вот сейчас они точно видят мою шестерку истребителей, летящую над ними. Но почему-то не сильно нас опасаются. Их внимание больше занято группой моего заместителя. Он им кажется более опасным. Ну, что пора развеять это заблуждение итальянских сеньоров? Пора! Командую атаку и переворачиваю в пике через крыло свой «Харрикейн». Пикирую на головной CR.42. Наш маневр враги увидели. И среагировали. Прыгнули в разные стороны испуганными воробьями. Но сделали это недостаточно быстро. Они же привыкли здесь в небе Африки воевать с совсем другими британскими истребителями. Не такими скоростными. Поэтому и не рассчитали свой маневр. Слишком поздно спохватились и начали уклоняться от нашей атаки сверху. И сейчас за это кто-то из них отхватит горячих и полновесных трюндюлей.

Ведущий вражеской эскадрильи пытается уклониться и отчаянно маневрирует. Вот даже нырнул в пике. Поздно метаться, парниша! Нажимаю на гашетки своих пушек. О, кайф! Как же они сексуально рокочут, посылая разрывную смерть в сторону того обреченного «Фиата». Короткой очереди из четырех 20-мм автоматических пушек хватает, чтобы развалить вражеский биплан на куски. Классика! Как в учебнике по тактике сработано. Это первый самолет противника, сбитый мною в Африке. Кстати, можете меня поздравить. Он же еще и является сотым самолетом врага, который я сбил за всю свою карьеру летчика-истребителя. Сотая воздушная победа в моей копилке охотничьих трофеев! Круто! Такого

достижения пока ни у одного из других воздушных асов нет. Я первый буду! Ага, сам тащусь! Быстренько проскакиваю вниз, а потом сразу же ухожу вверх. Как на качелях. Разогнался я прилично. И на высоту залезаю очень быстро. Вот так и надо воевать. Вверх-вниз. Вверх-вниз. А все эти виражи и горизонтальные маневры не для нас. Противник у нас сейчас такой специфический. Нельзя ему дать втянуть нас в маневренный бой. Мы точно бипланам там проиграем. Оглядываюсь по сторонам и невольно матерюсь. Вот что с ними делать? Говорил им, говорил. Учил, учил. А как в бой попали, то вся эта учеба у них из головы тут же вылетела. «Харрикейны» Эйпа Каллена и Тана Джоунса все же оторвались от моей группы и сейчас с увлечением пытаются догнать ускользающие от них «Фиаты». Увлечлись, понимаешь, мальчики в охотничьем азарте. Все забыли, что я им вдалбливал всю эту неделю. Ну, вот, Что и требовалось доказать? Сейчас у Эйпа будут большие неприятности. Один из итальянцев ему почти уже зашел в хвост. А этот дурачок об этом не подозревает и упорно пытается догнать другой вражеский биплан. Грозным командирским рыком по радиации привожу Эйпа Каллена в чувство. Заставляю его очнуться от боевого транса и начать думать головой, а не другим местом. Но и сам на месте тоже не сижу. А опустив нос своего «Харрикейна», отсекаю огнем автопушек того «Фиата», который пытался сесть на хвост британцу. Не попал, конечно. Впрочем, я к этому и не стремился. А вот отпугнуть смог. Итальянец мой намек понял и шустро отвернул в сторону от истребителя Эйпа Каллена. Кстати, в первой то нашей атаке попал не только я один. Мой ведомый Дон Грегори тоже подбил один CR.42. У того бедолаги отвалилось верхнее правое крыло, и он сразу же свалился в штопор, который закончился эффектным огненным цветком взрыва, распустившегося на одном из барханов внизу. Мне и Дону пришлось еще пару раз открывать огонь, чтобы отогнать назойливые «Фиаты» от двух наших штрафников. Да, да! Это я про Эйпа Каллена и Тана Джоунса говорю. Они сегодня такой косяк спорили. Бросили товарищей в бою и занялись личной охотой. Хорошо, что никто из-за этого из нас не погиб. В общем, ждут сегодня и даже завтра этих двоих азартных кадров интересные мероприятия, по благоустройству нашей авиабазы. Будут хозяйственными работами заниматься. Пока все остальные пилоты будут отдыхать. Вот такая трудотерапия им предстоит. А что? Я всех об этом заранее предупредил. Хотя за невыполнение приказа в боевой обстановке я их вполне могу и под трибунал отдать. Но я сегодня добрый. А значит, хозработы этим двум кадрам гарантированы. И это еще не все. Я планирую также воспитательную беседу с этими двумя провести. Перед строем эскадрильи вывалить на них все, что я об их дурном поступке думаю. Наконец, вся моя группа собралась на высоте. Пора снова тряхнуть наших противников там внизу. А итальянцы уже поняли, что ничего хорошего их не ждет. И озабоченно роятся, нарезая круги. И как бы приглашая нас туда влезть. Ага! А может быть, вам, сеньоры, еще и морду вареньем намазать. Лезть на виражи к этим маневренными бипланам я своим категорически запрещаю. Это не наш путь.

— Делай как я! — команду по радиации своей группе и ухожу в пике.

Урок явно пошел впрок. В этой атаке больше никто из нашего строя не вывалился. Я снова смог подшибить один итальянский биплан, разорвав его своими пушками. Второй готов! Да, уж! Четыре пушки для поражения такого хлипкого противника явно избыточны. Тут бы и двух хватило за глаза. Впрочем, можно же стрелять не сразу всеми стволами, а по парно. У меня же в «Харрикейне» имеются две гашетки. На каждую пару пушек. Но я уже привык за эти годы работать по противнику со всех стволов. Чтобы сбивать его наверняка с одного захода. А вот моим парням в этот раз не повезло. Никого они своими пушечками не

сбили. Хреново стреляют британские летчики-истребители. Неудивительно, что у них на счету имеется так мало сбитых самолетов противника. Кстати, итальянцы меня удивили. Они не только смогли увернуться от атак моих летчиков. Но и повредили «Харрикейн» Хеймара Стакки. Зря я их бездарями обзывал. Вот эти итальянские летчики очень даже неплохо держатся против нас. К счастью, самолет Стакки падать пока не собирался, но я его решил отправить домой. На всякий случай. Тянется за ним какой-то подозрительный дымок. И мне это не нравится. Не хватало еще, потерять этот истребитель и его пилота. В сопровождение Стакки отправляю прощтрафившегося сегодня Эйпа Каллена. Пускай, охраняет нашего подранка по пути следования на базу.

Мы снова на верхотуре. Отсюда можно и оглядеться вокруг. Ага! Пока мы тут развлекались с «Фиатами», Пэт Пэттл и его группа благополучно добрались до вражеских бомбардировщиков. И сейчас устраивают им миниатюрный геноцид. Две «Савойи-Маркетти» S.79 уже горят и падают. Еще одна пока летит, но тоже уже всю дымит одним мотором. Энергично мой заместитель за них там взялся. Молодец, Пэт! И причем, действует как я его и учил. Ближе к бомберам итальянцев не лезет и старается расстреливать их издалека, не особо подставляясь под огонь вражеских бортстрелков. Благо, что пушки у «Харрикейнов» дальнобойные. Это вам не слабенькие пулеметики под винтовочный патрон, которыми были оснащены британские «Гладиаторы».

Значит, и нам пора заняться теми вон «Фиатами». А то они как-то там заскучали без нас. В этот раз мы их будем атаковать не одной толпой, а с разных направлений. Так итальянским бипланам будет сложнее защищаться от наших атак. Третья атака вышла более результативной для моей группы. Разойдясь в разные стороны по парно, мы атаковали кружащихся внизу итальянцев почти одновременно. Такой подставы от нас они не ожидали. И нормально среагировать на нашу атаку не смогли. После того как мы с пикирования смогли сбить сразу три «Фиата» (один из них был мой), итальянские истребители заметались в панике и начали разлетаться в разные стороны. При этом было видно, что ни о какой слаженной тактике со стороны противника речи не идет. Враги просто бросились в разные стороны, спасая свою жизнь. А у меня, к сожалению, боеприпасы закончились в такой веселый момент. И больше я никого в этом бою не сбил. А вот мои парни смогли еще два паникующих CR.42 догнать и завалить. После чего мы стали отходить. Группа Пэта Пэттла также отвалила в сторону от поредевшей кучки вражеских бомбардировщиков. Они в общем и целом, умудрились за этот бой приземлить сразу семь «Савойи-Маркетти». И потерь при этом не понесли. Молодец, Пэттл! Все мои уроки не забыл. И не стал рисковать понапрасну своими людьми, расстреливая врагов с безопасных дистанций. У них, кстати, тоже снаряды закончились. А то ни один бы вражеский бомбер отсюда не смог удрать.

Возвращались мы на аэродром в приподнятом настроении. А когда все наши самолеты приземлились, и я вылез из кабины. То британские летуны в радостном порыве принялись меня качать и подбрасывать на руках. Уф! Еле отбил. Чуть не уронили меня любимого на твердый песок эти энтузиасты шальные. Оказывается, что с таким разгромным счетом 80-я эскадрилья никогда здесь не воевала. Не было такого еще в ее истории. Когда мы в одном бою сбили аж пятнадцать самолетов противника. А сами не потеряли ни одного истребителя. Кстати, поврежденный «Харрикейн» Хеймара Стакки благополучно вернулся на базу. Его сейчас наши авиатехники рассматривают. В общем, выиграла мы у итальянцев «в сухую». Обычно, то тут воздушные бои не так развиваются. И потери с обеих сторон в них не такие большие бывают. А пятнадцать сбитых самолетов для наших врагов — это очень

ощутимая потеря. По данным британской разведки у ВВС Италии в Северной Африке имеются всего около полутора сотен самолетов. Вот и думайте, что такое для итальянцев потеря пятнадцати самолетов сразу в одном воздушном бою? Технику то они сюда тоже по морю доставляют. А это создает большие трудности в восполнении потерь. И скорее всего, те эскадрильи, что мы потрепали, будут выведены в Италию. А вместо них в Ливию пришлют новые. А это время. Время, на которое снизится количество вражеских авианалетов на британскую территорию в Египте.

В общем, за этот бой многие летчики моей эскадрильи получили награды. Маршал Лонгмор об этом лично ходатайствовал. Для здешних то мест это очень громкая победа. Выдающаяся. Тут давно таких не было. Да, что там говорить. Здесь такого сроду никто не видывал. Тут другая война идет. Тихая, неторопливая с малым количеством потерь. В общем, мой блестящий дебют как авиационного командира потряс все здешнее высшее общество до глубины души. Теперь все военные стали смотреть на меня по другому. Раньше то они думали, что я свои награды получил по блату. Из-за связей с Черчиллем и английским Королевским Двором. Но сейчас вдруг поняли, что газеты о моих подвигах в небе над Британией писали чистую правду. Поняли, что я являюсь не чьим-то там выдвиженцем. А настоящим военным лидером. Который соображает в современной воздушной войне. После этого меня и мою супругу чаще стали приглашать на различные светские рауты и вечеринки местной элиты. Колониальное общество британского Египта приняло меня за своего. Я делом доказал, что могу войти в их ряды.

Глава 27

О невезении

Следующие шесть дней для моей эскадрильи прошли довольно мирно. Нет, мы вылетали на патрулирование, но никаких контактов с противником в небе не случилось. Итальянские ВВС больше не прилетали бомбить позиции британских войск. И над сушей небо было чистым от вражеских самолетов. Тут даже итальянские самолеты-разведчики не летали. Видимо, нам удалось напугать итальянское командование. И они взяли паузу. Правда, вместе с этим участились налеты итальянских бомбардировщиков и торпедоносцев на британские корабли. Вот над морем итальянцы стали летать чаще. И это дало свой результат. За шесть дней они умудрились торпедировать один английский крейсер и два транспортных корабля. Это вынудило маршала Лонгмора отдать приказ моей эскадрилье о перебазировании в Мерса-Матрух. А уже оттуда мы должны были вылетать на патрулирование над Средиземным морем. Но эффективность такого решения у меня вызывало много сомнений. Наземных радарных станций у англичан в Египте не было. Потому обнаруживать и перехватывать вражеские торпедоносцы и бомбардировщики, летящие над морем, было очень сложно. Тут же нельзя разместить наземные посты ВНОС, которые бы нас предупреждали о подлетающих самолетах врага. Эта опция нам была доступна только на суше. Да, там не только специальные наблюдательные посты работали на это дело. Все опорные пункты англичан в пустыне были оснащены рациями. Да, и моторизированные патрули англичане регулярно высылали. И радиосвязь у тех патрулей тоже была. Поэтому вражеский самолет, летящий над сушей, засекался очень быстро и информация о нем передавалась авиаторам. Ну, а те уже вылетали на перехват. Но это над сушей. Небо над морем практически не контролируется. Только рядом с Александрией в море дежурят британские эсминцы. Но туда противник редко залетает. В основном, итальянцы пытаются подловить английские корабли, идущие вдоль побережья Северной Африки. И иногда им это удается. А наше патрулирование в небе над Средиземным морем было малопродуктивным. Море то большое. И наткнуться на самолеты противника здесь можно было лишь случайно. Мы только зря тратили топливо и ресурс моторов наших истребителей. Потом мне этот процесс надоел и я предложил командованию свой план. А он был прост как лом. Я предложил британцам расставить в разных квадратах моря корабли с радарами. Они у англичан здесь в Средиземном море имелись. И меня послушали. Вскоре парочка британских крейсеров и три эсминца заняли позиции в море. И дело пошло.

На седьмой день рано утром нам сообщили, что над морем возле Бардии радар одного из английских эсминцев засек группу самолетов. Наши там сейчас не летают. Значит, враги. Вылетаем по тревоге. Связь с эсминцем у нас имеется и они нас наводят на цель. Правда, делают это не совсем точно. Но сильно мы не промахнулись. И смогли визуально обнаружить шесть «Савой-Маркетти» S.79 с подвешенными торпедами, летящих вдалеке над морем. Судя по всему, они намылились атаковать британский конвой, который незадолго до этого вышел из Александрии. Вообще-то, логично. Разведка у итальянцев, конечно, не такая крутая как у немцев, но свои агенты у Италии в Египте есть. И я не удивлюсь, если они сообщают о всех британских кораблях, выходящих в море из порта Александрии. Итальянцам после этого остается только выслать навстречу свои торпедоносцы. Красивая схема, однако. Хорошо придумано. Поэтому противнику даже не надо рисковать своими

разведывательными самолетами. Незачем посылать их к Александрии. Если итальянские агенты и так своих предупредят о выходе британцев в море.

Но нам удалось подобрать ключик к этой головоломке. И из того вылета не вернулся на аэродром ни один из итальянских торпедоносцев. Все шесть «Савой-Маркетти» S.79 мы тогда сбили и отправили на свидание с Нептуном. Я при этом только один итальянский бомбер завалил. А остальными поделился со своими подчиненными. Надо же было моим пилотам учиться правильно сбивать вражеские самолеты. Истребительного прикрытия у тех итальянцев не было. Поэтому наши «Харрикейны» заходили на цель как в тире. А я еще и внимательно следил, чтобы никто случайно не подставился под огонь вражеских бортстрелков. Следил и командовал по радио, корректируя действия своих летчиков. В общем, неплохо так потренировались мы тогда на кошка... э... на тех итальянских торпедоносцах. После этого мы смогли перехватить еще две небольшие группы «Савой», а потом как отрезало. Видимо противник понял, что происходит. Хотя до своих аэродромов никто из перехваченных нами врагов не добрался. Но радио то у них имелось. И они, наверняка, орали на всех частотах о том, как мы их убиваем. В общем, итальянское командование быстро все сообразило, и полеты торпедоносцев противника прекратились. А британские корабли стали ходить по Средиземному морю без всякой опаски в зоне нашей ответственности. За это британские ВВС Египта удостоились похвалы от английских адмиралов. Такое здесь случалось крайне редко. Чтобы заносчивые английские моряки благодарили сухопутных авиаторов. И маршал Лонгмор остался этим фактом очень доволен. А на 80-ю эскадрилью опять полился дождь наград и поощрений. Мне тоже перепало. Дали еще одну планку к моему ордену «За выдающиеся заслуги». В общем, поощрили как могли.

А вот потом опять потянулись унылые и спокойные дни в африканской пустыне. И меня больше доставало то, что мы жили на полевом аэродроме. Жить в палатках посреди раскаленной пустыни. Это еще то удовольствие. Это вам не комфортабельная авиабаза Эль-Нужа возле Александрии. Где в зданиях имелись даже кондиционеры. В палатках то ничего такого нет. А жара здесь стоит зверская. И небо как вымерло. Противник себя в нем никак не проявлял еще несколько дней. И отводить нас назад к Александрии командование почему-то не спешило. Хотя я настаивал на этом. Нашим «Харрикейнам» нужен был ремонт и ежедневная профилактика всех систем. А на полевом аэродроме посреди пустыни это было делать очень сложно. Не было для этого здесь условий. И рано или поздно, но это должно было привести к трагедии. И она таки случилась. А ведь я предупреждал!

В тот день небо было безоблачным. Такое тут часто случается. Дожди здесь редкость. И еще с юга задул сильный ветер, который гнал тучи песка над барханами. Для полетов такая погода не сильно благоприятна, но приказ есть приказ. 80-я эскадрилья его получила. И вылетела на перехват группы вражеских бомбардировщиков, которые двигались в сторону Мерса-Матруха. Вот не лежала у меня душа к этому вылету. Что-то такое предостерегающее моя чуйка пыталась мне орать в ухо. Но я от нее отмахнулся и решительно залез в свой «Харрикейн».

Противника мы обнаружили над нейтральной полосой. При этом итальянцы решили схитрить и летели не рядом с морским побережьем, а зашли через южное направление. Там пустыня труднопроходима для наземных войск. А значит, нет многочисленных постов ВНОС и армейских опорных пунктов. Вот по задумке итальянских пилотов они хотели пролететь южнее побережья. Незаметно пролететь. А затем внезапно повернуть на север и ударить по Мерса-Матрух. Но все же что-то в том районе у англичан имелось. Группу вражеских

самолетов засекли на подходе к линии фронта. И нас вовремя предупредили. Вот уже который раз меня итальянцы удивляют. Хотя воюют они не очень успешно, но и дураками их тоже называть нельзя. Вон какие хитрые планы могут придумывать. Правда, сейчас у них ничего не вышло.

На этот раз итальянцы собрали для удара двадцать один одномоторный штурмовик «Бреда» Ва.65 и десять «Фиатов» CR.42. «Фиаты» в небе я уже встречал, а вот «Бреды» вижу впервые в реале. Раньше эти устаревшие итальянские штурмовики только на картинках и видел. Вообще-то, Ва.65 были не самыми удачными самолетами итальянского военпрома. Тихоходные, неманевренные, со слабым бронированием, маленькой бомбовой нагрузкой и небольшой дальностью полета. В общем, дерьмо верблюда, а не штурмовик. Кстати, это понимали даже итальянцы. Поэтому к моменту вступления Италии в войну все «Бреды» Ва.65 были списаны и складированы в ожидании разборки на лом. Но война дала еще один шанс этому самолету, списанному со счетов. Итальянцы собрали все это старье, подремонтировали и отправили воевать в Северную Африку. И вот сейчас этот антиквариат летит нам навстречу. Эх, повоюем!

На цель заходим уже по отработанной схеме. Группа Пэта Пэттла атакует вражеские истребители. А мои шесть «Харрикейнов» направляются к итальянским штурмовикам. Привет, привет! Не ждали? А мы приперлись! Атака сверху. Классика. Вражеские «Бреды» летят гораздо ниже нас. На двух тысячах метров над барханами. Пэт мне уже успел рассказать, что эти штурмовики выше подниматься не любят. Вот и хорошо. Объявляю атаку по радию и пикирую вниз, наводя прицел на головной итальянский штурмовик. Враги нас заметили. И начинают маневрировать. Как-то хаотично действуют. Слишком несогласованно. «Бреда» в моем прицеле мечется из стороны в сторону. Но меня такими дешевыми трюками сложно обмануть. Пора! Нажимаю на обе гашетки, раздирая вражеский самолет огнем из всех четырех пушек. М-да! Хорошо врезал! Правое крыло Ва.65 отправляется в свободный полет, а двигатель вспыхивает ярким пламенем. Этот готов!

Пора заняться другими противниками. Проскакиваю вниз, а потом уже привычно тяну ручку управления на себя. Чтобы уйти на вертикаль. Выше, выше, еще выше. И вдруг двигатель моего «Харрикейна» начинает чудить. О, только не сейчас! Мотор истребителя ревет уже не так уверенно. Чихает и начинает работать с перебоями. Обороты винта мгновенно падают. Черт, черт, черт! Я сейчас невольно завис в воздухе. Скорость упала катастрофически. Тяги двигателю не хватает, чтобы затащить тяжелый «Харрикейн» вверх. Кошмар!!! Ухаю вниз. Самолет тут же пытается свалиться в штопор. Но я не даю ему это сделать. И лихорадочно пытаюсь заставить нормально работать мотор. Не получается. Двигатель чихает и начинает дымиться. Этого еще не хватало. Тут мне уже не до боя. Не гробануться бы с высоты на барханы. А все к тому и идет.

Внезапно боковое стекло кабины моего истребителя взрывается кучей мелких осколков. А по фюзеляжу самолета начинает что-то долбить. Громко и отчетливо. Левая нога взрывается болью.

— Твою мать! — проносятся в голове испуганные мысли. — В меня же стреляют! В меня попали! Меня подстрелили! Боже, какая боль!

Но глаза боятся, а руки делают. Пока мозг паниковал, мое тело действовало на одних инстинктах. Резко бросаю свой покалеченный истребитель в сторону и вниз от строя вражеских штурмовиков, к которому я так неосмотрительно приблизился. Впрочем, тут от меня мало, что зависело. Здесь против меня работали законы физики. Если бы мотор

работал нормально, то мой «Харрикейн» легко и быстро после атаки проскочил мимо врагов и ушел наверх. Но мотор меня подвел. Долбаный песок! Это все из-за него случилось. Сколько наши авиатехники не чистят моторы от песка. Но этого оказывается мало. В каждом вылете что-то да происходит. Пока были мелкие поломки. И никто из нас не погиб. Но сейчас я конкретно так попал из-за того, что двигатель моего истребителя вышел из строя в самый ответственный момент. И мне это может стоить жизни. Врагам уже удалось меня подстрелить. Нога зверски болит. Как будто туда раскаленный прут воткнули. М-да! Похоже, кончилось мое попаданческое везение. Ведь за все годы военной службы мне все время везло. Там же столько было опасных моментов, но из них я выходил без ранений. А тут вот не повезло. Мой «Харрикейн», внезапно потерявший скорость, расстрелял какой-то убогий борт-стрелок устаревшего итальянского штурмовика. Как же он сейчас, наверно, радуется, собака полосатая. Но такова судьба. Не повезло! Бывает!

Однако еще ничего не закончилось. Меня же не убили, а только ранили. Надо попытаться выжить. Увожу свой побитый истребитель все дальше и дальше от вражеских самолетов. Мне сейчас не до боя. Самолет быстро теряет высоту. Двигатель дымит все сильнее. Гадство! Ну, вот! Загорелся! Сквозь потеки масла на лобовом стекле вижу языки пламени, вырывающиеся из-под капота.

— Командир, ты горишь! Прыгай! Прыгай! — прорезался в наушниках моего шлемофона голос моего ведомого Дона Грегори.

— Да, надо прыгать! — мечется в моей голове испуганная мысль. — Сам знаю, что надо прыгать! Но как же болит нога!

Нет, вылезти из кабины я в таком состоянии не смогу. С такой то ногой. Значит, придется попросить помощи у гравитации. Дым сквозь дыры в стекле моей кабины начинает забивать мои легкие. Еще немного и задохнусь. Лихорадочно дергаю защелку, пытаюсь открыть фонарь кабины. Заклинило! Да, что же это такое! В ярости бью по фонарю рукой. Это меня отрезвляет. А то вон пламя уже подобралось вплотную к кабине. Резко вспоминаю про свой наградной «Маузер». Этот пистолет сейчас со мной. Вот он то и может стать моим спасением. Немного неуклюже пытаюсь вытащить «Маузер» из деревянной кобуры. Другой то рукой надо управлять самолетом. Хорошо, что меня в ногу, а не в руку ранило. Хоть какой-то плюс в том, что случилось. Уф! Получилось! Вытаскиваю пистолет и приставляю ствол к заклинившей защелке фонаря. Зажмуриваюсь и нажимаю на курок. Грохот выстрела в закрытой кабине оглушает. Как из пушки стрельнули над ухом. Но мучился я не зря. Фонарь кабины, наконец-то, удается открыть. У-кха-ха-кха! Дым мгновенно врывается в кабину. Да и пламя как-то резко стало ближе. Явно чувствую жар на лице. И ноги тоже начинают припекать как-то подозрительно. Хорошо, что я сейчас одет нормально. Белый комбинезон (тропический вариант), перчатки из тонкой кожи, ботинки. На шее шарф из шелка. На голове летный шлем, а на глаза надвинуты специальные летные очки с затемненными стеклами. Здесь в солнечной пустыне такие очки очень помогают в бою. Поэтому сейчас у меня открыт только низ лица. И в данный момент для меня эта моя экипировка многого значит. А то некоторые мои подчиненные летают в шортах и рубашках с коротким рукавом. И это тоже не отсебятина. Есть тут такая вот форма одежды. Тропический вариант. Светлые шорты, легкая рубашка с короткими рукавами, ботинка с гетрами и пробковый шлем. Эдакий колониальный стиль. Здесь в пустыне многие британцы так вот ходят. Но я все же предпочитаю надевать летный комбинезон на боевые вылеты. А то на высоте бывает не так жарко как внизу. Да, и от огня такой вот наряд лучше защищает

летчика, чем шорты и рубашка из тонкой ткани.

Я уже чувствую как огонь лижет кожу на моем подбородке. Это заставляет меня действовать быстрее. На автомате вкладываю «Маузер» в кобуру. Чтоб не выпал в полете. Отстегиваю пристяжные ремни. Резко переворачиваю свой горящий истребитель кверху брюхом. И выпадаю из кабины вниз головой. Гравитация мне в помощь. Сколько раз я наблюдал, как мои противники вот так вот покидали свои подбитые самолеты. А теперь сам делаю. А что? Такой способ покидания самолета считается самым безопасным. А если просто пытаться вылезти из кабины, когда самолет летит не вверх тормашками. То можно сильно удариться ногами о хвостовое оперенье. Да, и не смог бы я сейчас нормально вылезти. Из-за ноги. Она у меня побаливает, зараза. Даже в свободном падении ею лучше не шевелить. Еще раз оглядел себя. Вроде бы, все нормально? Одежда на мне не горит. Не успела загореться. Этот вот белый комбинезон тоже не прост. Англичане его ткань пропитали какой-то негорючей гадостью. И те несколько секунд мой костюмчик выдержал. И не загорелся. А вот подбородок я все же обжег слегка. Но это фигня! Вот нога меня больше заботит. Ее же мне прострелили. И кровь сейчас из нее вытекает. Уже вся штанина красной стала из-за этого. А мне еще надо благополучно приземлиться. Главное, чтобы парашют раскрылся. Ох, как же я давно с ним не прыгал. Все как-то не приходилось. А высота все меньше и меньше. Воздушный бой остался где-то наверху. А я стремительным метеором падаю вниз. Вот, вот, вот сейчас! Дергаю за кольцо на своей груди. И с облегчением слышу хлопок вытяжного парашюта, а потом осязаемый рывок вытряхивает из меня весь дух. Уй! И мою израненную ногу тоже злобно так дергает. Как будто меня за нее крокодил цапнул с разгону. Вот и основной парашют раскрылся. Быстро осматриваю купол. Нормально раскрылся. Теперь надо приземлиться благополучно. А с такой ногой это будет сделать довольно трудно.

Ну, вот! Накаркал. О песок меня приложило очень качественно, а потом сильный ветер потащил мое матерящееся тело по барханам. Каждый рывок отдавался дикой болью в ноге. Долбанная пустыня! Долбанный ветер! Долбанные итальянцы! Долбанный парашют! И бедный я! Мне никак не удастся отстегнуть парашют. Внезапно это экстренное движение заканчивается. Как-то слишком резко. Странно. Отстегнуть парашют или погасить его купол мне никак не удавалось. И меня тащило по пустыне как парусный корабль, идущий по воде на полной скорости. Оглядываюсь себе за спину. Ага. Вот в чем дело. Купол парашюта с разгона наткнулся на какие-то руины и намертво в них застрял.

Похоже, все? Приземлился. А теперь надо позаботиться о своей ране. Кровь то все еще бежит. Надо перевязать ногу. А то помру от потери крови еще. И вот же засада. Бинта у меня сейчас с собой нет. Не носил я в карманах своего комбинезона перевязочный пакет. Считал лишним. А потом мой взгляд упал на купол парашюта, который бессильно полоскался на ветру. Вот оно. Парашютной тканью и перебинтуюсь. Пытаюсь ползти, но из-за больной ноги это делать тяжело. А потом додумался подтягиваться на руках, цепляясь за стропы парашюта. Уф! Добрался. Пытаюсь оторвать от парашюта кусок ткани. Ага, разогнался! Прочный парашютный шелк так просто не поддается. Надо его чем-то разрезать. Разрезать? Точно! У меня же есть чем. В небольшом боковом кармане комбинезона у меня лежит очень полезная вещь. Складной ножик. Нет, это не понтный швейцарский «Викторинос». А изделие местных умельцев. На Александрийском базаре я этот ножик и купил. А что? Он мне понравился. Сталь, конечно, ни разу не дамаск. Но зато у этого ножа была красивая ручка из панциря черепахи с бронзовыми вставками. Выглядело очень красиво и экзотично.

По-египетски. Я этот складничок купил не просто так, а как рабочий инструмент. Колбасу там порезать, карандаш настрогать или веревку отрезать. Вот как сейчас. Быстро отрезаю кусок парашютной стропы. Из этого делаю себе жгут на ногу. Кровь то надо остановить. А то никакая перевязка не поможет. Есть. Кровь больше не сочится. А нога начинает неметь. Но так даже лучше. Не так больно будет при перевязке. Нормального то обезболивающего тут пока нет. Только голимая наркота типа морфия. Но его пилотам никто не выдает. А значит, и бинтоваться я буду на живую. Без наркоза. Наконец, вырезаю из парашюта длинную ленту шелковой ткани. И начинаю перевязывать свою рану. Громко матерясь и проклиная все на свете.

Все! Экзекуция закончена. Хотя, нет. Минут через двадцать ослабляю жгут и присматриваюсь к своей повязке на ноге. Нормально, вроде бы? Кровь не просачивается. Закрылась рана. С облегчением снимаю жгут. Да, курсы оказания первой медицинской помощи я прошел когда-то. И еще не все забыл. Точно помню, что жгут нельзя долго держать. От этого нога может отмереть. Нельзя долго пережимать кровяные артерии и вены. Уф! Вот теперь можно и отдохнуть. А то я что-то устал. Видимо, эта матерая слабость у меня из-за потери крови образовалась? Хорошо, что я успел перевязаться. Пока был на адреналине. А сейчас вот наступает откат. И меня в сон клонить начинает. Но еще рано.

Надо укрытие от солнца найти. А то здесь на песочке я быстро в запеченную картошку превращусь. И попить бы. Но воды нет. Эх, знать бы что такое случится. Я бы точно флягу с водой с собой прихватил. Кстати, она у меня была, но так в кабине моего горящего «Харрикейна» и осталась. А жаль! Зато я могу перебраться в тень. Надо спрятаться от этого долбанного солнца. А то песок очень горячий. Вон там, вроде бы, тенек имеется? Кое-как смог проползти к куску стены, торчащему из песка. По виду это что-то древнее. Но не античной эпохи. Это что-то более убогое и новое. Такие вот кособокие домики из глины здесь строят местные аборигены. Типа, египтяне. Хотя какие из них Египтяне? Как из меня балерина. Это потомки арабских завоевателей. В Египте живут арабы. В основном. И негры, но те на самом юге ютятся. А чистокровных египтян здесь нет. Такой народ исчез очень давно.

Вот под такие хмурые мысли о коренных египтянах я уместился у стеночки. В тени. Здесь меня сверху очень удачно прикрыл купол парашюта. А потом я отрубился. Заснул или потерял сознание? Я этого так и не понял. Очнулся уже ночью. На небе ни единого облачка. Ветер стих. И миллиарды звезд. Круто! Такое зрелище в цивилизованных землях не увидишь. Долго лежал прислушиваясь к тишине пустыни. М-да! Меня за это время так и не нашли. Никто не прибыл меня спасать. Похоже, что меня тут бросили? Похоже, придется самому выбираться? Но как это сделать? Нога хоть и меньше болит. Но ходить я еще не скоро смогу. Надо костыли. А их нет. И сделать не из чего. Парашют для этих целей не подходит. Что у меня есть? Одежда, пистолет «Маузер» в деревянной кобуре, складной нож, пять галет в бумажной пачке, небольшой блокнот, часы и компас. В принципе, нормально. Если бы я был на ходу. То уже бы шагал в сторону своих, ориентируясь по компасу. Но идти я не могу. Только не с такой ногой. Ползти? Ну, это вообще из области фантастики. От потери крови и жажды я как-то сильно ослаб. Теперь мне не то что ползать — руками двигать тяжело. Вот такие пироги с котятами. И еще я очень хочу пить. Хоть глоток. Один глоточек. Маленький! Впрочем, я кажется знаю, как достать воду. Пластика у меня нет, но есть кожаный летный шлем и очки. Из них можно попробовать соорудить дистилляторную установку, которая будет извлекать воду из воздуха. Это что-то вроде сбора росы. Я когда-то давно еще прошлой

жизни о таком способе добычи воды в жарких странах передачу смотрел. Вот и запомнился метод. Очень интересный и необычный. Только там люди использовали пластиковые бутылки, траву или ткань. Но у меня их нет. Но есть заменители. Вот и попробую добыть воды. Все равно мне делать больше нечего. Только лежать и ждать, когда меня найдут.

Глава 28

О спасителе

Следующий день проходит в попытках добыть воду путем дистилляции ее из воздуха. Хреново получалось. Может быть, я все не правильно делал? Или в пустынном воздухе было слишком мало влаги? Но воды мне удалось собрать не очень много. Чисто горло промочить. В общем, жажда меня мучила весь день. И от этого даже есть особо не хотелось. Тем более, что из еды у меня было только пять галет. И из них три я успел слопать в течении дня. Не густо, но еду тоже экономить надо.

Следующая ночь прошла как-то беспокойно. В темноте слышались какие-то шорохи, а потом над пустыней поплыл переливистый лай-вой каких-то местных зверушек. Скорее всего, шакалов. Они тут в Египте водятся. Это, конечно, не волки. Но если накинутся стаей на ослабевшего от ран человека, то могут загрызть насмерть. Я здесь такие страшные сказочки слышал. Война меняет правила. Сейчас в пустыне появилось много убитых и раненных людей. И местные хищники начали пробовать их на зуб. И их страх перед человеком начал отступать. Для этих плотоядных зверушек человек стал просто источником вкусного мяса. В общем, пришлось спать вполглаза. А когда мне показалось, что шакалы подошли слишком близко. То я без особых затей выстрелил в их сторону пару раз из своего «Маузера». С огнестрельным оружием пустынные хищники были хорошо знакомы. Поэтому больше близко не подходили и таякали где-то вдалеке за барханами. К счастью под утро они куда-то свалили. И дали мне поспать немного.

Этот день принес мне частые обмороки. От недостатка воды я все чаще стал впадать в полубредовое состояние. А возможно, еще и рана воспалилась. И поэтому меня так начало колбасить. Я лежал в тени от парашюта и остатков стены и дремал. Временами проваливаясь в забытие. Сколько так прошло времени? Я не знаю. Но когда я открыл глаза в очередной раз, то увидел его. Поначалу подумал, что брежу. И меня посетил очередной глюк. Но зажмурившись и хорошо проморгавшись, я все же понял, что он вполне реален. На вершине бархана стоял верблюд. Самый настоящий. С какими-то котомками и мешками, висящими по бокам. А рядом с этим экзотическим зверем. Я его сразу и не заметил. Замер его хозяин. Молодой араб в одежде бедуина. Очень молодой. Ему с виду было не больше шестнадцати лет от роду. Совсем еще мальчишка. Но здесь в пустыне в племенах бедуинов-кочевников такие вот пацаны уже считаются взрослыми мужчинами.

Его звали Хасим эль Бакир. И был он родом из небольшого кочевого племени бедуинов. Этим детям пустыни не было никакого дела до Большой Войны, которая докатилась и до этих глухих мест. Кочевники оставались нейтральными персонажами в этих разборках белых колонизаторов. Правда, сейчас им приходилось гораздо дальше уходить в пустыню. Чтобы не попасть под шальной выстрел, снаряд или авиабомбу. Собака лает — караван идет! Бедуины жили по такому принципу. Их не касалось все, что происходило сейчас в Большом мире. У них была своя жизнь и свои проблемы. Но на этот раз путь молодого кочевника пересекся с белокожим чужестранцем. То есть со мной. Нет, если бы я был в порядке. И мог двигаться самостоятельно, то Хасим эль Бакир мне бы и слова не сказал. Возможно, указал бы правильную дорогу через пустыню. Но не более того. Однако, я был ранен и практически беспомощен. И если меня оставить здесь в таком состоянии, то я скоро умру. Это Хасим понял сразу, взглянув на мою рану. Возможно, будь на его месте более зрелый и опытный

араб. То он бы не стал мне помогать. Не стал бы со мной возиться. Но Хасим был еще юношей. Идеалистом, пока еще верившим, что надо жить по законам предков. А предки бедуинов наказывали своим потомкам, чтобы те никогда не бросали беспомощных людей в беде посреди пустыни. И молодой кочевник пока верил, что надо жить именно так, а не иначе.

Нет, вообще-то, Хасим сюда явился совсем не по мою душу. Просто он заметил мой парашют. Его издалека можно было разглядеть в этой бесконечной пустыне. Мне повезло, что купол зацепился за стену разрушенного здания. И торчал там на верхотуре, обдуваемый ветрами. В общем, повезло. Мне. Одиноким бедуином, куда-то следующий по пустыне по своим делам, увидел мое убежище. И решил проверить. А нашел меня. Помирающего от ран и жажды. Думаю, что еще немного и я бы ушел за грань, чтобы никогда не вернуться назад. Но Хасим эль Бакир появился раньше чем я умер. И тем самым спас меня. Первое что он сделал — это напоил меня. В бурдюке кочевника плескалась мутная, теплая и не очень свежая вода. У нее был отчетливый привкус кислой кожи. Но ничего вкуснее в своей жизни (в обеих жизнях) я не пил. Это был кайф. Настоящий кайф! Потом Хасим осмотрел повязку на моей ноге, но ничего трогать не стал.

Мы с ним даже смогли немного пообщаться. Мне повезло, что этот юный бедуин знал английский язык. Не очень хорошо, но достаточно. Чтобы я мог попросить у него помощи. Я хотел, чтобы он отвез меня к ближайшему посту английской армии. А видя, как этот юноша смотрит на мой парашют, я тут же решил сделать ему подарок. Мне все равно этот парашют не нужен. И брать его с собой я не собирался. Для использования по прямому назначению он уже непригоден. Я же его безжалостно порезал своим ножиком. А вот для жителя пустыни — это было настоящим сокровищем. Для бедуинов такая вот парашютная ткань и стропы на вес золота. Люди здесь живут в очень суровых условиях. И по местным меркам Хасим моментально стал бы очень богатым человеком, получив этот драный парашют в свое пользование. В принципе, Хасим мне бы и так помог. Забесплатно. Но я решил подстраховаться и сделал этому молодому арабу такой вот шикарный подарок. Очень приятно делать добрые дела. Особенно, если это вам ничего не стоит. И еще я ему свой компас отдал. В хозяйстве пригодится. Хотел подарить и наручные часы. Но бедуин сам от них отказался. Заявив, что время он и так может определять по солнцу и звездам. И ему для этого часы не нужны. Ну, хозяин-барин. Нет, так нет.

Хасим очень бережно собрал парашют в штатный парашютный ранец. Я ему советы при этом давал. Еще помню, как надо парашют правильно укладывать. Потом закрепил его на своем верблюде. Затем подвел верблюда поближе ко мне. Уложил его на песок. И помог мне на него залезть. После чего верблюд, повинувшись команде Хасима, встал и невозмутимо пошел по барханам. И знаете что? Это вам не лошадь. Верблюд является идеальным транспортным средством. Не зря его местные арабы называют «кораблем пустыни». Это животное не идет, а плывет по барханам. Медленно и степенно. Не дрыгает, не скачет и не дергает. И сидя на нем, не надо напрягать мышцы ног и задницы. Как это бывает при езде на лошади. Такое вот передвижение идеально для моей раненой ноги.

Следующую часть дня мы двигались среди барханов. Куда и зачем? В это я особо не вникал. Главное — мы шли в сторону от противника. Значит, не к итальянским позициям. И для меня этого было достаточно. К вечеру мы прибыли к небольшому оазису в пустыне. Очень небольшому. Пять чахлых пальм, несколько десятков колючих кустов и маленький родничок с мутной водой. Уф! А то я уже сомневаться стал. Воду то из бурдюка Хасима мы

всю еще в обед выпили. И если бы не нашли источник, то у нас образовались большие проблемы. Но молодой кочевник доказал, что он свое дело знает. И уверенно привел нас к воде. Вот в этом оазисе мы с ним и заночевали. Напились вволю, поели пресные лепешки и завалились спать.

События дня следующего помню какими-то урывками. Мне стало хуже. Рана воспалилась и болела. И сознание все чаще начало уплывать в туман. Я находился в каком-то полубредовом состоянии. Помню не все, а отдельные фрагменты. Вот мы выступаем в путь. Несколько эпизодов нашей дороги по пустыне. А потом слышу радостный крик Хасима, который указывает на один из барханов. Там стоит смутно-знакомый броневедомобиль. Я такие у британцев здесь уже видел.

Оказывается, мы наткнулись на один из моторизированных разведдозоров, которые британская армия высылала в пустыню. А так то до ближайших английских позиций нам было идти еще очень далеко. Но эти австралийцы на своем разведывательном броневедомобиле «Моррис» CS.9 на этот раз углубились в пустыню дальше обычного. На наше счастье. А то верблюд, конечно, хорош, но он слишком медленно двигается по пустыне. Правда, когда меня загрузили в бронемашину и куда-то быстро повезли. То я понял, что на верблюде было ехать более комфортно. От тряски и боли я сразу же вырубился.

Вместо эпилога

И очнулся только в госпитале в Александрии. Бравые австралийцы меня довезли до расположения своей части. Потом мою бесчувственную тушку осмотрели в полевом госпитале, но оперировать не решились. Квалификация у полевых медиков была не та. Слишком тяжелым было мое ранение. Мне только почистили рану и сменили повязку. А затем за мной прилетел транспортный самолет, который на передовую прислал маршал Лонгмор, обрадованный, что я все же нашелся. Я ему потом за это спасибо сказал. Большое человеческое. Ведь если бы меня везли в Александрию по дороге на грузовике. Как тут обычно всех раненных с линии фронта и вывозят. То ногу мою было бы уже не спасти. Я и так сильно ее запустил. В ране началось заражение. И только оперативная доставка моего бесчувственного тела в главный госпиталь Египта спасла ситуацию. Ехал бы на машине как все, то сгнил бы от гангрены. Мне потом так врачи и сказали. Повезло, в общем. Мне.

Повезло, что не умер. И что ногу мне не отрезали. А ведь могли. Могли. Это первое, что военные медики делают при гангрене. Отрезают на фиг загнившую конечность. Но моя нога осталась со мной. Правда, медикам с ней пришлось помучаться. Собрать по кусочкам кость, раздробленную пулеметной пулей. Но они это сделали. Справились. Я потом главному хирургу, оперировавшему меня, шикарный подарок сделал. Подарил ящик виски двенадцатилетней выдержки. Очень дорогую выпивку любит этот доктор, между прочим. Но мне денег было не жалко. Заслужил, хирург. Правда, хоть ногу мне и удалось сохранить, но с ней было не все в порядке. Это на других попаданцах все заживает как на собаке. А у некоторых из них в книжках даже регенерация отрубленных и отстреленных частей организма работает. Но у меня то ничего такого нет. Я самый обычный человек. Не супермен ни разу. Потому и реабилитация после ранения идет не слишком быстро и гладко. Много проблем у меня появилось со здоровьем.

В связи с чем врачебная комиссия запретила мне летать. Мне летать?!?! Вы понимаете? И затем как-то довольно быстро меня выперли из Королевских ВВС прямым ходом в почетную отставку. Типа, я свой долг Британской Империи отдал сполна. И теперь, будучи инвалидом, могу спокойно отдыхать на гражданке. С заслуженной пенсией. А потом за нами приехал папа Анны Марии. Точнее говоря, приплыл. Дон Луис Кортес приплыл в Египет на своей личной яхте. Вот это было круто. Нет, я, конечно, знал, что отец моей любимой жены является богатым человеком. Но не подозревал, что он настолько обеспечен, что может содержать большую и очень комфортабельную двухмачтовую яхту вместе с командой. Круто! По здешним временам это нереальная круть. А дон Луис является теперь и моим родственником тоже. Кстати, единственным кроме моей жены, конечно. У Александра Матросова в этом мире больше других родных нет. Он же круглый сирота был. Детдомовский. Его государство воспитало. И папаша моей супруги ко мне относится нормально. Видимо, помнит, что я для него сделал. Помнит мой совет покинуть Испанию. Пока не стало слишком поздно. И он ему последовал тогда. Уехал сам. Вывел все капиталы и активы и даже бизнес перевез на свою новую Родину в Австралию. И вот теперь он там очень хорошо устроился. И еще больше разбогател. А ведь если бы не мой совет, то дон Луис мог бы потерять все. Вот так-то!

Теперь обо мне. Похоже, что я уже отвоевался? А жаль. Сейчас на моем счету имеются уже сто три сбитых самолета противника. И моя воздушная охота закончена. С такой ногой

британским воякам я больше не нужен. Подбили сокола на взлете, понимаешь. Придется привыкать к мирной жизни. Гражданской. Посмотрим, как там оно пойдет дальше.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор.
Все выше, и выше, и выше
Стремим мы в полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net